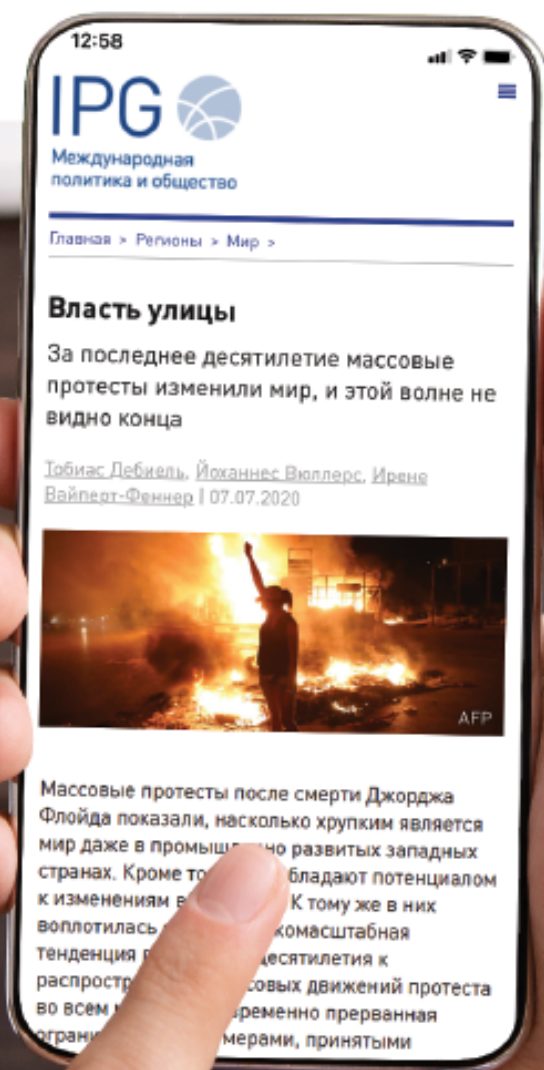

Международная
политика и общество

АНАЛИТИКА ДИСКУССИИ МНЕНИЯ 2020

Исходные данные

Фонд им. Фридриха Эберта | Региональный Офис «Диалог Восточная Европа»
ул. Пушкинская 34 | 01004 Киев | Украина
Тел.: +38 044 234 10 38 | Факс: +38 044 234 10 39
<http://www.fes-dee.org> | e-mail: office@fes-dee.org

Ответственный за публикацию:
Кристофер Форст

IPG – Международная политика и общество
www.ipg-journal.io

Шеф-редактор:
Ольга Васильцова

Контакт:
ipg@ipg-journal.io

Коммерческое использование всех публикаций Фонда им. Фридриха Эберта (ФФЭ) не разрешается без письменного согласия ФФЭ.

Редакция «IPG - Международная политика и общество» может не разделять мнение авторов опубликованных статей.

ISBN 978-617-7157-78-5

Аналитика
Дискуссии
Мнения
2020

Содержание

9 От редакции

- 10 Мириам Зааге-Маас
Экспорт на войну
Являются ли военно-промышленные концерны соучастниками военных преступлений?
- 13 Владимир Фесенко
В своем стиле
Несмотря на критику и очевидные проблемы, Зеленскому удается избегать коммуникационных и геополитических катастроф
- 17 Пеер Тешендорф
Кремль идет на правки
Зачем Путин решил изменить конституцию и что значит отставка правительства Медведева?
- 20 Петер Брандт
«Большие партии для простых людей»
Ответ на вопрос, почему Европе все еще нужны народные социал-демократические партии, устами историка Петера Брандта
- 25 Арне Литц
Борьба за ледники
Изменение климата превращает Арктику в цель геополитических интересов. Речь идет о сырье, торговых путях и военных базах.
- 29 Николай Капитоненко
Внимание на соотношение сил
Почему европейские ценности или общие демократические процедуры не могут быть основой безопасности Европы
- 33 Давид Рамин Джахилланд
Конец «персидской перестройки»
В Иране пробил час радикальных сил. Установление контроля над парламентом – только первый шаг. Недовольство населения растет.

- 37 Иван Крыстев
«Восток разлюбил Запад»
Иван Крыстев о кризисе европейской демократии и об истоках нового популистского либерализма в Восточной Европе
- 40 Валерий Калныш
Примирение ≠ мир
Куда ведет новая стратегия украинского поведения в войне?
- 43 Ангелина Давыдова
Нелегким климатическим путем
Большинство постсоветских стран не готово к амбициозным климатическим мерам. Для серьезных подвижек требуется политическая воля.
- 47 Андрей Веселовский
Спасибо, не надо!
Почему Приднестровье не может быть моделью для урегулирования конфликта на востоке Украины
- 50 Тома Пикетти
Наследство для всех
Известный экономист Тома Пикетти о рецептах излечения от неравенства, успехе правых и солидных неравных выплатах каждому
- 54 Кевин Радд
COVID-19 и национализм
Пандемии не уважают политических границ. Разыгрывание национальной карты не решает ни одной проблемы.
- 57 Катерина Задоевко
Подмена понятий
Празднику 8 Марта необходимо вернуть первоначальный смысл. Женщины получают поздравления, но подвергаются дискриминации и насилию.
- 62 Тлаленг Мофокенг
Насилие в отношении женщин блокирует глобальное развитие
Когда женщины не борются за выживание, они и их общества действительно процветают

- 65 Ник Малкуис
Закрывая наши границы, заглушая наш разум
Ситуация на греко-турецкой границе – свидетельство бесцеремонности Эрдогана и недееспособности ЕС
- 68 Иван Ковалец
Проблема не только в Чернобыле
В Украине системно не изучаются источники загрязнения воздуха. Властям следует срочно инициировать работу по их инвентаризации.
- 72 Евгений Гонтмахер
Спасительная нить во время кризиса
Опыт компенсации убытков во время пандемии сделает безусловный базовый доход неотъемлемой частью социальной политики развитых стран
- 76 Мишель Д. Гейвен
«Масочная» дипломатия
Китай использует коронакризис для укрепления лидерских позиций в Африке. Этому способствуют безграмотные действия Запада.
- 79 Рутгер Брегман
«Неужели все, что происходит, – это не сон?»
Рутгер Брегман о панических закупках, норвежских тюрьмах, незаменимых профессиях и о том, что действительно важно в наше время
- 84 Марк Заксер
На разломе эпох
Коронакризис нанес удар по всем системам. Но он дает и новые шансы.
- 96 Рольф Мютцених
Германия и ядерное оружие
Рольф Мютцених за актуальную и честную дискуссию в области политики безопасности
- 101 Юлия Эбнер
«Направить страх и гнев против общего образа врага»
Пандемия – звездный час для теорий заговора. Эксперт по проблемам экстремизма о потере контроля и угрозе эскалации.
- 106 Маркус Мекель
На периферии общественной памяти
Воспоминания о национал-социализме в Германии сконцентрированы на Холокосте. Пора возродить в памяти опыт пережитого в Восточной Европе.
- 109 Яннис Гримм, Тереза Ференбах
Революция откладывается
Коронавирус остановил массовые протесты на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но порожденный им кризис лишь подливает масла в огонь.
- 114 Арусяк Капукчян
Рабочие моменты
Как пандемия COVID-19 способствует борьбе за трудовые права в Армении
- 117 Герберт Вульф
Поперек пути
Азиатские сверхдержавы Китай и Индия стремятся к большему и при этом все чаще вступают в конфликт
- 121 Александра Горчинская
Вышли из класса...
... но не все перешли в онлайн. Государство должно обеспечить равный доступ к полноценному дистанционному обучению.

- 124 Янина Павелц
Робин Гуд или Аль Капоне?
Преступные банды, наркокартели и мафия умело используют пандемию, чтобы изобразить из себя благодетелей и укрепить свою власть
- 127 Свенья Бланке
Смертельный подарок
Перед коронавирусом все равны? Миф. Вирус, завезенный богатыми в Латинскую Америку, с особой силой ударил по бедным.
- 130 Расим Марц
Амбиции Турции в Северной Африке
Османское наследие: Турция наращивает свое присутствие в восточном Средиземноморье и активно вовлекается в конфликт в Ливии
- 133 Нина Потарская
На ее плечи
В Украине социальные сокращения компенсируются за счет женщин. Неолиберальную парадигму должна сменить политика гарантии прав человека.
- 136 Арсений Сивицкий
Выборы без выбора?
Лукашенко не допустил главных конкурентов к выборам. Беларуси угрожает новая изоляция со стороны ЕС и США и усиление зависимости от России
- 140 Сергей Герасимчук
Тревожно, но не безнадежно
Есть ли место для стран «Восточного партнерства» в повестке дня председательства Германии в ЕС?
- 143 Тобиас Дебиель, Йоханнес Вюллерс, Ирене Вайперт-Феннер
Власть улицы
За последнее десятилетие массовые протесты изменили мир, и этой волне не видно конца
- 146 Лоуренс Броерс
Во избежание тотального конфликта
Текущее перемирие между Арменией и Азербайджаном нельзя принимать как должное. Диалог важен как никогда.
- 150 Йоханнес Варвик
Гонка лабораторий
Россия, Китай или США? Разработка вакцины становится геостратегическим сражением. Йоханнес Варвик о рисках и побочных эффектах.
- 154 Рыгор Астапеня
«Беларусь входит в самый сложный политический кризис»
Рыгор Астапеня из Минска о том, что люди открыто ненавидят власть, но Лукашенко может уйти только через кровь
- 157 Майкл Шелленбергер
Нет причин для паники
Эколог-активист Майкл Шелленбергер объясняет, почему ожидаемые последствия изменения климата преувеличены
- 163 Николай Капитоненко
Ответственная Европа
Центр тяжести глобальной политики смещается в Азию. Как Европа может остаться одной из основ мирового порядка?
- 167 Юджин Нгуми
Ложная тревога
В начале пандемии говорили, что коронакризис в Африке может достичь катастрофических масштабов. Пока что статистика приятно удивляет.
- 171 Томас Греммингер
«Опасно списывать со счета мультилатерализм»
Многие европейцы воспринимают безопасность как должное. Это опасное заблуждение, предостерегает Томас Греммингер.

- 175 Гарри Тзимитрас
Дилемма Восточного Средиземноморья
Конфликт в Восточном Средиземноморье касается не только месторождений газа, Эрдоган преследует более высокие цели
- 178 Шери Берман
Во всем виноват Трамп!
Если бы все было так просто... Недовольство демократией растет во всем мире, и левые партии также несут ответственность за это.
- 181 Сергей Лавриненко
Большая релокация?
IT-отрасль Беларуси готовится к большому уходу. При негативном сценарии развития ситуации вести технологический бизнес будет невозможно.
- 184 Джаба Девдариани
Турция бросает вызов России на Кавказе
Москва попыталась играть с тяжеловесами мировой политики, но Анкара застала ее врасплох
- 187 Богдан Ференс
На этот раз без триумфа
«Слуге народа» Зеленского не удалось перезагрузить местную власть. Борьба с оппонентами обретает новые формы.
- 190 Ирина Соломатина
Революция с «женским лицом»
Беларусь возглавила тренд на сильные женские образы, но медийный эффект не имеет ничего общего с политической победой
- 193 Кристофер Лэнгтон
«Замороженный» конфликт неизбежно растет
Долгосрочные соглашения о прекращении огня не решают конфликты. Вопрос поколений всегда будет продлевать проблему.
- 197 Федор Лукьянов
Естественное расхождение
Россия и Запад перестали быть важными друг для друга. Отравление Навального – лишь предлог для разрыва отношений.
- 202 Катерина Задоенко
Успеть до пятницы
Пандемия напомнила: женщины выполняют больше неоплачиваемой работы, чем мужчины. Четырехдневная рабочая неделя могла бы сместить баланс.
- 206 Торнике Шарашенидзе
По старому кругу
«Грузинская мечта» остается у власти на третий срок. Почему Саакашвили не удалось взять реванш?

От редакции

Во всем виноват Трамп – во всяком случае, если верить заголовку одной из статей, опубликованных в нашем журнале в 2020 году. Но тот, кто продолжит чтение, поймет, что автор ни в коем случае не считает, что всю вину можно взвалить лишь на Дональда Трампа. Хотя выборы в США и порой бесчестная борьба за власть в Вашингтоне, конечно же, наложили свой яркий отпечаток на этот год.

Впрочем, даже это событие года затмило другое – пандемия катастрофического масштаба, которую мы не могли себе представить даже в страшном сне. Марк Заксер считает, что экономические и политические последствия кризиса COVID-19, застигшего нас на разломе эпох, наверняка запомнятся и будут в числе самых больших трагедий XXI века. Если Вы пролистаете эту книгу спустя несколько лет, многие статьи, связанные с этим событием, скорее всего, покажутся Вам сообщениями из другой Вселенной. Во всяком случае, мы горячо надеемся на это.

Год назад мы отмечали, что мир становится все более непредсказуемым и меняется все быстрее. Тогда мы, к сожалению, не догадывались, насколько окажемся правы. Кризис, вызванный COVID-19, породил фундаментальные изменения. Закрылись границы, вырос уровень бедности и социального неравенства, появились новые протесты и слова в нашем лексиконе (кто в 2019 году смог бы вразумительно истолковать заголовок «Масочная дипломатия?»), а американский народ избрал нового президента.

На постсоветском пространстве также произошли поистине эпохальные события. В Беларуси спустя 26 лет зашатался, хотя к настоящему моменту (пока?) не пал режим Лукашенко. В Молдове избрали президентом политика с проевропейской ориентацией Майю Санду. Снова вспыхнул, казалось бы, замороженный конфликт между Арменией и Азербайджаном и повлек многочисленные жертвы. Кристофер Лэнгтон на страницах нашего журнала писал о том, что «замороженный конфликт непременно растает». К сожалению, это утверждение оправдалось на Южном Кавказе. Произошло дальнейшее обострение отношений между ЕС и Россией из-за «дела Навального». А российский референдум об изменениях в конституцию был воспринят с недоумением за рубежом. И только в Украине в 2020 году, похоже, мало что изменилось; в Киеве все еще говорят о коррупции и влиянии олигархов намного больше, чем того бы хотелось.

Изменения в мире коснулись и нашей редакции. Новой и не всегда легкой для нас реальностью стали «домашний офис» и цифровые технологии. В то же время наш онлайн-журнал люди стали читать с еще большим интересом, так как многие проводят больше времени в Интернете. В связи с этим мы повысили требования к качеству нашей работы и стремимся отвечать им.

В этом году пищи для дебатов было более чем достаточно. Для этого сборника мы отобрали ряд статей, появившихся в 2020 году и показавшихся нам особенно значимыми и актуальными на все времена. Мы надеемся, что Вы сохраните свое благожелательное отношение к нам и будете оставаться читателями журнала «IPG – Международная политика и общество» в 2021 году. А сейчас желаем Вам получить удовольствие от чтения!

Оставайтесь оптимистами! Эти слова в нынешнем году, наверное, нужнее, чем когда-либо.

Кристофер Форст, Ольга Васильцова

Экспорт на войну

Являются ли военно-промышленные концерны соучастниками военных преступлений?

Мириам Зааге-Маас

Европейский центр по конституционным правам и правам человека (ECCHR) обратился в Международный уголовный суд с заявлением, в котором обвинил концерн Rheinmetall и компанию Airbus в пособничестве военным преступлениям в Йемене. Что же конкретно вменяется в вину этим предприятиям?

Существует вероятность того, что правления и топ-менеджмент как минимум восьми европейских фирм по производству оружия совершили уголовно наказуемые деяния, так как из-за поставок боевых самолетов и бомб могли стать соучастниками военных преступлений в Йемене. Общеизвестно, что ответственность за нападения на мирное население с нарушением норм международного права в йеменском конфликте несет воздушный флот военной коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией. На месте такого авиаудара, во время которого погибла семья из шести человек, были, например, обнаружены части оружия, позволяющие сделать вывод о применении управляемой бомбы, произведенной фирмой RWM Italia S.p.A., дочерним предприятием немецкого военно-промышленного концерна Rheinmetall AG. В свою очередь эти бомбы, очевидно, могли быть сброшены с самолетов, которые строит и поставляет в том числе в Саудовскую Аравию компания Airbus.

В международном уголовном праве действует принцип, согласно которому уголовно наказуемым деянием является и поддержка, оказываемая другим лицам в совершении преступлений против международного права или предоставление орудий для достижения таких преступных целей. Эту концепцию следует применить и к ответственным лицам крупных оружейных концернов.

А могут ли такие частные предприятия, как Rheinmetall, вообще быть ответчиками по подобным искам? Ведь они ссылаются на то, что поставки оружия и самолетов осуществляются ими в соответствии с нормами действующего права.

Вывод о том, что вооруженные конфликты затеваются и осуществляются не только политиками и военными, а важную роль здесь играют и крупные промышленные предприятия, не нов. Еще на Нюрнбергском процессе 1945 года стало ясно, что, к примеру, промышленные боссы концерна Krupp AG создали возможность для совершения преступлений нацистским режимом и поддерживали его. Поэтому против менеджеров и собственников крупных немецких концернов (Flick, Krupp, IG Farben) были выдвинуты в том числе и обвинения в производстве оружия для захватнических войн Германии.

Мы прибегаем к схожим аргументам: если поставки оружия для одной из сторон конфликта создают возможность для совершения ею военных преступлений, а сам поставщик имеет основания полагать, что это оружие может использоваться для совершения уголовных преступлений против международного права, то в таком случае подобные действия невозможно оправдать даже полученными разрешениями. Разрешений в рамках административного права, способствующих преступлениям против международного права, быть не может и не должно!

Какие меры надлежит предпринять германскому правительству и правительствам других европейских стран для предотвращения дальнейшей эскалации конфликтов из-за поставок вооружений, производимых в Европе?

Федеральное правительство всегда охотно ссылается на то, что немецкое право в области контроля над вооружениями по сравнению с другими европейскими странами является довольно строгим. Однако Закон о контроле над вооружениями неприменим ко многим видам экспорта в рамках европейских кооперационных проектов типа строительства истребителя Eurofighter. Там действуют более мягкие положения Закона о внешнеэкономической деятельности. К тому же практика выдачи разрешений слишком размыта. На наш взгляд, уполномоченные инстанции недостаточно точно контролируют возможные последствия экспорта вооружений. Своим заявлением о совершенном уголовном преступлении мы стремимся обратить внимание Федерального правительства на необходимость контроля за вероятностью пособничества военным преступлениям посредством экспорта вооружений. И если это так, то выдача разрешения на экспорт может рассматриваться как акт пособничества. Это означает, что чиновники, дающие разрешение на экспорт оружия, при известных условиях могут также нести ответственность в рамках международного уголовного права.

Защитники экспорта вооружений возражают, что такие же поставки применялись, например, в войне против ИГ, а потому в конечном счете имеют положительный эффект. Как тут можно провести четкое разграничение?

Хранение и использование оружия в действующем праве в области контроля за экспортом вооружений регулируется в рамках так называемых сертификатов конечного пользователя. В них прописано, кто должен быть получателем оружия и допускается ли его дальнейшая передача. Но в таких сертификатах конечного пользователя не всегда в достаточной степени или конкретно указываются цели, в которых разрешено использование этого оружия, что создает почву для злоупотреблений. И к тому же они с трудом поддаются проверке. Как только оружие однажды покинуло пределы страны и оказалось на территории другого суверенного государства, Федеральное правительство Германии мало как может повлиять на его использование.

Процесс против компании Heckler & Koch по обвинению в поставках оружия в Мексику продемонстрировал практическую невозможность обеспечения контроля за соблюдением сертификатов конечного пользователя. Итак, если, по всей вероятности, существует риск использования оружия с нарушением прав человека и международного гуманитарного права, необходимо запрещать выдачу разрешений и экспорт, причем независимо от возможного наличия других позитивных соображений в пользу экспорта.

Какие шаги следует предпринять на международном уровне для того, чтобы улучшить защиту мирного населения в кризисных регионах?

На международном уровне важно расширить действие и обеспечить более эффективную реализацию Международного договора о торговле оружием (Arms Trade Treaty, ATT), в котором предусмотрены обязательные стандарты для процедуры выдачи разрешений на экспорт вооружений и боеприпасов. Этот договор вступил в силу в 2014 году. Тем не менее страны, вносящие весомый вклад в производство глобальных вооружений и торговлю ими, например, США, до сих пор не ратифицировали его. В международном масштабе нам нужна также большая ясность в том, какой должна быть надлежащая оценка существующих рисков перед выдачей разрешений на экспорт: насколько точно органы

власти обязаны изучить наличие угрозы нападения на мирное население? Достижение большей ясности в этих вопросах и разработка единого подхода на многостороннем уровне принесли бы в долгосрочной перспективе пользу и мирному населению в регионах конфликтов.

А не приведет ли столь далеко идущая регламентация в Европе в конечном счете к переносу производства товаров военного назначения в другие страны, где правам человека уделяется не столь большое внимание?

Это излюбленные аргументы, к которым прибегают предприятия, когда к ним предъявляют высокие требования соблюдения прав человека. И все же они ошибочны. Во-первых, если поставки оружия создают возможность для военных преступлений, то в таком случае то, что оно поставляется из Германии, ничего не меняет по существу преступления, разве что на этом зарабатывают и немецкие предприятия. Во-вторых, высокотехнологическое оружие – это не тенниски, а потому производство определенных видов вооружений не может быть просто так перенесено в другие регионы. К тому же существуют различные международные нормы, предписывающие всем государствам и военно-промышленным корпорациям во всем мире схожие стандарты. Наряду с АТТ есть и Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека Организации Объединенных Наций. Ими бизнесу предписана обязанность должным образом соблюдать права человека и тщательно оценивать вредные для них последствия, которые влекут за собой поставляемые ими продукты. Таким образом, становится ясно: при экспорте в другие страны предприятия и органы власти оперируют в пространстве, где также действуют права человека.

Интервью провела Клаудия Детч

Ⓢ **Д-р Мириам Зааге-Маас** (Miriam Saage-Maaß) – директор программ по экономике и правам человека при Европейском центре по конституционным правам и правам человека (ECCHR).

В своем стиле

Несмотря на критику и очевидные проблемы, Зеленскому удастся избежать коммуникационных и геополитических катастроф

Владимир Фесенко

Резонансные события января – трагедия с украинским самолетом над Ираном, скандалы вокруг правительства – спровоцировали бурную дискуссию относительно эффективности политики коммуникации нынешней украинской власти. Большинство критиков, реагируя на трагедию, называли позицию президента

Зеленского и его команды слишком осторожной, их объединял призыв к более жестким и радикальным заявлениям и действиям. В ряде украинских СМИ прозвучали выводы о «коммуникационной и геополитической катастрофе».

Но давайте обратимся к фактам. Самолет компании МАУ разбился ранним утром 8 января. Украинские СМИ сообщили об этом около 6 утра. В 07:43 президент Украины на своей странице в Facebook выразил соболезнования по поводу гибели пассажиров и экипажа пассажирского самолета МАУ. Чуть позже на сайте главы государства появилась информация о поручениях, которые Зеленский дал различным должностным лицам. В первые часы после катастрофы при Совете национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) был создан оперативный штаб.

Проблема была в том, что в этот момент президент Украины находился в Омане и вернулся в страну только через 18 часов. Утром 8 января в Украине отсутствовали и ряд других руководителей, в частности председатель Службы безопасности Украины (СБУ). И это один из уроков на будущее: должен быть жесткий график присутствия в стране критически необходимого числа государственных руководителей. Заседание СНБО, посвященное трагической гибели нашего самолета в Иране, состоялось в ночь с 8 на 9 января, сразу после возвращения в Украину главы государства. Но еще до этого, вечером 8 января украинские представители ответственных за расследование авиакатастрофы и идентификацию тел погибших вылетели в Иран. Для сравнения: канадская группа быстрого реагирования начала прибывать в Иран только с 12 января. 9 января в Украине был объявлен траур. Каждый день после катастрофы (с 8 по 11 января) президент выступал с телевизионными обращениями о расследовании причин катастрофы и принимаемых мерах. С соответствующими обращениями и информацией в ежедневном режиме выступали и другие государственные руководители (премьер-министр, министр иностранных дел, секретарь СНБО и т.д.).

Критиковали Верховную Раду относительно того, что она не собралась сразу же после катастрофы и не приняла соответствующее заявление. Но похожая ситуация была и в 2014 году. Тогда парламент Украины принял постановление по катастрофе авиалайнера МН-17 только через пять дней, на очередном пленарном заседании.

Другими словами, какого-то фатального запаздывания в реагировании на случившуюся катастрофу не было. Все делалось достаточно оперативно по соответствующим протоколам, и гораздо быстрее, чем в других странах, чьи граждане погибли в результате этой

трагедии. Ошибки были, но как раз по причине спешки – например, необоснованное заявление о причинах катастрофы со стороны посольства Украины в Иране (в первые часы после трагедии). Были и некоторые другие ляпы, скорее технические и стилистические.

Много недовольства было высказано по поводу того, что украинское руководство до последнего момента не признавало, что наш самолет был сбит ракетами иранских ПВО, хотя об этом уже заявили Канада, США и Великобритания. СНБО Украины уже 9 января заявил о возможности поражения авиалайнера ракетой как об одной из возможных версий, хотя западные спецслужбы, по данным Reuters, первоначально это отрицали. Почему не признали эту версию основной после заявлений глав правительств Канады и Великобритании? В Украине с выводами о результатах расследования не спешили, видимо, по тактическим и политическим соображениям. Для сравнения: в Еврокомиссии 10 января уже после заявлений премьер-министров Канады и Великобритании также высказывались очень осторожно: «На данном этапе нет убедительных доказательств о причине инцидента, и мы до сих пор ждем результатов расследования, которое продолжается». В Брюсселе, возможно, опасались, что конфликт между США и Ираном мог повлиять и на выводы руководства США, Канады и Великобритании о причинах трагического инцидента с украинским самолетом. Украинское руководство, наверное, не хотело полагаться только на данные спутниковой разведки и надеялось получить от наших экспертов, работавших в Иране, окончательное заключение о причинах катастрофы нашего самолета.

На выбор осторожной тактики по иранской проблеме наверняка повлияли и неконфликтный характер президента Зеленского, и отсутствие достаточного политического опыта у главы государства и большей части его команды

Критики президента Зеленского также говорят о неэффективности коммуникации с международными партнерами. На самом деле активные контакты президента Украины с лидерами или высокопоставленными руководителями США, Канады, Великобритании и ряда других стран, а также с руководством Ирана происходили 9 января и в последующие дни. Международная координация в расследовании происходила с первого дня трагедии.

Не получили одобрения и действия украинской власти в том, что данные разведки о поражении самолета ракетами нам предоставили несвоевременно. Увы, нечто подобное происходит не в первый раз, и не только в отношениях западных стран с Украиной, но и, например, в отношениях США и европейских стран. Судя по заявлению Еврокомиссии, данные спутниковой разведки не предоставляли и руководству ЕС. Однако, справедливости ради, надо отметить, что после призыва президента Зеленского предоставить доказательства, касающиеся катастрофы самолета МАУ в Иране, такие данные в тот же день были предоставлены через посольство США в Украине.

Наконец, главным аргументом в пользу эффективной международной координации является признание Ираном вины за ошибочную ракетную атаку на украинский

самолет. Свидетельством активной координации действий стран, пострадавших в результате этой трагедии, также является встреча министров иностранных дел Афганистана, Великобритании, Канады, Украины и Швеции, которая состоялась 16 января в Лондоне.

Учитывая разгоревшиеся дискуссии, возникает вопрос: как же власть должна была реагировать (информационно-политически) на трагедию с украинским самолетом в Иране? Здесь не может быть универсального и готового ответа. Все зависит от обстоятельств и возможностей. Это традиционная дилемма, когда речь идет о реакции на драматичные внешние и внутренние вызовы: дипломатия громких заявлений и жестких действий или осторожное, сдержанное реагирование. Вспомним реакцию украинских властей на аннексию Крыма Россией. Тогда украинское руководство и западный мир выбрали тактику осторожного реагирования, опасаясь прямого военного конфликта с Россией. В случае с Ираном для Украины не было риска военного конфликта, но наверняка были опасения, что резко конфронтационная позиция может затруднить либо вообще заблокировать работу наших экспертов в Иране по расследованию катастрофы самолета МАУ. В конечном итоге именно расследование наших экспертов на месте катастрофы сделало неизбежным признание Тегерана о том, что самолет был сбит ракетой иранских ПВО. На выбор осторожной тактики по иранской проблеме наверняка повлияли и неконфликтный характер президента Зеленского, и отсутствие достаточного политического опыта у главы государства и большей части его команды.

Начало этого года в Украине запомнится еще и скандалами вокруг правительства. Бурное обсуждение повышения зарплат и огромных премий руководителям правительства и госкомпаний, а также прослушка премьер-министра и его несостоявшаяся отставка продемонстрировали традиционные проблемы украинской политики: непрозрачный способ принятия решений в пользу высокопоставленных чиновников, непонимание политиками и высшими чиновниками (в том числе и новыми) общественных настроений и остроты проблемы социальной справедливости, полухаотичное и конфликтное столкновение интересов политических игроков, использование неправовых методов для информационно-политических кампаний, проблемы с информационной безопасностью даже в высших государственных институтах, доминирование неформальной коммуникации над официальными форматами политико-правового процесса.

Выводы о «коммуникационной и геополитической катастрофе», прозвучавшие в украинских СМИ, отражают не столько реальную ситуацию, сколько типичные для украинской информационно-политической культуры апокалиптические оценки и журналистское стремление к острому и громкому слову

Вряд ли эти проблемы будут решены в ближайшей перспективе. Но политический мини-кризис вокруг премьер-министра был разрешен в максимально короткое время. При этом правительству было указано на необходимость урегулирования проблемы зарплат и премий для чиновников. В этом проявился стиль президента Зеленского – решать политические проблемы методом блицкрига и с минимизацией конфликтных последствий.

Таким образом, выводы о «коммуникационной и геополитической катастрофе», прозвучавшие в ряде публикаций украинских СМИ, отражают не столько реальную ситуацию, сколько типичные для украинской информационно-политической культуры апокалиптические оценки и журналистское стремление к острому и громкому слову. Никаких коммуникационных и геополитических катастроф не произошло. Но очевидны серьезные управленческие и коммуникативные проблемы, проявившиеся в ходе реагирования на трагическую ситуацию, а также стремление наших политиков использовать в целях межпартийной борьбы даже трагические ситуации. И здесь украинской власти необходимо вынести урок и выполнить серьезную работу над ошибками.

Кремль идет на правки

Зачем Путин решил изменить конституцию и что значит отставка правительства Медведева?

Пеер Тешендорф

В обращении к нации президент России Владимир Путин заявил о намерении изменить конституцию. Помимо всего прочего в будущем планируется усилить позицию парламента за счет властных полномочий президента. А что на самом деле скрывается за такими намерениями?

Сперва бросается в глаза сдвиг полномочий президента в пользу парламента. Однако при более пристальном рассмотрении эти изменения направлены скорее на консолидацию власти, нежели на ее дифференциацию в духе сдержек и противовесов. Трудно сказать, сможет ли парламент существенно нарастить свои властные полномочия.

Парламент и сегодня голосует за кандидатуру премьер-министра, не играя, впрочем, впоследствии никакой роли при назначении министров и их заместителей. Его новые полномочия по назначению всего состава правительства будут ограничены тем, что президент сможет отозвать всех членов правительства, потерявших его доверие. Он и в дальнейшем будет определять основные направления деятельности правительства. Все это делает деятельность парламента немного интереснее, но только условно сильнее.

Путин прежде всего считает сильное президентское правление наиболее подходящим для России. Для его укрепления предполагается ограничить деятельность множества контролирующих инстанций. Так, в будущем Совет Федерации по представлению президента сможет лишать должностей судей Конституционного суда. В то же время создание «единой системы публичной власти» ограничит полномочия местного самоуправления, которое различным образом применяет права и гарантии граждан, что было раскритиковано Путиным. И, наконец, будет отменено верховенство международного права над национальным.

Таким образом, централизация власти в государстве скорее укрепляется. К тому же предлагается новая балансировка отношений между органами государственной власти и появляется новый конституционный орган – Государственный совет. Естественно, во всем этом аналитики усматривают подготовку к периоду после 2024 года, когда срок президентских полномочий Путина закончится. Посредством усиления других институций он может создать для себя новый фундамент власти. В настоящее время невозможно сказать, будет ли это парламент, должность премьер-министра или председателя Государственного совета, поскольку соответствующие предложения носят еще размытый характер. Можно предположить, что речь идет о некоем экспериментальном этапе, наблюдении за тем, какая расстановка окажется самой стабильной и надежной.

Сразу же после обращения Путина премьер-министр Дмитрий Медведев неожиданно заявил об уходе правительства в отставку. Что означает такая смена правительства?

Отставка правительства, вероятнее всего, мало связана с намеченными изменениями. Нет оснований говорить, что отстранение нынешнего правительства поспособствует улучшению реализации конституционных изменений. А потому можно предположить, что в конечном счете это решение было принято президентом. Еще с момента смены власти в 2012 году Медведев значительно утратил симпатии населения. Из-за изобличающих

материалов Алексея Навального, касающихся накопленных премьером богатств, он оказался в эпицентре критики, направленной против вездесущей коррупции. Премьеру пришлось взять на себя удар в связи с повышением пенсионного возраста. Одновременно он является и председателем партии «Единая Россия», репутация которой существенно пошатнулась. Вступать в следующий год парламентских выборов с непопулярным премьер-министром и ослабленной партией было бы в высшей степени рискованно.

Изменения именно в этот момент дают возможность привнести новую динамику в работу правительства, предотвратить протестное голосование, а также напряжение в обществе. Поэтому задача новых министров будет заключаться в успокоении протестных настроений путем укрепления социальных тенденций в развитии страны и главным образом улучшения реализации национальных проектов, начало которым положил Путин в 2018 году, чтобы успешно пройти выборы и осуществить последующую реструктуризацию органов государственной власти.

В конце концов, есть предположения, что таким образом Медведева пытаются вывести с линии огня и подготовить для решения будущих задач, например, в качестве нового президента с ограниченными полномочиями. Во всяком случае его перевод на должность заместителя Путина в Совете безопасности обеспечит ему довольно перспективную исходную позицию для выполнения последующих задач. Впрочем, новый президентский срок, похоже, маловероятен, так как с Медведевым прочно связаны последние маневры со сменой должностей, а реакция общества на это к моменту следующих президентских выборов вряд ли станет более благосклонной.

Путин планирует вынести законопроекты о поправках в конституцию на всенародное голосование. Может ли он рассчитывать в таком случае на поддержку населения?

Президент в своем обращении четко дал понять, что изменения не носят радикального характера, а потому могут быть приняты парламентом. При этом он предлагает провести народное голосование относительно изменений в целом, и лишь затем принимать решения. Это наверняка будет всенародный опрос, а не референдум. При таком объеме изменений простое голосование по вопросу «согласны ли вы с изменениями?» не представляет опасности, поскольку большинство увидит в них улучшение своего положения. Неслучайно в перечень изменений были включены обещания социального характера, например, законодательное закрепление положения о том, что минимальная заработная плата не должна быть ниже прожиточного минимума. Если бы на голосование были вынесены отдельные разделы, результат мог бы быть совсем другим, так как по отдельным аспектам против могла бы высказаться критическая масса участников опроса. Потому этот вариант и не рассматривается.

Уже известно имя преемника Медведева – им станет Михаил Мишустин. Что можно ожидать от будущего правительства?

Тот факт, что имени Мишустина не было в списке потенциальных кандидатов ни у одного из обозревателей, говорит сам за себя. Он не является личностью, принимающей участие в политической борьбе, а опытным и довольно успешным топ-чиновником. Его характеризуют как эффективного менеджера, которому удалось сделать налоговую систему в России одной из самых современных в мире. А еще поговаривают о его контактах с обоими крупными лагерями: представителями силовых министерств и либеральными реформаторами. Маловероятно, что он будет раскручиваться в качестве преемника. Скорее на него будет возложена задача надежного управления правительством в период трансформации. Реакция на его назначение пока что преимущественно позитивная, так как он

не считается сторонником жесткого курса в каком бы то ни было направлении, а потому не может стать причиной дальнейшего обострения внутренней борьбы между элитами.

Насколько ощутит на себе эту перемену население, покажет лишь время, ведь эффективное управление налоговым ведомством – совсем другая задача по сравнению с хорошо продуманной реализацией национальных проектов во всей стране. Часть положительного имиджа Мишустина основана на стремительном росте эффективности налоговой системы. Этого удалось достичь путем полнейшей централизации, при которой осуществляются электронный учет каждого товарного чека и всех значимых с точки зрения налогообложения документов, доступ к этим данным федеральной налоговой инспекции и поиск вызывающей подозрение информации путем интеллектуального анализа данных. Ввиду запланированной дальнейшей централизации всех баз данных, расширения сети камер наблюдения с распознаванием лица и других мер с целью улучшения контроля за общественной безопасностью такие специальные экспертные познания нового премьера могли также сыграть определенную роль при выборе его на эту должность. В таком случае население вскоре ощутит перемену.

В будущем национальные законы могут иметь приоритет над нормами международного права. Что это означает в плане отношений России с зарубежными странами? Так, например, могут утратить свою силу решения Европейского суда по правам человека.

Это предложение предоставляет России возможность выбирать, какие международные договоры она желает соблюдать. Тем самым она становится весьма ненадежным партнером, поскольку в конечном счете нет возможности полагаться на уже заключенные договоры. Связано ли это с ограничениями для населения, покажет правовая практика. По идее после этого изменения перспектива на то, что жалобы в ЕСПЧ будут приниматься в расчет в России, сохранятся лишь в случае, если они будут связаны с нарушением прав человека, закрепленными и в российском законодательстве. Впрочем, Конституция России в этом отношении прогрессивна. Ведь все права и свободы человека согласно ей гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Таким образом, в этой области не существует противоречий между российским законодательством и международным правом.

В конечном счете это изменение отражает постоянное ослабление международного права, в котором обвиняют Россию. Военное вмешательство, например, в Ираке, Ливии или Косово, которое в России рассматривают как нарушение международного права, породило мнение о том, что супердержавой можно стать, лишь обретя возможность переступить через международное право. В столь опасном истолковании в определенной степени повинны и государства политического Запада.

Впрочем, неясно, каким именно образом предполагается закрепить это изменение в конституции. Главенствующее значение международных договоров прописано в 15 параграфах, которые могут быть изменены лишь конституционным большинством Федерального собрания. Но президент не желает идти этим путем.

Интервью провели Ольга Васильцова и Николаос Гавалакис

Ⓢ **Пеер Тешендорф** (Peer Teschendorf) – с 2018 года руководит Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в России. С 2012 по май 2016 года был руководителем Представительства Фонда в Казахстане и Узбекистане.

«Большие партии для простых людей»

Ответ на вопрос, почему Европе все еще нужны народные социал-демократические партии, устами историка Петера Брандта

Петер Брандт

Господин профессор Брандт, могут ли Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и Христианско-демократический союз Германии (ХДС) и сегодня претендовать на звание народных партий? И нужны ли вообще подобные амбиции, чтобы вернуть доверие потерянных избирателей?

Если говорить о возврате доверия, тут все не так-то просто. Термин «народные партии», как правило, включает в себя два аспекта. С одной стороны, речь идет об определенном размере. Обычно партию, которую поддерживает менее 10 процентов, вряд ли кто-нибудь назовет «народной». С другой стороны, термином «народная партия» на определенном этапе, в 1960-е годы, в чем можно убедиться именно на примере социал-демократии, пытались сказать нечто большее: мы – партия всех. Подход, немного напоминающий американские представления об универсальных партиях, охватывающих все слои населения.

Однако такое истолкование вовсе не обязательно. Народную партию можно определить и так, как это сделала СДПГ в своей программе, принятой в Гёрлице в 1921 году: мы – партия «трудящихся города и села». Это социальное измерение понятия «народ». А народная партия может обозначать и то, и другое. Позже, в определенный момент времени к названию «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ) спереди прибавилось прилагательное «левая». Конечно же, членом СДПГ вполне может стать и миллиардер, разделяющий ее цели. Но он не может рассчитывать, что его интересы будут отстаиваться этой партией точно так же, как и интересы большинства. Какое понимание вкладывать в понятие народной партии? Партии для всех? Или же партии, представляющей интересы двух третей общества – средней и нижней его прослойки? Примерно так можно описать отличие от ХДС/ХСС.

А может СДПГ отказаться от претензий на звание народной партии?

Нет. Сегодня в этом нет никакого смысла. Во-первых, даже будучи партией рабочих, СДПГ в какой-то мере всегда оставалась и народной партией. Это большая партия маленьких людей, из среды которых она всегда черпала часть своих избирателей и членов. Если бы СДПГ отказалась от этого, она отказалась бы, по существу, и от самой себя. Я считаю, что у СДПГ в качестве коалиции периферийных групп нет будущего. И здесь может пригодиться статус «народный». Он весьма противоречиво воспринимается многими в наше время. Я это хорошо понимаю. Но, возможно, эти противоречия порождают и продуктивную реакцию.

Этому понятию присуще нечто антиэлитарное. Так было всегда?

Еще в эпоху античности мы сталкиваемся с этими тремя аспектами понятия «народ»: этническим, государственно-гражданским и социальным. Понятие «антиэлитарный» для меня имеет социальное истолкование. Народные массы – против элит, верхушки. Это с особой силой проявилось во времена так называемой мирной революции в ГДР. «Мы – единый народ!», то есть массы, выступающие против своих правителей. Сегодня правые популисты пытаются присвоить себе этот лозунг.

Правым популистам в некоторых странах Европы каким-то извращенным образом удалось использовать в своих целях неудавшийся протест против элит. Но в случае, например, с Германией это невозможно свести лишь к желанию многих людей жить в гомогенном национальном государстве. Этим группировкам вполне удастся взять на вооружение истолкование понятия «народ» и на других уровнях.

Необходимо постоянно ставить перед собой вопрос: почему им удастся это делать? Почему Левая партия в Восточной Германии утратила способность стать выразителем социального протеста или же осуществляет эту функцию в значительно меньшей степени, чем раньше? Ответа нет. Но полагать, что достаточно разоблачения озвучиваемых правыми призывов, демонстрации того, что они по сути представляют совсем другие интересы... Это не сработает. В политической дискуссии всегда нужно озвучивать представления, связанные с главными и в то же время многозначными понятиями таким образом, чтобы они были совместимы с понятием демократии, оказывали демократизирующее влияние и носили социально-прогрессивный характер. Проблема не нова. Но сегодня она приобретает особую остроту из-за отсутствия твердых социальных прослоек.

То есть фундамента, на который можно опереться, сегодня больше нет?

Именно так! Прочного фундамента больше не существует, а поэтому приходится учитывать тот факт, что колебания во время выборов носят совершенно иной характер по сравнению с шестидесятыми или семидесятыми годами прошлого века.

На Рейхстаге есть надпись: «Немецкому народу». Но, похоже, политикам все труднее обходиться с понятием «народ». Чем это можно объяснить?

В новейшей истории понятие «народ», как уже было упомянуто вначале, имеет три измерения: этническое или же основанное на языковой и культурной общности, государственно-гражданское и социальное. Привлекательность этого понятия как раз и заключается в его неоднозначности. В неявной форме оно несет в себе также иные значения. А критики часто придают значение лишь этническому измерению, да еще и в исключительном смысле. Вот тогда и возникают ассоциации, согласно которым все якобы заключается в этнически гомогенном обществе: народ – народнический (националистический) – народная общность и/или народное единство (фольксгемайншафт). Безусловно, эти ассоциации не взяты с потолка.

А каково отношение социал-демократии к понятию «народ»?

Понятие «народ», как и понятие «классы», в истории социал-демократии имело существенное значение. В массовой агитации предпочитали апеллировать к народу, а в заголовках партийной прессы часто можно было встретить слово «народный» или «народ»: «Народная газета», «Глас народа», «Страж народа», «Друг народа» и т.д. Под надписью на Рейхстаге однозначно имеется в виду политическая нация. Кайзер, правивший в то время, был далеко не в восторге от этой надписи: Рейхстаг считался институцией, составлявшей в определенном смысле демократический элемент в комплексной системе конституционно-монархистского государства. Делать на этом ударение означало подспудно озвучить критическое политическое мнение.

Каким содержанием можно наполнить понятие «народ» во времена огромных миграционных потоков? Возможно, стоит акцентировать больше внимания на двух других компонентах, упомянутых вами?

Когда в истории социал-демократии обращались к понятию «народ», то прежде всего подразумевали его социальное, а затем уже политическое измерение. Но в нем всегда присутствовали и другие смысловые пласты. Этническое и культурное значение понятия никогда

не отрицалось, хотя и не в «народнической» и/или националистической его интерпретации. Немецкие евреи, а также национальные меньшинства были для социал-демократов частью не только политической, но и культурной нации. А вот другая сторона – ультраправые – настаивала на том, что немецкие евреи не являются немцами в этническом смысле. Из-за массовой миграции в течение последних десятилетий соотношение между государственно-гражданским и этническим пониманием понятия «народ» стало в высшей мере проблематичным.

Не является ли в таком случае трагедией то, что сейчас правым радикалам удастся присвоить себе это понятие?

Можно посмотреть на это и так. Во всяком случае, я придерживаюсь мнения, что нам не обойтись без таких понятий. Народовластие без народа? Конечно, народ можно было бы называть и по-другому, например, демос. Но улучшит ли это понимание? Невозможно найти понятия, которые были бы совершенно непроблематичными. Существует представление о возможности безупречного выражения смысла. Но это не так. Политические понятия, как правило, лишены безупречности, а в определенной степени к тому же неясны и многозначны. Такие понятия, как демократия или свобода, не истолковываются сами по себе. Всегда приходится обновлять их путем договоренностей или борьбы. Это же в особенности касается и таких понятий, как народ или нация. А потому, на мой взгляд, избежать такой дилеммы невозможно. Конечно же, антипатия к вышеупомянутым понятиям связана и с представлением об обществе одностороннего индивидуализма, сопровождаемого (что не бесспорно) культом разнообразия.

Часто ведутся споры о том, являются ли зеленые новой народной партией. Есть ли у них для этого, по вашему мнению, такой потенциал?

Они аутентично выражают мнение существенного общественного сегмента. Я длительное время считал, что зеленым совсем не обязательно смотреть на остальные 75 процентов общества. Но они ведь потенциально могут выйти и за пределы своих 25 процентов и добиться симпатий части социал-демократических избирателей и партии левых. Эти партии сегодня отчасти конкурируют с зелеными в борьбе за представителей одинаковой социальной среды. С точки зрения величины с уверенностью можно сказать, что зеленые обрели возможность стать народной партией. Все это выглядит еще не совсем стабильно, но все же они, похоже, становятся народной партией.

Из программы СДПГ, принятой в Гёрлице, вы ранее процитировали фразу о «трудящихся города и села». Тем не менее в промышленно развитых странах, если не сказать во всем мире, все более проблематично добиться сплочения этих обоих сегментов – города и села.

И осознавать это как социальную проблему! Известно, что этот аспект играет важную роль в протестном движении «желтых жилетов» во Франции. Такого различия между столицей и провинцией у нас в Германии пока нет. Но все идет к тому. И вы правы, когда говорите: «в развитых странах».

Вы уже коснулись лежащего в основе и в наше время часто встречающегося контраста между космополитами и коммунитаристами. Можно ли считать новый дуэт лидеров в СДПГ достаточно удачным, чтобы связать между собой эти два лагеря?

Надежда есть. По моему ощущению, многие в этой знаменитой партии еще не поняли того, насколько глубоким, собственно, является кризис в ней. У многих все еще сохранились представления, что достаточно отрегулировать несколько винтиков и принять пару решений в правлении, и дела снова как-то пойдут на лад. Правда, ни у кого нет больше иллюзий насчет того, что в обозримом будущем партии вновь удастся заполучить

40 процентов, но многие надеются, что можно будет хотя бы стабилизировать положение на несколько более низком уровне. Боюсь только, что этой партии придется пройти сквозь «долину слез». Что бы мы ни делали, быстро улучшить ситуацию не получится.

Почему?

Те же тенденции прослеживаются и в других социал-демократических или социалистических партиях, а также еще более ярко в Демократической партии США. Эти политические образования в основном последовали за неолиберальным мейнстримом в экономической и частично социальной политике. Это произошло в сочетании с культурной открытостью, которая в известном смысле была призвана компенсировать потери. Таким образом, сложилось представление о самих себе как авангарде общественно-политической модернизации в смысле индивидуализации и прав особых групп. Разумеется, мы против дискриминации. Но стоит обратить немного больше внимания и на количественные пропорции.

Вы говорите о знаменитом упреке в том, что классовая борьба оказалась совершенно упущенной из виду, хотя ни в коем случае не устарела?

Да, но можно сказать и проще. Франц Мюнтерферинг, которого я высоко ценю за его характер и социал-демократический дух, несколько лет назад высказал мнение, что в нашей стране исчез нижний социальный слой. Как уже было сказано, речь идет не о пренебрежении правами групп, самой большой из которых являются гомосексуалы (к тому же ныне следует учитывать и представителей неведомого мне количества полов), длительное время подвергавшиеся дискриминации, и даже не о самом отрицании наличия дискриминации или ее частичного существования до сих пор. Но все же следует помнить и о количественных параметрах.

Вы с симпатией следили за политическим движением «Вставайте!» (Aufstehen) и поддерживаете его. Почему же эта искра не переросла в пламя? Ведь время для этого, похоже, было подходящим.

Это была неплохая идея. Такого мнения я придерживаюсь до сих пор. Но дело до испытания ее на прочность не дошло. По различным субъективным причинам она стала рядом, разорвавшимся в канале ствола. История почти трагическая. Ведь были не только десятки тысяч людей, заявивших о своем участии, причем большинство из них – беспартийные. Было и много распределенных по всей Германии групп, готовых к акциям, приступивших к действиям, но постепенно разочаровавшихся. Ведь то, что однажды потерпело неудачу, невозможно просто так возродить три года спустя. Тут действительно дело дрянь.

А не считаете ли вы, что благодаря изменившемуся политическому раскладу на парламентском уровне возможно более тесное сотрудничество между СДПГ, левыми и зелеными?

Если есть желание чего-то добиться в этом отношении, нельзя начинать делать это за два месяца до следующих выборов в бундестаг. За прошедшее время сложился круг людей, стремящихся к сближению. Но это может произойти только в результате более широкой общественной дискуссии и общественного движения. Этого не случится путем переговоров за закрытыми дверями относительно пунктов партийных программ или должностей. В этом заключалась идея движения «Вставайте!», идея формирования элементов программы самим обществом. Подобное невозможно создать на пустом месте. И это не зависит от того, распадется правящая коалиция досрочно или нет.

Если вернуться к СДПГ, то сейчас важно действительно всерьез воспринять идею новой ориентации и тем самым испытать некоторые вещи на практике. Для профессиональных политиков, мыслящих в категориях созывов и каденций, сделать это непросто. Но некто вроде меня может даже извлечь выгоду из этого, проанализировав причины

поражения. То, что для людей, занимающихся активной политической деятельностью, все иначе, мне вполне понятно. Но это ничего не дает. Мы оказались в крайне скромном положении. Впрочем, в Европе есть и более положительные примеры: достаточно посмотреть на Иберийский полуостров или Скандинавию. Существующим там партиям, очевидно, удалось закрепиться на стабильно низком уровне. Но то, что существует обще-европейский кризис ориентиров в социал-демократии, не возьмется отрицать никто.

К такому выводу приходишь и при взгляде в сторону Великобритании и Корбина. Два-три года назад он слыл почти светилом в вопросах экономической и социально-политической переориентации. Но споткнулся о вопрос относительно Брексита. И тут мы снова приходим к антагонизму между космополитами и коммунитаристами. Неужели Корбину просто не удалось избежать этой ловушки?

Он попытался вывернуться. Но это не сработало. Существуют вопросы, по сути своей сложные для социал-демократии. Электорат и члены партии лейбористов были и остаются расколотыми в вопросе сохранения членства в ЕС, причем десятилетиями. И все же вещи не всегда являются такими, какими пытаются их преподнести журналисты. Старик – с точки зрения желтой прессы – динозавр, представляющий убеждения XIX века. Ведь все они тогда думали: вот сейчас он окончательно угробит Лейбористскую партию. А затем последовал прекрасный результат на выборах 2017 года. Даже невзирая на последнее поражение, Лейбористская партия продолжает принадлежать к числу наших сильных братских или сестринских партий.

Многие молодые люди в 2017 году также были в восторге от курса Корбина.

Их было очень много! Но многие затем разочаровались из-за отсутствия ясности в вопросе об отношениях с Европой.

Сохраняете ли вы оптимизм в вопросе дальнейшего развития СДПГ?

По своей природе я скорее оптимист. Пессимизм, собственно, всегда считают более интеллигентным типом поведения, чем оптимизм. Оптимизм воспринимается как проявление наивности. Но за свою довольно долгую жизнь я убедился, что если ты хочешь оставаться реалистом, нужно принимать во внимание и резкие повороты. А потому – еще не вечер. Европа и Германия собственно нуждаются в сильной социал-демократии. Прошли времена, когда одна-единственная левая партия покрывала собой все. Это знает и партия левых. Она понимает, что сможет продолжить свое периферийное существование на неопределенно длительный срок в том случае, если СДПГ потонет в неизвестности. Это знают и те представители зеленых, которые всерьез воспринимают идею социально-экологической смены курса. Однако снова выбраться наверх СДПГ сможет лишь собственными силами.

Интервью провела Клаудиа Детч

⊗ **Профессор, д-р Петер Брандт** (Peter Brandt) – директор междисциплинарного Института наук европейского конституционного права им. Димитриса Цацоса, до марта 2014 года руководил отделом Современной германской и европейской истории при Хагенском заочном университете. В 1973 году Петер Брандт защитил кандидатскую диссертацию по реконструкции германского рабочего движения 1945–1946 годов при Свободном университете Берлина, а в 1988-м защитил докторскую диссертацию при Техническом университете Берлина. Он автор и издатель многочисленных трудов по современной истории Германии и член правления Фонда им. Фридриха Эберта.

Борьба за ледники

Изменение климата превращает Арктику в цель геополитических интересов. Речь идет о сырье, торговых путях и военных базах.

Арне Литц

Гренландия остается Гренландией, она не станет новым штатом США. Дипломатически неуклюже и неудачно озвученное американским президентом Дональдом Трампом желание выкупить Гренландию и присовокупить ее к территории США привлекло внимание всего мира как в геополитическом отношении, так и в аспекте климатической политики. Взаимообусловленность этих двух факторов косвенно признал даже сам нынешний президент США. Хотя, будучи одним из самых знаменитых скептиков в области глобального изменения климата, он ни словом не упомянул о катастрофических последствиях изменения климата для Арктики и связанных с этим геополитических изменениях.

Однако фактическое положение вещей довольно драматично, как это снова продемонстрировал специальный отчет Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) о состоянии океанов и криосферы Земли, опубликованный в сентябре 2019 года. Особенно остро изменение климата ощущает именно Арктика, где по сравнению с глобальными среднестатистическими показателями температура выросла в два раза. В отчете говорится, что согласно перспективным прогнозам в течение всего XXI столетия и далее ледниковые щиты в Гренландии и Арктике будут таять ускоряющимися темпами. Вследствие этого во всем мире продолжится подъем уровня воды в морях, что повлечет за собой еще большее обострение и без того экстремальных погодных условий. К тому же повышение температуры в арктическом регионе приведет к ускоренному таянию в областях вечной мерзлоты и обусловит еще более интенсивные выбросы в атмосферу парниковых газов, в частности, диоксида углерода и еще более опасного метана.

Из-за таяния снега и льда некогда скованные мерзлотой территории, хранящие в себе предположительно различные полезные ископаемые, становятся доступными, и вокруг них разгораются страсти

В случае с Арктикой необходимо еще упомянуть и научную концепцию критических факторов изменения климата. Длительное время в науке исходили из линейных, медленно разворачивающихся изменений. Но теперь стало ясно, что неуклонно нарастающие процессы таяния обуславливают на фоне глобального потепления скачкообразные, необратимые и экстремальные события и еще более ускоряют этот процесс. К тому же из-за таяния снега и льда становятся доступными некогда скованные мерзлотой территории или возникают новые массивы суши, хранящие в себе предположительно различные полезные ископаемые, и вокруг них уже сегодня разгораются страсти.

Помимо катастрофического ущерба для климата таяние льдов и на море скорее всего приведет к тому, что уже через 20 лет появятся такие новые, свободные ото льда в летние месяцы морские судоходные маршруты, как Северный морской путь или морской путь вдоль северного побережья Америки. Из-за этого прибрежным государствам придется принять новые решения по вопросам морского права и распределения прибрежных территорий на двустороннем и международном уровне и утвердить их. И здесь важно, чтобы и в Арктике нашли свое применение общепризнанные международные рамочные законодательные нормы, в частности, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Необходимо сохранить действующие положения судоходного права и правила транзитного прохода судов.

В таком случае расстояние по морю между Европой и Азией могло бы сократиться на 40 процентов, что вызывает дополнительный экономический и политический интерес не только у государств, расположенных на побережье Арктики, но и у Китая и других европейских стран. Из-за упомянутых выше изменений в Арктике одновременно возникнут новые территории, что уже сегодня ведет к постановке дополнительных вопросов относительно суверенитета, в том числе в аспекте обороны и безопасности. Поэтому на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности на протяжении нескольких лет поднимается новый тематический блок, связанный с Арктикой.

Европейская внешняя политика отреагировала на научные выводы о двойных темпах роста температуры в Арктике еще в 2018 году. Европейский совет впервые принял решение по вопросу о климатической дипломатии, а Европейский парламент внес законопроект по тому же вопросу. Финляндия, председательствующая в данный момент в Совете ЕС, потребовала принятия максимально возможных мер по защите климата и устойчивому развитию Арктики, которые должны стать органической составной частью активной внутренней и внешней европейской политики по вопросу Арктики.

Правильно и важно также то, что в процессе выработки европейской внешней политики по вопросу Арктики учитываются и интересы коренных этнических групп, проживающих в этом регионе

Существующие внешнеполитические структуры, в частности, Арктический совет, или успешное до сих пор сотрудничество стран, расположенных на арктическом побережье, в области защиты климата и окружающей среды уходят своими корнями в существовавшие ранее форматы времен холодной войны. Необходимо при любых обстоятельствах сохранить и укрепить существующие институты. В состав Арктического совета входят в качестве прибрежных государств Канада, США, Россия, Королевство Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия и Швеция, а его деятельность в настоящий момент продолжает оставаться примером хорошо работающего механизма мультилатерализма. Ввиду большой заинтересованности Китая в распространении своего Шелкового пути на арктическое пространство и его участия уже на нынешнем этапе в реализации инфраструктурных проектов в Арктике он по праву получил статус наблюдателя и должен стать участником процессов принятия решений.

Правильно и важно также то, что в процессе выработки европейской внешней политики по вопросу Арктики учитываются и интересы коренных этнических групп, проживающих в этом регионе. В связи с изменением климата и возникающими тенденциями развития уже сегодня частично под угрозой оказались их материальные и культурные жизненные устои. Поэтому вполне логичной представляется ориентация международной политики в вопросе Арктики на 17 целей устойчивого развития в рамках повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, а также на интересы местного населения с учетом дальнейшего развития и изменения этого региона. Необходимо сохранить право на свободу, здоровый образ жизни и самоопределение коренного населения Арктики.

Нынешнее федеральное правительство Германии по праву смотрит на Арктику как на регион все более ускоряющихся изменений, значение которого для международного сообщества в геоэкологическом, геополитическом и геоэкономическом отношении постоянно растет из-за глобального потепления и стремительного ускорения таяния льдов. По этой причине в августе 2019 года Германия выработала основные внешнеполитические принципы по Арктике, в которых заявила о своем желании взять повышенную ответственность за Арктический регион и обеспечение его устойчивого развития. Это хорошо вписывается в нынешнюю внешнеполитическую стратегию ФРГ, которая с января 2019 года является непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Министр иностранных дел во вступительном слове по случаю представления рабочего направления «климатическая дипломатия» затронул вопрос Арктики.

Как бы ни было важно подготовиться к потенциальным геополитическим изменениям в Арктике, все же нам следовало бы сконцентрировать свое внимание на защите климата в этом регионе

Сможет ли Федеральное правительство Германии реализовать желанную цель по предотвращению какой бы то ни было милитаризации Арктики, или же время для выполнения этой задачи практически истекло, покажет время. Но этот вопрос нуждается в срочной дискуссии.

Еще одним важным требованием Федерального правительства является юридически обязательное урегулирование вопроса разведки и добычи полезных ископаемых, отвечающее самым высоким экологическим стандартам и содержащее эталонные положения, касающиеся нанесения экологического ущерба и ответственности за это. Остается надеяться, что во время своего председательствования в Совете ЕС во второй половине 2020 года Германия, несмотря на вероятность существования во всем мире конфликтов и кризисов, сделает одним из внешнеполитических приоритетов повестки дня Евросоюза климатическую дипломатию, в частности, касательно Арктики.

Как бы ни было важно подготовиться к потенциальным геополитическим изменениям в Арктике, все же нам следовало бы сконцентрировать свое внимание на защите климата в этом регионе. В частности, нужны более быстрые и энергичные совместные действия по уменьшению твердых частиц сажи, которые из-за растущего судоходного движения,

увеличения добычи сырья и лесных пожаров уже сегодня усиливают эффект таяния ледников. Какими могут быть последствия изменения климата для Арктики и всего мира и какие цепочки взаимосвязанных явлений они могут породить, сегодня остается еще неизвестным. Поэтому необходимы обязательные политические гарантии осуществления международного научного сотрудничества – краеугольного камня международной климатической дипломатии, – которому не препятствовали бы новые территориальные притязания любого рода.

Кроме того, само по себе комплексное значение Арктики свидетельствует о необходимости создания наряду с дипломатическими службами стран – членов ЕС действенного структурного подразделения внутри все еще формирующейся Европейской службы внешних связей. Это требование Европейского парламента, выдвинутое в его первом отчете по климатической дипломатии в 2018 году, должно быть наконец воплощено в жизнь новой Европейской комиссией. Это могло бы превратить Европу в ведущий континент мира по вопросам защиты климата.

☞ **Арне Литц** (Arne Lietz) в 2014 - 2019 гг. был депутатом Европейского парламента. В качестве бывшего члена Комитета по иностранным делам, Комитета по развитию и Подкомитета по безопасности и обороне он продолжает работать над достижением 17 целей ООН в области устойчивого развития до 2030 года. Арне Литц – инициатор и соавтор инициативного отчета Европейского парламента по приоритетным инициативам для швейной отрасли.

Внимание на соотношение сил

Почему европейские ценности или общие демократические процедуры не могут быть основой безопасности Европы

Николай Капитоненко

О кризисе европейской безопасности говорят почти все. Красноречивее всего это делают цифры. В последние годы европейцы чаще погибают в вооруженных конфликтах и тратят больше денег на вооружение. За период с 2013 по 2019 год военные расходы Франции выросли на 10%, Германии – на 28%, Венгрии – на 60%, Польши – на 48% (в постоянных ценах 2015 года). В полтора раза военный бюджет увеличила Турция. Конфликт в Восточной Украине забрал жизни около 14 тыс. людей, превратив как минимум полтора миллиона человек в переселенцев. Старые конфликты, вроде Приднестровского, не решаются десятилетиями; большинство традиционных инструментов безопасности не выполняют своих функций в изменившемся геополитическом контексте.

После холодной войны Европа стала площадкой грандиозного эксперимента в области международной безопасности. Движимые желанием создать единое пространство безопасности от Лиссабона до Владивостока, свободные от типичных для европейской истории геополитических конфликтов между великими державами и опирающиеся на опыт создания сверхэффективной системы безопасности в Западной Европе лидеры государств континента попробовали сделать безопасность неделимой не только на словах, но и на деле. Основой выступали ценности – это казалось более надежным, чем баланс сил и/или интересов в традициях *realpolitik*.

Предполагалось, что ценности сотрут линии раздела и усилят доверие, в результате чего на смену геополитическому противостоянию с нулевой суммой придет взаимовыгодное сотрудничество. Многие способствовали такому подходу: триумф либерализма, вестернизация, спрос на членство или сближение с западными институтами. Казалось, что стоит лишь уладить связанные с распадом СССР и Югославии проблемы, и в Европе воцарится прочный мир.

Безопасность перестала быть неделимой и воспринимается по-разному в разных частях Европы

Безопасность в Европе после окончания холодной войны строилась, во-первых, на надежности гарантий НАТО, во-вторых, расширившихся возможностях геополитического выбора для стран Восточной Европы, в-третьих, относительной слабости России и ее готовности платить геополитическими амбициями за символы великодержавности вроде членства в «Большой восьмерке», в-четвертых, существовании на континенте

своеобразной «серой зоны», пространства между НАТО/ЕС и Россией, где находились державы, в силу разных причин не имевшие шансов в обозримом будущем присоединиться ни к ЕС, ни к НАТО. Сочетание этих факторов позволило заморозить горячие точки на постсоветском пространстве, решить конфликты, связанные с распадом Югославии, и относительно безболезненно расширить НАТО и ЕС до сегодняшних пределов. Дальше, по мере изменения характера внешней политики России и кризиса неолиберальной парадигмы безопасности, приуменьшавшей роль жесткой силы, начались проблемы.

Точкой отсчета серьезных проблем в безопасности Европы часто считается 2014 год – год аннексии Россией Крыма и начала долгосрочного конфликта низкой интенсивности на Востоке Украины. Действительно, вследствие этих событий Европа перестала быть самым безопасным континентом в мире, а нестабильность, опасность и растущие противоречия на всех уровнях стали ощутимыми даже в потоке политических новостей, не говоря уже о статистических данных, отражающих растущую конфликтогенность в регионе. Но кризис начался раньше.

В 2007 году президент России Владимир Путин произнес речь на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. Это событие можно считать точкой отсчета, поскольку оно обозначило переход России в лагерь государств, открыто подрывающих сложившийся мировой порядок. От Путина досталось всем: и США, и НАТО, и ЕС, и ОБСЕ. Ссылка в речи на то, что Россия – страна с тысячелетней историей – собирает-ся придерживаться традиции проводить независимую внешнюю политику, означало то, что Кремль будет искать возможности пересмотреть правила игры в Европе. Восемь предыдущих лет устойчивого экономического роста сделали эти намерения более чем реальными.

При любом развитии событий Россия останется важным элементом европейской политики. Нужно понять, что Россия считает угрозой и почему.

С точки зрения кремлевского руководства соотношение сил изменилось, Россия «встала с колен», а значит, реалии международной политики нужно пересматривать. Положение об ущемлении прав и игнорировании интересов России после холодной войны стало общим местом официальной риторики; а постсоветское пространство, за исключением Балтийских республик, было обозначено как сфера исключительных интересов России. Практическим воплощением таких подходов стали российско-грузинская война, более активная игра Москвы в интеграцию на постсоветском пространстве, ставка на энергоресурсы и, наконец, решения в отношении Украины в 2014 году.

Изменение политики России критически ослабило одну из основ европейской безопасности и привело к накоплению конфликтного потенциала в «серой зоне». Рефлекс-торное стремление Украины или Грузии в НАТО вызвано, конечно, нарастающими угро-зами со стороны России, но вступление этих стран в Альянс слишком многими в Европе

воспринимается не как решение проблем безопасности, а как их усугубление. Возник замкнутый круг из намерений, восприятий и политических решений, делающий ситуацию в сфере безопасности все хуже.

Похоже, именно российская политика несет основную ответственность за крах архитектуры европейской безопасности. Конечно, проблемы были и внутри ЕС, и на его рубежах, и в важных для европейской безопасности регионах, таких как Ближний Восток. Но именно решение Кремля аннексировать Крым сделало старую систему абсолютно непригодной.

Как это часто бывает, назначить одного виноватого за кризис региональной безопасности – не лучшее решение. При любом развитии событий Россия останется важным элементом европейской политики. Нужно понять, что Россия считает угрозой и почему.

Кризис европейской безопасности затянулся и провел глубокие линии раздела. Безопасность перестала быть неделимой и воспринимается по-разному в разных частях континента. Для кого-то приоритетными выступают прямые угрозы, для кого-то «гибридные», а кто-то делает акцент на проблемах «мягкой безопасности». В одних и тех же государствах часть европейцев видят угрозы, а другая часть – партнеров.

Стоит готовиться к новым конференциям, вспоминать формы мирного сосуществования не доверяющих друг другу великих держав и учитывать внезапно наступившее разнообразие в международной политике Европы

В таких условиях международные институты и многосторонние форматы работают неэффективно. Беспомощность ОБСЕ, провалы «Восточного партнерства», выход Великобритании из ЕС и даже рост недоверия внутри НАТО неслучайны. От ухудшения общего состояния системы безопасности проигрывают все, а попытки решить существующие в Европе конфликты в таких условиях заходят в тупик. Европейцам нужно осознать взаимосвязь между сложностями в решении отдельных конфликтов и общим состоянием системы безопасности. Без новых правил игры урегулирования не будет.

Новую архитектуру безопасности построить сложно, потому что не совсем понятно, на чем конкретно ее строить. После Второй мировой войны такой основой было соотношение сил на континенте, определявшееся нахождением советских и американских войск. После холодной войны – вера в либеральные принципы и общность ожиданий. Сегодня Европа представляет собой более сложную площадку, чем была в 1945 или 1991 году.

Похоже, стоит исходить из такого общего правила: до тех пор пока хотя бы одна из великих держав понимает и пытается строить безопасность, исходя из принципов баланса сил, другим придется делать то же самое. Современная Россия видит европейскую политику сквозь линзы XIX века: легитимизм, консервативные ценности, жесткая сила. ЕС продолжает представлять безопасность в координатах 20-летней давности: нормативная сила, демократия и рыночная экономика в качестве общего гравитационного поля. Отдельные великие державы Европы – Германия, Франция и Великобритания – демонстрируют признаки смешанного подхода.

В таких условиях основой безопасности не могут быть европейские ценности или общие демократические процедуры. Невозможно продолжать играть в бридж, если один из игроков вдруг начал играть в покер.

Пока влияние России на европейскую безопасность остается значительным, придется устанавливать общие и понятные для нее правила игры. В практическом отношении это означает сохранение диалога с Кремлем, понимание глубоких интересов России и поиск путей учитывать их так, чтобы не навредить глубоким интересам остальных европейцев. Кроме того, особое внимание нужно обратить на динамику соотношения сил в Европе.

Вполне возможно, что в погоне за призраком XIX века Кремль затеял опасную игру. Россия не становится сильнее, и время играет против нее. Но пока она остается важным игроком, стоит готовиться к новым конференциям, вспоминать формы мирного сосуществования не доверяющих друг другу великих держав и учитывать внезапно наступившее разнообразие в международной политике Европы.

➤ **Кандидат политических наук Николай Капитоненко (Nikolay Kapitonenko)** - доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала UA: Ukraine Analytica, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.

Конец «персидской перестройки»

В Иране пробил час радикальных сил. Установление контроля над парламентом – только первый шаг. Недовольство населения растет.

Давид Рамин Джалилvand

Иран переживает начало новой эпохи. Последние парламентские выборы положили начало крутому повороту от прагматизма к политике, ориентированной на конфронтацию. Есть все основания считать, что эта политика будет определять курс Исламской Республики в последующие годы.

Тем самым попытка «персидской перестройки», отличительной чертой которой были открытость внешнему миру и умеренные реформы, потерпела неудачу. Символом этого проекта является все еще действующий президент страны Хасан Рухани. В 2013 году он вступил в должность, пообещав уладить спор вокруг ядерной программы Ирана и вернуть страну в международное содружество государств. После отмены санкций промышленность Ирана должна была наконец снова заработать на полную силу. Параллельно с реализацией неолиберальных экономических реформ предпринимались и робкие шаги в сторону социально-политической либерализации.

Между тем итог деятельности правительства оказался весьма скудным. Ядерное соглашение, заключенное в 2015 году, вот-вот потерпит крах. После того как из него в одностороннем порядке вышли Соединенные Штаты, последовала ответная реакция Ирана, отказавшегося от реализации важных частей этого соглашения. Сегодня экономика Ирана страдает не только от последствий массовой коррупции и неэффективного управления, но также испытывает огромные трудности в связи с американскими санкциями.

Выход США из ядерного соглашения и провал Европы развязали руки тем силам в Тегеране, которые усматривают спасение Исламской Республики в конфронтации и изоляции от внешнего мира

В Тегеране противникам Рухани из блока различных радикальных сил удалось заблокировать попытки правительства провести реформы. Для этого они воспользовались своим контролем над инстанциями вроде Совета стражей конституции, которые де-факто не контролируются народом. Этот орган в политической системе страны стоит выше парламента и правительства, а потому может существенно ограничивать их деятельность.

Надежды на более широкое участие граждан в принятии решений рухнули еще в ноябре прошлого года. Прокатившаяся по всей стране волна протестов против повышения цен на бензин была подавлена с невиданной ранее жестокостью. Сотни людей погибли, тысячи заключены под стражу. Те, кто исповедовал прагматизм в Тегеране, остались ни с чем. Растет недовольство их сторонников среди иранского населения. Испытав разочарование, они отворачиваются от системы.

Зато пробил час радикалов. Выход США из ядерного соглашения, а также провал попыток Европы противопоставить что-то существенное американским санкциям развязали руки тем силам в Тегеране, которые усматривают спасение Исламской Республики в конфронтации и изоляции от внешнего мира. Они осознают, что нынешний политический момент им на руку, и принялись за работу со знанием дела.

На выборах под знаменем «принципализма» (приверженности старым принципам) победу одержали радикалы, а также другие ультраконсерваторы. Все больше иранцев не видят в новом парламенте представительства своих интересов.

Точкой отсчета стали последние парламентские выборы. Радикально настроенный истеблишмент Исламской Республики решил пойти буквально ва-банк. Ввиду скудного итога деятельности Рухани возможности представителей лагеря умеренных политических сил по мобилизации электората в свою пользу оказались ослабленными. С этой точки зрения нынешняя ситуация напоминает 2004 год, когда разочаровавшиеся сторонники президента-реформатора Мохаммада Хатами предпочли остаться дома и отказались от участия в голосовании.

Впрочем, сегодня сторонники жесткой линии хотят исключить любой риск. Совет стражей конституции отстранил от участия в выборах большое число реформаторов и умеренных консерваторов. Из 16 тыс. человек, выдвинувших свои кандидатуры, было допущено всего 7100 претендентов, то есть меньше 45%. Для сравнения: на парламентских выборах 2000 года согласие на участие в них от Совета стражей конституции, близкого к самому могущественному человеку в стране – лидеру Исламской революции Али Хаменеи – получило свыше 80 процентов всех кандидатов. Показательно, что на последних выборах от участия в них была отстранена более чем треть всех нынешних депутатов, представляющих, конечно же, реформаторов или умеренных консерваторов.

Неудивительно, что на выборах под знаменем «принципализма» (приверженности старым принципам) победу одержали радикалы, а также другие ультраконсерваторы. Все больше иранцев не видят в новом парламенте представительства своих интересов. Впрочем, он и так имеет лишь второстепенное значение в принятии политических решений, которые, как правило, принимаются путем неформальных переговоров внутри элиты Исламской Республики. С массовым уходом депутатов-реформаторов его позиции еще более ослабнут.

Установление принципалистами контроля над парламентом – только первый шаг. В следующем году пройдут президентские выборы. И здесь радикальные силы будут стремиться к выдвижению своего кандидата в качестве преемника Рухани. Нынешний президент после двух сроков пребывания в должности утратил право на участие в избирательной гонке. До выборов в мае 2021 года парламент, скорее всего, полностью заблокирует деятельность президента и еще больше изменит политическую повестку дня страны не в пользу умеренных сил.

Наконец незримо встал и вопрос о преемниках наследства 80-летнего лидера Исламской революции Хаменеи. Параллельно с парламентскими выборами пройдут и

промежуточные выборы в Совет экспертов – орган, которому предстоит принять решение о наследнике Хаменеи. Здесь также существенно усилилось влияние сторонников жесткого курса, в том числе и благодаря активной поддержке Совета стражей конституции.

Страна, очевидно, будет все больше отдаляться от прогрессивных реформ в экономической политике, а также от решения вопроса о социальных свободах и праве на участие в принятии политических решений

Такое развитие событий означает для политики Ирана дальнейшее продолжение радикального курса последних месяцев. Страна еще больше отдаляется от прогрессивных реформ в экономической политике, а также от решения вопроса о социальных свободах и праве на участие в принятии политических решений.

Следовательно, можно ожидать и того, что Иран не сможет полностью раскрыть весь свой экономический потенциал. Ведь по причине санкций – а достижение понимания с Вашингтоном в скором времени маловероятно – в прошлом году обвалилась на 74% не только торговля Европой. Рухнули надежды и на альтернативу на Востоке: из-за длинных щупальцев американских санкций существенно сократился объем торговли с Китаем (-34%) и Индией (-79%). Из-за санкций набирает обороты торговля через подпольные структуры, а уровень коррупции растет все больше.

Иран вопреки всем мрачным прогнозам весьма далек от экономического коллапса. Однако удастся ли власти ощутимо смягчить экономические тяготы населения, остается под вопросом.

Правда, Иран вопреки всем мрачным прогнозам весьма далек от экономического коллапса. За исключением энергетического сектора, экономика Ирана даже снова достигла небольшого роста. Однако удастся ли руководству государства ощутимо смягчить экономические тяготы населения, остается под вопросом. Высокий уровень инфляции в стране в последние месяцы повлек за собой резкое падение покупательной способности и реальных поступлений в бюджет страны. Растут страдания и чувство досады. Сегодня у населения Ирана все меньше шансов на то, чтобы выразить свой протест внутри системы Иранской Республики. Парламентские выборы, сопровождаемые отстранением от участия тысяч претендентов, еще больше обостряют эту дилемму, тающую в себе огромный и опасный общественно-политический потенциал.

Потенциально взрывоопасным фактором остается и внешняя политика Ирана. Тегеран, скорее всего, будет делать ставку на давление как в ядерном вопросе, так и в региональной политике. Так, с прошлого года Иран стремится увязать американские санкции,

нераспространение ядерного оружия и безопасность в регионе. Цель – взвинтить расходы на политику «максимального давления» со стороны Вашингтона.

Уже сегодня Иран отказался от реализации важных элементов ядерного соглашения. Так, например, Тегеран вопреки договору использует более современные, а значит, и более скоростные центрифуги для обогащения урана. В связи с этим растет обеспокоенность возможными скрытыми последствиями для наращивания ядерного потенциала Ирана не только в Европе. На фоне стремления Ирана выстроить мощную позицию на возможных переговорах в будущем в ближайшей перспективе возникает угроза полного коллапса ядерного соглашения. Последствия такого события для Среднего Востока непредсказуемы.

Потенциально взрывоопасным фактором остается и внешняя политика Ирана. Тегеран, скорее всего, будет делать ставку на давление как в ядерном вопросе, так и в региональной политике.

К тому же Тегеран параллельно делает ставку в региональной политике на дозированную конфронтацию. Посредством точечных нападений на нефтяные танкеры и нефтеперерабатывающие заводы он продемонстрировал большую уязвимость своих соперников – Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Показательно, что они уже отреагировали на это и пошли на контакт с Тегераном. А местные ястребы ощутили уверенность в правоте своих действий. Потому не исключены новые удары со стороны Ирана в обозримом будущем, если Тегеран посчитает необходимым еще раз подкрепить свою позицию в отношениях с Абу-Даби и Эр-Риядом, а также Вашингтоном и Тель-Авивом конкретными делами. Насколько огромен потенциал эскалации в этой связи, свидетельствует динамика протестов, вызванных уничтожением США иранского генерала Касема Сулеймани.

На фоне столь комплексной и сложной ситуации становится ясным масштаб возможных последствий краха попытки перестройки в Иране. В Москве когда-то также провалилась масштабная реформа, что вылилось затем в распад Советского Союза. Пока что признаки такого сценария в Иране не прослеживаются, скорее наоборот. Страна переживает процесс роста и без того существенной концентрации политической власти в руках радикалов. Умеренно мыслящая часть исламской республиканской номенклатуры подчинилась своей судьбе.

Сейчас остается открытым вопрос о том, удастся ли донести до сознания измученного кризисом иранского населения новое экономическое и политическое видение будущего страны. Для все более могущественных сторонников жесткого курса это, судя по всему, может оказаться жизненно важным вопросом из-за усиления политических репрессий и экономических тягот.

Ⓢ **Д-р Давид Рамин Джалилванд** (David Ramin Jalilvand) – независимый консультант по вопросам энергополитики на Среднем Востоке, он также консультирует проект Фонда им. Фридриха Эберта по иранской проблематике, руководителем которого был в отделе Фонда «Ближний Восток и Северная Африка» в Берлине.

«Восток разлюбил Запад»

Иван Крыстев о кризисе европейской демократии и истоках нового постпопулистского либерализма в Восточной Европе

Иван Крыстев

Вы назвали 30-летие после падения Берлинской стены «эпохой подражательства»: по вашему мнению, страны Центральной и Восточной Европы занимались имитацией либерального демократического порядка на Западе. Как могла бы выглядеть подлинная модель развития Восточной Европы?

К концу холодной войны демократический капитализм стал синонимом современности. Потому решение в пользу подражания западным институтам и западному стилю жизни, принятое тогда обществами в странах Восточной Европы, нельзя назвать ни удивительным, ни тем более ошибочным. Для меня проблематично лишь то, насколько неожиданной для нас оказалась встречная реакция, порожденная политикой подражательства. Эта встречная реакция проявилась в период, когда, во-первых, либеральная модель Запада сама оказалась в кризисе, и во-вторых, когда граждане в восточноевропейских странах ощутили себя в роли обучаемых, которым никогда не будет позволено сдать экзамен на зрелость.

Насколько сильно в политическом отношении Запад повлиял на путь, избранный странами Центральной и Восточной Европы?

Было бы некорректно возлагать ответственность за ошибки в развитии восточноевропейских демократий на Запад. Но Запад можно упрекнуть в том, что он проявил недостаточный интерес к очень комплексным по своему характеру трансформационным процессам на востоке Европы. Даже самые вдумчивые аналитики, очевидно, не знают, что кризис демократии в таких странах, как Румыния и Болгария, объясняется преимущественно разочарованием населения этих стран западными демократиями, которыми они в свое время восхищались и которым пытались подражать.

Но когда во время телевизионной дискуссии по Брекситу премьер-министр Албании заметил, что палата общин напоминает ему боснийский парламент, то выразил чувства, испытываемые многими людьми всего этого региона: причиной одновременного распада демократических норм и институций на Востоке и Западе является глубокий кризис.

А столь уверенные ранее в своей правоте либералы извлекли из этого урок?

Нынче большинство либералов либо разъярены, либо напуганы. Они ощущают себя обманутыми историей, или, точнее говоря, идеей «конца истории». Если ты хочешь двигаться дальше, то должен быть готов признать, что не вся критика в твой адрес – это сплошное заблуждение.

Не потерпел ли либерализм в Восточной Европе окончательный крах, и прежде всего ввиду того, что массовый отток молодых и хорошо образованных людей снижает шансы либеральных партий?

Демографические страхи сыграли решающую роль в подъеме нелиберальных политических режимов в регионе. В стареющих и сокращающихся обществах европейского

Востока многие молодые люди, желающие жить в демократической стране, убеждены, что лучше покинуть свою родину, чем бороться за приход к власти нового правительства. Но было бы заблуждением говорить о полном крахе либерализма в этом регионе. Более того, мы становимся очевидцами появления нового, постпопулистского либерализма, ставшего результатом опыта жизни этих обществ в популистской парадигме развития. Этот популизм отличается от «либерализма подражательства» 1990-х годов. Один пример: президент Словакии и новоизбранный мэр Будапешта не говорят на английском языке. Иностранные языки были в свое время символом нового восточноевропейского либерализма.

Почему нагнетаемый страх перед массовым наплывом мигрантов является столь сильным нарративом для популистских лидеров в Восточной Европе, в то время как большей угрозой для их стран является все же скорее массовый отток?

Джордж Штайнер как-то написал: «Деревья имеют корни, а человек – ноги». И люди пользуются своими ногами, чтобы добраться туда, где будет получше, где у них будет лучшая жизнь. Восточные европейцы это хорошо знают, ведь мы сами мигранты. Парадоксально, но враждебность восточных европейцев к мигрантам – это следствие травмы, возникшей из-за того, что многие их соотечественники решили покинуть свою страну. Это усугубляется еще и тем, что страх перед этническим многообразием буквально сидит в генах восточноевропейских государств. Это можно объяснить распадом поликультурных континентальных империй династии Габсбургов, Порты или Советского Союза.

Если XX век был в Европе столетием этнического разделения, то XXI – стал столетием этнического «ремикса»

В XX веке революции, мировые войны и волны этнических чисток изменили этническую географическую карту Европы. Все эти травмы и перевороты создали Европу, государства и общества которой стали в этническом отношении более гомогенными, чем прежде. В прошлом веке этническую однородность считали средством, позволяющим устранить напряженность, повысить безопасность и усилить демократические тенденции развития. К меньшинствам относились с недоверием.

Результаты такого процесса этнической гомогенизации особенно отчетливо можно наблюдать в Центральной и Восточной Европе. В 1939 году неэтнические поляки составляли почти треть польского населения (там проживали представители немецкого, еврейского, украинского и других меньшинств). Сегодня этнические поляки составляют свыше 95 процентов населения. В этом уголке Европы многие люди считают, что этническая монолитность является значимым фактором социальной консолидации. И вот наступил XXI век, повлекший за собой усиление многообразия. Если XX век был в Европе столетием этнического разделения, то XXI – стал столетием «ремикса». Миграция, с которой довелось столкнуться странам Центральной и Восточной Европы, сопровождается интеллектуальным вызовом: чтобы успешно справиться с проблемой миграции, гражданам этих стран необходимо перестать считать важнейшим уроком XX века то, что этническое и культурное многообразие представляет собой якобы угрозу безопасности.

В этом регионе так и не удалось поправить плохой имидж либерализма после финансового кризиса 2008 года. В состоянии ли всеобъемлющая реформа капитализма лишить популистов попутного ветра или же поезд уже ушел?

В 1989 году, когда наступил «конец истории» и начался период подражательства, Восток влюбился в Запад. Одновременно и отчасти по той же причине Запад влюбился в самого себя. Западные политические деятели были польщены желанием Востока обрести новое лицо по западному образцу. Из-за этого они потеряли всякую способность критически смотреть на недостатки в своих собственных странах. Сегодня ясно одно: предпосылкой для восстановления доверия общественности к либеральной демократии является обновление модели экономического развития. Во второй половине XX века демократия была в состоянии обуздать капитализм, однако в XXI столетии сделать это ей пока не удалось. При этом изменение модели экономического развития не означает возврата к экономической политике классической социал-демократической эры. Ностальгия по ней не настолько сильна, чтобы заставить время пойти вспять.

Сохраняете ли вы вопреки всему оптимизм относительно европейского проекта?

У оптимистов и пессимистов есть одна общая черта: они разделяют детерминистический взгляд на историю. Быть оптимистом или пессимистом означает исходить из того, что мы в состоянии видеть будущее, каким оно должно быть. Для меня будущее – это вторжение неизвестного, а потому я не принадлежу ни к оптимистам, ни к пессимистам. Я обеспокоен, но полон надежд. Обеспокоен, так как считаю, что распад ЕС вполне возможен. А полон надежд потому, что не хочу жить в Европе после ЕС.

Интервью провела Клаудиа Детч

📍 **Иван Крыстев (Ivan Krastev)** - председатель правления Центра либеральных стратегий (София), руководитель программы Генри Киссинджера по внешней политике и международным отношениям (2018-2019) Центра Джона К्लюге при Библиотеке Конгресса. Соавтор книги (вместе со Стивеном Холмсом) *The Light that Failed: How the West Won the Cold War and Lost the Peace* (Penguin, 2019).

Примирение ≠ мир

Куда ведет новая стратегия украинского поведения в войне?

Валерий Калныш

«Когда я был актером, я очень хотел получить «Оскар» и стать популярным в США. И теперь я популярен в США!» – говорит Владимир Зеленский, смеясь и оглядывая сидящих в небольшом зале в мюнхенском отеле Bayerischer Hof. Он – президент Украины, сидит в центре зала в окружении политиков топ-уровня, и послушать его пришла даже бывшая госсекретарь США Мадлен Олбрайт, напротив него одна из самых известных на планете телевизионных ведущих – Кристиан Аманпур с CNN. Все ему аплодируют и смеются, когда он шутит. Это действительно минута личной славы. Личный успех с негарантированными шансами для страны, которую он представляет.

Украина на Мюнхенской конференции – тема постоянная. События в воюющей демократической стране для чиновников, экспертов, политиков, специализирующихся на вопросах безопасности, – это как постоянная лабораторная работа, исследовательский эксперимент, промежуточные итоги которого подводятся каждый февраль. В эти дни в Мюнхене максимальная концентрация внимания к стране, все хотят попасть на Украинский ланч, устраиваемый Фондом Виктора Пинчука. Гарантией попадания туда не является даже присутствие в предварительных списках – мест всегда меньше, чем желающих. Ситуация объяснима. В центре Европы шестой год идет гибридная война, участником которой является ядерное государство. Ему противостоит в пять раз меньшее государство. Конечно, некоторые участники конференции воспринимают ситуацию ближе и относятся к ней не только как примеру из учебника по геополитике. Одна из них – президент Эстонии Керсти Кальюлайд. На прошлом ланче, в 2019 году она заявляла: «Если мы будем громко кричать: «Освободите заложников!», Лавров (глава МИД России Сергей Лавров. – Прим. автора) нас услышит». Сейчас именно она сформулировала адекватную характеристику отношения Запада к русско-украинской войне. «В Украине не замороженный, а горячий, но забытый конфликт», – уверена Кальюлайд.

В Мюнхене, на второй из двух главных в мире площадок по вопросам безопасности после ООН, постоянные участники конференции увидели новую стратегию украинского поведения в войне. В 2016 году там же новоизбранный тогда президент Петр Порошенко заявлял: «Господин Путин, это не гражданская война в Украине – это российская агрессия. Нет гражданской войны в Крыму – это ваши солдаты оккупировали мою страну». Спустя четыре года перед теми же участниками конференции выступал президент Владимир Зеленский, заявивший за несколько дней до этого: «Я уверен, что он (президент РФ Владимир Путин. – Прим. автора) меня понял, очень прозрачно понял. Кажется, что если такой контакт, глаза в глаза, ты сразу понимаешь, кто перед тобой, что за человек. Несмотря на все данные разведки. Мне кажется, что он меня понял. И он понимает, что надо закончить эту войну».

Стратегия примирения вместо стратегии агрессивного отстаивания интересов; «смотреть в глаза» вместо «вы оккупировали мою страну» – это та эволюция, которую мы заслужили. И для Запада, забывшего последствия английской «политики умиротворения», кульминацией которой стало подписание в Мюнхене 30 сентября 1938 года соглашения

о ненападении между Великобританией и Германией, такая политика, в XXI веке, является удобной и приемлемой, потому что в этой войне они выступают в лучшем случае добрыми советчиками, время от времени помогающими материально. Помогаящими ровно настолько, насколько это не вредит их финансовым интересам и удовлетворяет чувство собственного достоинства от ощущения помощи слабому.

Красной, пусть и не всегда заметной линией всей дискуссии в Мюнхене, были слова древнегреческого философа Фукидида. С его цитаты начал свое выступление президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер: «Великие делают что хотят, малые страдают, как должны». Как бы это ни звучало смешно, с Фукидидом соглашается и Владимир Зеленский. «Я не верю в любые бумаги. Я хочу сказать и другим странам: нельзя верить в любые документы. Никто ничего не гарантирует. XXI столетие – право сильного», – заявил украинский президент. Вот только сильной в этой ситуации украинская власть не выглядит.

Запад уже не рассуждает о возможностях поставок вооружения в Украину или своих военных контингентов, но еще готов принимать участие в финансировании донорских программ

Очень трудно удерживать внимание к своим проблемам посторонних людей. Шесть лет – большой срок, и отсутствие быстрых, резких, агрессивных шагов, конечной целью которых стало бы возвращение оккупированных территорий, привело к тому, что с этим смирились прежде всего те, кто находится далеко от Украины. Чем дальше, тем быстрее смирились. Обойдя весь мир, эта сила принятия нынешней ситуации как должной возвращается, она движется с Запада на Восток, и нынешнее положение вещей станет нормой, когда чувство смирения охватит последнего украинского солдата, стоящего на передовой. Запад уже не рассуждает о возможностях поставок вооружения в Украину или своих военных контингентов, но еще готов принимать участие в финансировании донорских программ. И трудно в этом винить только Запад.

Серьезно, просто задумайтесь, как часто вы вспоминаете о Северном Кипре. К этому «принятию ситуации» их подталкивает и отношение к ней Украины. Трудно требовать большего от той же Германии, когда отношения Киева и Москвы свелись к кулуарным переговорам представителей администраций президента. Когда Владимир Зеленский думает, что ему удастся уговорить Владимира Путина прекратить войну. Когда дипломатия, сила оружия и разведданные подменяются взглядом в глаза. Уточнения украинского президента: «Я хочу обратить внимание, что не совсем корректно говорить «война в Украине». Это «война в Европе»» – уже не работают. В Европе видят, как украинские солдаты мужественно исполняют свой долг. И им этого достаточно для того, чтобы ощущать себя в безопасности, также зная, что есть НАТО.

Украина пока не предоставила нового плана решения ситуации на Донбассе. Власть по-прежнему разрывается между внутренним желанием быстрой победы и водружением украинского флага над мэрией в Донецке и Луганске, необходимостью сберечь как можно больше жизней, российскими танками и осознанием того, во сколько выльется

восстановление Донбасса и что потом делать с людьми и территориями. И это проблема не только Владимира Зеленского, но и Петра Порошенко. И не ему все же упрекать шестого президента Украины, как он это сделал в Мюнхене. «Ежегодно Украина выходила с теми или иными стратегическими инициативами. К сожалению, в этом году мы имели, по словам президента, лишь тактические вещи, иногда хаотические, иногда противоречивые. Но для нас важно, чтобы на этих площадках мы пытались продемонстрировать единство украинской позиции. Именно поэтому мы пытались это провести в рамках двусторонних консультаций», – сказал Петр Порошенко. Так и хочется спросить: «И чем эти инициативы завершились, результат устраивает?»

Трудно требовать большего от Запада, когда отношения Киева и Москвы свелись к кулуарным переговорам представителей администраций президента, когда дипломатия, сила оружия и разведданные подменяются взглядом в глаза

Внимание к Владимиру Зеленскому, на разогреве у которого выступил Дональд Трамп со своим импичментом, начнет скоро падать. Удержать внимание публики, от чего, говорят, украинский президент очень зависим, можно будет, только вляпавшись в очередной скандал или заставив вздрогнуть весь мир. Возможно, политика Зеленского – это новый стиль в мире популистических обещаний и современных технологий. Возможно, так и надо, и результат – возвращение территорий – при такой политике гарантирован. Но все во мне сопротивляется этому. Хотя бы потому, что Владимиру Зеленскому противостоит несовременный, архаичный имперец, которому плевать на все эти «новомодные штучки». А Европа... Ну что Европа, примет сторону добра. Если оно все же, когда-нибудь, победит.

🕒 **Валерий Калныш** (Valerii Kalnysh) – журналист, политический обозреватель. Ранее возглавлял Радио НВ, газету «Коммерсант-Украина», интернет-портал «Апостроф», радиостанцию «Радио Вести» и информационный портал РБК-Украина.

Нелегким климатическим путем

Большинство постсоветских стран не готово к амбициозным климатическим мерам. Для серьезных подвижек требуется политическая воля.

Ангелина Давыдова

Всемирный экономический форум в Давосе, окончившийся две недели назад, поставил климатическую повестку дня на первое место – как с точки зрения растущих климатических рисков, так и с точки зрения декарбонизации, в том числе дивестиций или отказа от инвестиций в ископаемые ресурсы. Большинство

постсоветских стран к подобным решениям и даже риторике пока не готовы. На фоне призывов экологов повысить амбициозность климатических обязательств и задуматься о планах выхода из ископаемого топлива более реальными мерами климатической политики на ближайшее время в регионе могут стать хотя бы развитие возобновляемой энергетики и повышение энергоэффективности, полагают эксперты.

Несмотря на то что все страны региона ратифицировали Парижское соглашение, климатические цели большинства постсоветских государств вряд ли можно назвать амбициозными. В глобальные рейтинги, анализирующие адекватность целей по снижению выбросов, попадают, как правило, только крупные страны-эмитенты региона.

Причин тому несколько – от существующего энергобаланса, доступности тех или иных видов ископаемых ресурсов до влияния лобби-групп ископаемого топлива, политических систем и систем принятия решений. Изменения происходят довольно медленно. Немало исследований подчеркивают огромный потенциал стран региона в развитии возобновляемой энергетики, повышении энергоэффективности и в декарбонизации. Однако он не реализуется из-за «политических, финансовых, технических и социальных барьеров... переходящих в высокий уровень риска для инвестиций и высокую стоимость капитала, которые, вместе с ограниченным доступом к финансам, все дальше отсрочивают энергетический переход».

Исключения все же есть, хотя пока немного. Например, в январе украинское Министерство энергетики и защиты окружающей среды презентовало Концепцию «зеленого» энергетического перехода до 2050 года. Среди целей документа: углеродная нейтральность к 2070 году, уровень возобновляемой энергии (ВИЭ) в 70% в электрогенерации в 2050 году, полный отказ от угольной генерации до 2050 года, снижение атомной генерации до 20-25%. «Если оценивать трезво, то цели, заложенные в Концепцию, недостаточно амбициозны. Часть ВИЭ в электрогенерации в 2050 году предусматривается на уровне 70%, тогда как исследования показывают, что рост возможен до 92%. Декларируемая цель углеродной нейтральности Украины в 2070 году также идет вразрез с целями Парижского соглашения. В то же время сам факт обсуждения стратегических документов подобного рода и заявления о необходимости перехода на ВИЭ не могут не вселять оптимизма. Украинское правительство впервые открыто говорит о полном отказе от угольной генерации. Министерство энергетики и защиты окружающей среды не видит экономической перспективы поддерживать угольную отрасль и строить новые электростанции. Да, поставленная цель – 2050 год – далека от идеала, как того требует борьба с изменением климата, но она может стать отправ-

ной точкой дальнейших дискуссий», – комментирует Константин Криницкий, украинский эколог из центра экологических инициатив «Экодия».

Второй пример – также объявленные в конце января планы Молдовы повысить уровень своих климатических обязательств в рамках Парижского соглашения до уровня минус 70% от уровня 1990 года к 2030 году (с 1990 по 2016 год эмиссия парниковых газов в стране уже снизились на 68%, главным образом из-за экономического спада и изменения структуры экономики).

Если признание климатической проблемы в последнее время и потенциального ущерба от климатических рисков во всех странах региона – уже факт, то о серьезных намерениях снизить выбросы и декарбонизировать экономику говорить пока рано

Отметим, что официальные заявления не всегда равны результатам и достижениям. При этом для серьезных подвижек как на уровне заявлений, стратегий и целей, так и на уровне их реализации во всех странах региона требуется «политическая воля». И если признание климатической проблемы в последнее время и потенциального ущерба от климатических рисков во всех странах региона – уже факт, то о серьезных намерениях снизить выбросы и декарбонизировать экономику говорить пока рано.

Международное сообщество и экологи продолжают призывать правительства стран региона к более амбициозным мерам. Так, к очередному климатическому саммиту ООН, проходившему в Мадриде в декабре 2019 года, российские неправительственные организации и общественные объединения приняли специальное заявление, в котором они, в частности, призывают Россию «пересмотреть цель снижения выбросов парниковых газов на 2030 год: принять цель снижения до уровня 50% от 1990 года без учета поглощения лесами, отдельную цель по поглощению углерода лесными экосистемами и водно-болотными угодьями, национальную стратегию низкоуглеродного развития до 2050 года, включающую сценарий потепления планеты на 1,5 °C. «Стратегия должна соответствовать глобальному экологическому переходу на безуглеродную энергетику к середине XXI века, предусматривать скорейший уход от использования угля и в перспективе снижение зависимости от всех видов ископаемого топлива и не должна включать увеличение доли АЭС и крупных плотинных ГЭС в энергобалансе страны», – говорится в заявлении экологов. Активисты российского отделения Fridays for Future во время недавней встречи со специальным представителем российского президента по вопросам климата Русланом Эдельгериевым также призывали повысить амбициозность российских климатических целей и мер климатической политики.

Между тем экономико-политическая реальность может внести в эти планы свои коррективы. Так, на площадке Торгово-промышленной палаты РФ до сих пор проходят мероприятия, где выступают эксперты, сомневающиеся в целесообразности присоединения к Парижскому соглашению (что произошло, напомним, в сентябре минувшего года) и обвиняющие западные страны в экологическом давлении и «углеродном» шантаже России, а также призывающие не принимать серьезных мер углеродного регулирования или мер по декарбонизации.

Одновременно с этим направленная в правительство «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» также

предполагает увеличение производства сжиженного природного газа и добычи нефти в Арктической зоне.

Большая часть экспертов подтверждает, что РФ пока не намерена снижать долю ископаемого топлива в ТЭК России. Максимум – развивать ВИЭ, особенно в отдаленных районах, гидро-, атомную и водородную энергетику, но не выводить инвестиции из проектов ископаемого топлива.

«Государство напрямую не инвестирует в ископаемое топливо. Государство только определяет политику через директивы и назначения в советах директоров контролируемых компаний, а также раздает налоговые льготы или не раздает. Мне кажется, здесь вопрос инвестиций в ископаемое топливо – это вопрос квалификации менеджмента сырьевых компаний и их честности с акционерами и советами директоров. Менеджмент просчитывает (или нет) окупаемость проектов с учетом рисков. Если риски введения углеродного налога или импортной пошлины на российское сырье повышаются с каждым днем, то расчет окупаемости таких инвестиций с учетом всех рисков находится в компетенции тех, кто такие расчеты готовит», – размышляет директор Исследовательского центра энергетической политики (ИЦ ЭНЕРПО) Европейского университета в Санкт-Петербурге Максим Титов.

Вопрос инвестиций в ископаемое топливо – это вопрос квалификации менеджмента сырьевых компаний и их честности с акционерами и советами директоров

Недавний пример тому – избавление от угольных активов «Иркутскэнерго» (компания под контролем группы EN+). «Помимо «Иркутскэнерго» к сокращению присутствия в традиционной генерации стремится и финский энергоконцерн Fortum. «Энел Россия» (подконтрольная итальянской Enel) до конца 2020 года должна закрыть сделку по продаже СУЭК крупнейшей в РФ угольной Рефтинской ГРЭС (3,8 ГВт), тем самым компания также постепенно очищает свой портфель в РФ, отказываясь от генерации на угле и параллельно наращивая объемы зеленой генерации».

В связи с этим многие аналитики полагают, что надо поддерживать и стимулировать хотя бы малые шаги на пути декарбонизации в странах региона, включая так называемые низковисящие фрукты – проекты и направления, приносящие быстрые и осязаемые результаты.

«В Казахстане в последние годы удалось сдвинуть с мертвой точки строительство и ввод в эксплуатацию ветровых и солнечных электростанций, в основном это крупные установки мощностью около 50 МВт. Сейчас доля возобновляемых источников энергии, включая малые ГЭС, составляет около 1,75%. Ввод новых объектов теплоэнергетики, работающих на сжигании угля, практически прекратился, но вывод из эксплуатации установок, работающих на ископаемом топливе, не происходит. Существенный прогресс наблюдается в газификации частного сектора, что приводит к снижению потребления жидкого топлива и позволяет постепенно снижать потребление угля в энергетике. Согласно данным национальной инвентаризации парниковых газов, выбросы CO₂ в 2017 году составили 152,3 млн т, что меньше уровня 1990 года на 13%. В этом году планируется разработка Стратегии низкоуглеродного развития, которая должна будет конкретизировать планы по отказу страны от ископаемого топлива. Но пока неясен статус будущего до-

кумента с точки зрения обязательности исполнения. Можно сказать, что необходимость развития ВИЭ и тем более энергоэффективности признается, но планы по отказу от ископаемого топлива остаются неопределенными», – комментирует председатель Экофорума общественных организаций Казахстана Вадим Ни.

Максим Титов также подчеркивает важность развития ВИЭ и повышения энергоэффективности для России. «Объем инвестиций в ВИЭ оценивается Ассоциацией развития возобновляемой энергетики в 800 млрд руб. Развитие сегмента ВИЭ создает рабочие места, повышает энергобезопасность, позволяет планировать диверсификацию экспорта в будущем и, конечно, является частью плана декарбонизации. Что касается энергоэффективности, то по данным Минэкономки, энергоемкость российской экономики не снижается уже четыре года. План по снижению энергоемкости на 40% к 2020 году не выполнен, нынешними темпами мы достигнем этой отметки только к 2043 году. Значительный потенциал энергосбережения российской экономики в случае его реализации даст возможность сократить постоянные затраты на энергоресурсы, снизить зависимость бизнеса и домохозяйств от роста тарифов, озеленить баланс потребляемой энергии и наконец снизить выбросы CO₂. Сроки окупаемости по энергоэффективным проектам для сегмента малого и среднего бизнеса составляют три-четыре года, это очень хорошие инвестиции. Жилой сектор требует немедленных мер по повышению энергоэффективности. Вот чем, мне кажется, нужно заниматься в рамках государственной политики по декарбонизации в самое ближайшее время».

Более практическое видение вопроса – это более медленное реагирование на климатический кризис, однако именно этот путь может стать более приемлемым для стран региона

Более практическое видение вопроса – это, безусловно, более медленное реагирование на климатический кризис, однако, как подчеркивают эксперты, именно этот путь может стать более приемлемым для стран региона.

Впрочем, не забывая об официальной и бизнес-повестке, важно наблюдать и за конкретными действиями и кампаниями, в том числе на местном уровне, например, на уровне развития ВИЭ в городах и регионах или на уровне местных сообществ и инициатив гражданского общества. В конечном итоге именно коллективные и системные действия всех игроков смогут принести наилучшие результаты на пути «зеленой» трансформации экономики, в том числе если конкретные кейсы городов или общественные объединения будут поддерживаться, а приоритеты госполитики (с повышенным уровнем амбиций) – распространяться на все уровни общества и бизнеса.

Ⓢ **Ангелина Давыдова** (Angelina Davydova) – экологический журналист, директор Бюро экологической информации, преподаватель СПбГУ и ИТМО, наблюдатель на переговорах ООН в области изменения климата с 2008 года, стипендиат программы The Humphrey Fellowship в Университете Дэвиса, Калифорния (2018-2019).

Спасибо, не надо!

Почему Приднестровье не может быть моделью для урегулирования конфликта на востоке Украины

Андрей Веселовский

Чем сложнее российским властям нести бремя Донбасса – международные экономические санкции, имидж агрессора, бюджетное содержание оккупированных территорий, расходы на силовой компонент, человеческие потери – тем чаще в аналитическую среду вбрасывается идея повесить затраты и репутационные потери на Украину. Каким образом? Подсказать Киеву, что решить проблему Донбасса можно по примеру «приднестровского урегулирования». А какой реакции можно ожидать от Киева?

Прежде всего такое «урегулирование» не позволит Украине вступить в Европейский союз (ЕС) и Организацию североатлантического договора (НАТО). Следовательно, даже если предположить, что огонь на линии разграничения прекратится, граждане смогут свободно перемещаться и установится режим обмена товарами и услугами, движение Украины по избранному ею пути остановится. Для украинцев – это их национальный выбор, а в самопровозглашенных «Донецкой и Луганской республиках» (ОРДЛО), как и в Приднестровье, отвергают такое будущее.

К необходимости европейской интеграции украинское общество пришло давно. На уровне исполнительной власти это произошло в июне 1998 года – в виде Указа президента Украины «Об утверждении Стратегии интеграции Украины в ЕС». Позже были Национальная программа интеграции (2000), создание Государственного совета по европейской и евроатлантической интеграции (2003), и даже Стратегия европейской интеграции на 2004-2015 годы.

Опросы общественного мнения уже тогда показывали, что созрело количественное (по числу активного населения) и качественное (по бизнес-ориентации) большинство в пользу присоединения к ЕС. Напомню, что Революция достоинства началась после отказа экс-президента Виктора Януковича подписать Соглашение об Ассоциации Украины и ЕС.

С НАТО получалось сложнее, но прямое вооруженное участие войск Российской Федерации в оккупации Крымского полуострова, а в дальнейшем и в боевых действиях на востоке Донецкой и Луганской областей изменили настроения украинцев. Сегодня более 50% прямо высказываются за вступление в НАТО, еще 10-15% – с определенными оговорками. Не во всех странах Альянса имеется такая поддержка.

Через три десятилетия оказалось, что нищий Тирасполь бравирует «независимостью», а судьбу Молдовы решают в Москве

Но вернемся к Приднестровью: чем является так называемая Приднестровская молдавская республика (ПМР) сегодня, после 30 лет «независимости». Пытаясь склеить два берега Днестра, власти Кишинева по наущению из России согласились признать

ее равным партнером, вели переговоры, подписывали договоры и соглашения, рассчитывая, что так воссоздадут единую Молдову.

Через три десятилетия оказалось, что нищий Тирасполь бравирует «независимостью», а судьбу Молдовы решают в Москве.

Из живших в Приднестровье в 1991 году 600 тыс. человек осталась едва половина. Доля ВВП в составе Молдовы уменьшилась вдвое. Демографический срез населения похож на пенсионный список. Молодежь и умелые работники уезжают в Молдову (или транзитом в Румынию и далее на запад), Россию, Украину.

В ПМР расквартированы 2,5 тыс. военнослужащих РФ. За российский бюджет содержатся и силовые структуры: милиция, «таможня», «пограничники», «безопасность». С населения взять нечего, потому отжимают мелкие бизнесы, наезжают на торговлю, «крышуют» контрабанду.

О подобной территории в составе своего государства, такой «обороне и безопасности» украинцы не мечтают.

Сегодня Украина преодолела экономические, политические и социальные последствия оккупации Крыма и восточных районов, вышла на стабильный экономический рост, поборолa инфляцию и повысила свой международный кредитный рейтинг.

В стране происходят изменения, ведущие к европейской и евроатлантической интеграции. Гармонизируется законодательство, растет товарооборот с ЕС. Восстановленные вооруженные силы модернизируются по стандартам НАТО. Ведется наступление на основную причину многолетнего отставания Украины от соседей в Центральной Европе – коррупцию, происходит очищение продажной судебной системы и борьба с полицейским произволом. Такие изменения не могут происходить в условиях «русского мира», воцарившегося в Приднестровье и пытающегося закрепиться в Крыму и на Донбассе.

«Все это важно, зато в Приднестровье не стреляют!» – возразят оппоненты. Там не стреляют не от миролюбия. Во-первых, вооруженные силы ПМР превосходят молдавские и по количеству, и по вооружению. И это не считая российских солдат. Во-вторых, зачем стрелять, если тебя признают равным, а может, и более важным партнером? Если президент суверенной Молдовы приезжает в Приднестровье отмечать государственный праздник Российской Федерации?

У граждан Украины нет оснований надеяться, что 30-тысячное войско из российских офицеров, инструкторов, граждан-энтузиастов и местного беглого элемента завтра послушно сдаст оружие и разъедется

Ситуация на востоке Украины иная. Из-за линии разграничения в согласованное в 20-й раз «перемирие» бьет тяжелая артиллерия, системы залпового огня, танки, бронетранспортеры, минометы, пулеметы, снайперы и даже дроны, которые сбрасывают гранаты и мины-ловушки. Границу контролирует Россия – проблем ни с боеприпасами, ни с новыми оружейными системами нет, наблюдателей ОБСЕ не пускают.

У граждан Украины нет оснований надеяться, что это 30-тысячное войско из российских офицеров, инструкторов, граждан-энтузиастов и местного беглого элемента завтра послушно сдаст оружие и разъедется.

Есть вопрос и по торговле, которую якобы можно было бы вести с Донбассом в случае перехода на приднестровский вариант. Но в каком таможенном режиме может происходить торговля при неконтролируемой Украиной границе?

Права аналитики, призывающие Украину изучать кейс Приднестровья. На этом примере видно, как мирное толерантное население восточного берега Днестра годами пичкали сказками о жестокой румынизации их сограждан за рекой. Как забивают эфир российской пропагандой, а к «советским праздникам» ублажают стариков добавкой к пенсии в 10 долларов «прямо из Москвы». Как зарабатывают на контрабанде, а полученное крадут и тратят на охрану украденного. Не будем лукавить: украинцы в погонах долго закрывали на это глаза и были в доле. Образумились после российского вторжения.

Поэтому приднестровская модель смертельно опасна для государственности и общества. Это раковая опухоль на теле Молдовы, побороть которую сможет только сильная демократически избранная власть, свободная от коррупции, при широкой поддержке граждан. Необходимая составляющая – солидарная помощь обеих соседних государств и жесткая позиция мирового сообщества.

Украине идти по приднестровскому сценарию крайне опасно. Не стоит надеяться, что вооруженные формирования ОРДЛО перестанут стрелять и сами уйдут, нельзя признать самопровозглашенных марионеток чужого государства властью. Донбасс опять станет неотъемлемой частью Украины, когда на границу с РФ вернутся украинские пограничники, а на демилитаризированной земле заработают международные силы, долго и терпеливо восстанавливающие ее.

Долго ждать? Да, наверное, не один год, и не в мечтах, а в трудах. Зато получится сильное демократическое европейское государство, а не чемодан без ручки.

Ⓢ **Д-р Андрей Веселовский** (Andri Veselovsky) – советник директора Национального института стратегических исследований. С 1986 года – дипломат в Министерстве иностранных дел Украины, работал, в частности, Специальным представителем президента Украины по вопросам приднестровского урегулирования.

Наследство для всех

Известный экономист Тома Пикетти о рецептах излечения от неравенства, успехе правых и солидных одноразовых выплатах каждому

Тома Пикетти

Главная мысль вашей новой книги такая: «Неравенство – это идеология». Она существует не от природы, а является следствием политических решений. Как вы пришли к такому выводу?

Слово «идеология» в моей книге лишено отрицательной коннотации. Всякое общество нуждается в идеологии, чтобы оправдать существующий уровень неравенства определенным представлением о его пользе для этого общества. В истории пока не было ни одного общества, в котором богатые признали бы: «Мы богаты, а вы бедны, и точка». Такой подход обречен на неудачу. Общество тут же потерпело бы крах.

Правящие элиты всегда вынуждены пускать в ход изощренные нарративы. Им приходится говорить: «Да, допустим, мы богаче вас, но это же хорошо для общества в целом, так как мы обеспечиваем порядок и стабильность в ваших же интересах, ибо мы – подобно религии или Старому режиму в дореволюционной Франции – предлагаем вам духовное лидерство. Или же потому, что даруем обществу более высокий уровень инновативности, продуктивности и роста». Конечно, эти нарративы не всегда безоговорочно убедительны. Иногда они служат исключительно собственным интересам. Тут не обходится без лукавства, но все эти различные дискурсы должны обладать хотя бы минимальной долей правдоподобия. Они не должны быть абсолютно ложными. Если они явно неправдивы, не срабатывает весь механизм.

В своей книге я тщательно исследую с исторической точки зрения явление, которое называю «режимом неравенства». Режим неравенства – это система, призванная оправдать определенный уровень существующего равенства и неравенства. Такие режимы, как следует из моей книги, вполне способны достигать успехов и извлекать уроки в вопросе о справедливости. В течение длительного времени действительно можно наблюдать определенное снижение неравенства. Мы научились более совершенной организации справедливого порядка и равного доступа к образованию, а также улучшили соотношение систем налогообложения с уровнем доходов и таким образом добились определенных успехов.

Однако прогресс в этом вопросе и идеологические споры вокруг него не утихают. Конкретные исторические изменения являются результатом столкновения идей и идеологий, а не только классовых конфликтов. Согласно старым марксистским представлениям, мировоззрение, идеология и стремление к тому или иному экономическому устройству зависели от классовой принадлежности индивидуума. В действительности все намного сложнее, ибо для представителей одного и того же класса существуют разные возможности организации систем отношений собственности, образования или налогообложения. Иначе говоря, существует определенное пространство свободы действий для идеологических тенденций и идей.

И все же вопреки сказанному люди в демократических обществах путем выборов принимают коллективное решение о жизни в таких неравных обществах. Почему это происходит?

С одной стороны, правильное соотношение между равенством и неравенством трудно определить, с другой – неравенство не всегда связано с чем-то плохим. Часто люди преследуют разные жизненные цели. Для одних большую ценность имеет финансовый успех, для других важнее иные цели. Таким образом, определение оптимального уровня равенства – задача непростая.

Когда я говорю о том, что определяющими причинами неравенства являются идеологические и политические факторы, это не означает, что они просто должны исчезнуть, и тогда мы одним махом добьемся полного равенства. Для всякого общества нахождение оптимального баланса между институтами – задача весьма многоплановая. Ведь в долгосрочной перспективе неравенство в определенной степени все же сокращается. Я считаю, что мы нуждаемся в большем равноправии в доступе к собственности и образованию. Над этим можно и нужно работать и впредь.

Крах коммунизма привел к отрезвлению в вопросе о возможности существования иного экономического устройства, кроме капитализма

История, как известно, – это не линейный процесс. С течением времени достигался прогресс в вопросе равенства, который в XX веке повлек за собой и рост экономического благосостояния. Но были и откаты. Крах коммунизма привел к отрезвлению в вопросе о возможности существования иного экономического устройства, кроме капитализма. Этим большей частью объясняется то, почему с конца 1980-х неравенство возросло.

Сегодня – 30 лет спустя – мы начинаем медленно осознавать, что, возможно, слишком далеко ушли в другом направлении. А поэтому снова начинаем задумываться над тем, как можно было бы изменить экономическую систему. К тому же новые вызовы в связи с изменением климата и экологическим кризисом заостряют наше внимание на необходимости перестройки экономической системы. Здесь наблюдается комплексный по своему характеру процесс, в ходе которого общества пытаются извлечь уроки из приобретенного опыта.

Пока что они забывают о том, как обстояло дело ранее. Это приводит к чрезмерным реакциям. Тогда общества двигаются слишком далеко в противоположном направлении. Но если мы – а в этом и заключается цель моей книги – опираемся на ценности, созданные историческим опытом, становится легче извлекать более правильные уроки из позитивного опыта прошлого.

Вы говорите, что неравенство способствует подъему национализма и популизма. Почему часто правые извлекают из него больше выгоды по сравнению с левыми?

Левые не прилагают достаточных усилий для внесения альтернативных предложений. После крушения коммунизма левые прошли длительный этап отрезвления и потери мужества в ситуации, когда требовалось предложить обществу перспективу иного экономического устройства. Социалисты во Франции и социал-демократы в Германии не предприняли серьезных попыток по изменению правил игры в Европе.

В определенный момент времени они поддержали идею о том, что нужна лишь свобода перемещения капиталов, товаров и услуг, а также рыночная конкуренция между странами, чтобы добиться благосостояния для всех. Тем не менее мы видим, что в выигрыше от этого оказались главным образом структуры, обладающие мощным финансовым капиталом или большими человеческими ресурсами, а также экономические игроки с высоким уровнем мобильности. Низший и средний класс ощущают себя обделенными.

Социалисты во Франции и социал-демократы в Германии не предприняли серьезных попыток по изменению правил игры в Европе

А затем на сцену вышли еще и партии националистического или ксенофобского толка с совершенно простым обращением: «Мы защитим вас посредством национальных государственных границ, вышвырнем мигрантов, сохраним вашу идентичность как представителей белой европейской расы и т.д.». В конечном счете все это, конечно же, не сработает и не решит ни проблему неравенства, ни проблему глобального потепления. Но ввиду отсутствия альтернативного дискурса многие избиратели повернулись лицом к этим партиям.

Правда, еще большее количество избирателей предпочли остаться дома. Они попросту не голосуют, и об этом нам не следует забывать. Если бы все группы населения с низким уровнем доходов были восторженными поклонниками Ле Пен или «Альтернативы для Германии» (АдГ), все они пошли бы на избирательные участки и обеспечили 90-процентную избирательную активность. Но до этого далеко. Именно среди представителей низших социальных и экономических слоев избирательная активность явно низкая. Это позволяет предположить, что они ожидают конкретную политическую программу, которая реально могла бы изменить их жизнь.

Вы предлагаете, чтобы государство осуществляло одноразовую выплату в размере 120 тыс. евро каждому гражданину, достигшему 25 лет, называя ее «наследством для всех». Чего можно было бы добиться таким образом?

Такое «наследство для всех» в качестве дополнения ко всеобщему доступу к базовым ценностям и услугам публичной системы обеспечения основных жизненных потребностей, например, образованию, медицинскому и пенсионному обеспечению, призвано гарантировать и базовый доход. Все эти инструменты не заменяются им, а дополняются.

Почему это столь важно? Я вижу проблему в том, что человек, обладающий хорошим образованием и здоровьем, а также хорошей и высокооплачиваемой работой, вынужден отдавать половину своего дохода в качестве арендной платы детям собственников дома, которые всю свою жизнь будут получать доходы от аренды. Имущественное неравенство влечет за собой огромное неравенство в плане жизненных возможностей. Некоторым людям приходится пожизненно платить за аренду жилья. Одни могут создавать фирмы или наследуют семейные предприятия. Другие никогда не смогут основать свое дело, ибо у них нет стартового капитала. В целом же важно видеть, как и прежде, огромную концентрацию богатства в нашем обществе.

В Германии низший класс населения не обладает даже тремя процентами общего богатства. После воссоединения этот показатель стал даже еще меньше. Неужели это

предел наших возможностей, и что можно предложить, чтобы изменить это? Просто ничего не делать и ждать роста промышленности или доступа к образованию – не вариант. Ведь это мы делаем уже 100 лет, но низшему классу населения так и не удалось обрести богатство.

Тот, кто желает что-то изменить в имущественной структуре общества, должен добиться изменений в структуре общественных переговоров, ведь тот, кто не имеет имущества, имеет очень слабую позицию. Ему нужно найти работу, чтобы ежемесячно оплачивать аренду и счета, и поэтому он вынужден брать то, что дают.

В Германии низший класс населения не обладает даже тремя процентами общего богатства

Между теми, кто владеет 100 или 200 тысячами, а не нулем или 10 тысячами евро – огромная разница. Возможно, миллионеры осознают это не так отчетливо, но для людей, не имеющих ничего или, возможно, лишь долги, это играет колоссальную роль.

На вашей родине во Франции налог на CO2 породил движение желтых жилетов. Было ли его введение ошибкой?

Для одобрения обществом налога на выбросы диоксида углерода нужно, чтобы он был справедливым. Во Франции вначале налог на CO2 пользовался высокой степенью общественного одобрения, хотя и рос из года в год. Проблема в том, что правительство Макрона использовало поступления от него для встречного финансирования резкого снижения налогов для одного процента топ-богачей среди населения страны, а именно для отмены налога на имущество, банковские проценты и дивиденды.

Люди были возмущены тем, что налог на CO2, который преподносился им как взнос в целях защиты климата, послужил лишь для создания возможности снижения уровня налогов для спонсоров избирательной кампании. Так была уничтожена идея введения налога на CO2. Германии нужно действовать крайне осмотрительно, так как подобный налог может вызвать отторжение со стороны прежде всего низших слоев населения. Эффективным налог на CO2 может быть лишь при условии использования полученных от него средств на покрытие социальных расходов и положительного отношения к нему всех сегментов общества.

Интервью с Тома Пикетти провел Николаос Галавакис

🕒 **Тома Пикетти** – профессор Парижской школы экономики, получивший известность благодаря исследованиям неравенства доходов. Создатель Всемирной базы данных благосостояния и доходов, автор книги «Капитал в XXI веке», ставшей мировым бестселлером. Недавно вышла в свет на немецком языке его новейшая научная работа «Капитал и идеология».

COVID-19 и национализм

Пандемии не уважают политических границ. Разыгрывание националистической карты не решает ни одной проблемы.

Кевин Радд

Недавно я шел по East 29th Street в Манхэттене, после посещения друга в госпитале Белвью, когда меня отвлек от моих мыслей белый мужчина средних лет, кричащий на старого китайца: Убирайся вон из моей страны, ты кусок китайского дерьма! Старик был ошеломлен. Как и я, прежде чем я взревел (используя весь свой родной австралийский словарный запас): «Отвали и оставь его в покое, белый расистский кусок дерьма!»

Движение пешеходов прекратилось. Ко мне подошел молодой белый темноволосый парень. Не обладая реакцией и подготовкой боксера, я приготовился к тому, что предстояло. Он остановился совсем рядом со мной и сказал: «Спасибо, что заступился за него. Именно за это я воевал в Ираке; чтобы такие люди, как он, могли быть свободными».

Оставим в стороне тревожную историю войны в Ираке, COVID-19 является ярким напоминанием о том, что глобальные пандемии, такие как изменение климата, не уважают политических границ. То, через что прошел Китай с этим вирусом в январе и феврале, вероятно, повторится в большей части остального мира в марте и апреле. Будут вариации количества инфицированных, в зависимости от невесомых факторов, таких как температура, относительная надежность медико-санитарного тестирования и лечения систем здравоохранения, а также различные уровни финансовой и экономической устойчивости. Мы должны разумно подготовиться к этим непредвиденным обстоятельствам, не поддаваясь иррациональной панике – не говоря уже о потворстве расистским стереотипам.

Мы должны разумно подготовиться к этим непредвиденным обстоятельствам, не поддаваясь иррациональной панике – не говоря уже о потворстве расистским стереотипам.

Этот вирус вновь напоминает нам о том, что ни один человек или страна не является отдельным островом. Тем не менее, до сих пор политическим лидерам часто не удавалось обуздать слегка завуалированный расизм, присущий некоторым популярным мерам на вспышку вируса. В автобусах, поездах и на улицах по всему миру азиаты, особенно китайцы, подвергались подобным жестким нападкам, свидетелем которых я стал. Теперь, когда вирус поразил Италию, будут ли итальянцы следующими?

Поразительно было наблюдать общее отсутствие солидарности, сочувствия и сострадания к китайцам, особенно к жителям Ухани, которые стоически переживают живой ад. Что произошло бы (или произойдет с) Манхэттеном, Лондоном, Сиднеем, Торонто, Берли-

ном, Парижем или Дели при тех же обстоятельствах? Безразличие к страданиям других абсолютно не оставляет нам возможности дать эффективный глобальный ответ тому, что является очевидным глобальным кризисом.

Соединенные Штаты могли бы легко связаться с китайским руководством, чтобы на раннем этапе создать совместную целевую группу по коронавирусу на высшем уровне, опираясь на очень популярное выражение человеческой солидарности над политикой. Вместо этого, администрация выступила с заявлениями, осуждающими авторитарную политическую систему Китая, и призвала американских инвесторов и менеджеров цепочки поставок найти убежище в США. Да, в течение последних трех лет США и Китай находятся на пути стратегического столкновения, и нормальная политическая враждебность будет возобновлена, как только закончится текущий кризис. Но сегодня враждебность – это не политика. Это просто отношение, и оно не помогает решить проблему.

В более позитивном плане следует отметить, что где-то глубоко институциональное и профессиональное сотрудничество осуществляется. Каковы бы ни были недостатки Всемирной организации здравоохранения, она является формальным инструментом глобального управления в борьбе с пандемиями. Те, кто высказал недовольство Генеральному директору ВОЗ Тедросу Адханому Гебреюсу по поводу эффективности его организации, должны долго изучать международные уставы, определяющие ее полномочия. ВОЗ ограничивается предоставлением международных консультативных уведомлений о передаче вируса, клинических и технических рекомендаций национальным правительствам о том, как с ним бороться, а также оказания экстренной помощи в местах, где нет инфраструктуры здравоохранения. Эта последняя обязанность может стать необходимой, если вирус достигнет самых бедных частей мира, как в случае кризиса лихорадки Эбола в Западной Африке в 2013-16 годы.

Глобальное доверие восстановится только тогда, когда общественность и рынки увидят, что правительства коллективно взялись за дело.

ВОЗ также ограничена катастрофическим снижением объема финансирования. В своих напаках на «глобализм» политическое право рассматривает защиту гуманитарных учреждений Организации Объединенных Наций как знак чести, мощный символ уничтожения «левых». Но когда основные институты остаются без средств, их эффективность подрывается. Просто задайте вопрос Всемирной продовольственной программе, ЮНИСЕФ и Агентству ООН по делам беженцев, которые все пытаются свести концы с концами. В случае ВОЗ, она стала зависеть от взносов благотворительных организаций, таких как Фонд Гейтса и добровольных взносов. Между тем, в разгар нынешнего кризиса, администрация Трампа предложила сократить основной вклад правительства США в ВОЗ со \$123 млн сегодня до всего \$58 млн в следующем году.

Помимо ВОЗ, мы должны быть благодарны Центрам по контролю и профилактике заболеваний США и их сети родственных институтов по всему миру (в том числе в Китае). Медицинские работники в этих организациях сотрудничают между собой, чтобы про-

анализировать вирус, предвидеть возможные мутации и разработать вакцину – и все это несмотря на токсическую политическую среду. Мы также должны быть благодарны международным (в том числе американским) медицинским, фармацевтическим и другим компаниям, которые спокойно закупают маски, перчатки, халаты, вентиляторы и другие важные товары для Китая.

Несмотря на эти усилия, в настоящее время во всем мире наблюдается ощутимый кризис доверия, отчасти из-за потери доверия к национальному и глобальному лидерству. Это отражается в панике среди населения и повышенной волатильности финансовых рынков. Почему США не созывают экстренную встречу G20 министров здравоохранения и финансов и глав правительств? Не обязательно проводить такие собрания при личном участии; их можно было бы провести виртуально в партнерстве с ООН и ВОЗ.

Это могло бы быстро создать согласованную политическую основу – и серьезные финансовые обязательства – для реагирования на разворачивающуюся пандемию. Представляя 20 крупнейших экономик мира (и многие из стран с более чем 100 случаями COVID-19), G20 также обладает наилучшими возможностями для разработки финансовой и экономической стратегии по предотвращению глобальной рецессии.

Глобальное доверие восстановится только тогда, когда общественность и рынки увидят, что правительства коллективно взялись за дело. Именно это произошло в апреле 2009 года, когда лондонский саммит G20 остановил панику из-за финансового кризиса 2008 года, создал основу для координации и создал политическую и фискальную основу для возможного восстановления. Без многосторонних усилий, отдельные страны просто продолжают прокладывать свои собственные пути, тем самым продлевая процесс восстановления.

Во времена международного кризиса, разыгрывание националистической карты является самой простой и грубой формой внутренней политики. Но если здраво оценить ситуацию, то это не решает ни одной проблемы. Только эффективная глобальная координация может этого достичь.

(c) Project Syndicate 2020

Подмена понятий

Празднику 8 Марта необходимо вернуть первоначальный смысл. Женщины получают поздравления, но подвергаются дискриминации и насилию.

Катерина Задоенко

Ровно 100 лет назад, 8 марта 1920 года, празднование Международного женского дня имело более крепкую связь со своим истинным смыслом – обеспечением равных прав и возможностей женщин – нежели сейчас. Столетие назад этот день был очередным поводом указать на проблемы, с которыми ежедневно

сталкиваются женщины в социальной, экономической, образовательной и политической сферах. Но дальше что-то пошло не так...

За более чем 100-летнюю историю произошла подмена понятий: акценты с гендерного равенства сместились в сторону «весны, красоты и женственности». Можно допустить, что в постсоветских странах некая трансформация в аполитичное, домашне-семейное торжество произошла в 1965 году, когда указом президиума Верховного Совета СССР Международный женский день стал праздником и выходным днем.

С 1975 года Организация Объединенных Наций отмечает 8 Марта как Международный день борьбы за права женщин и международный мир, объявляя каждый год определенную тематику.

В силу менталитета, предвзятого стереотипного отношения к женщинам, которое бережно и регулярно подогревается ежегодными обращениями властей, женщины постсоветских стран получают подарки и сентиментальные поздравления, но продолжают подвергаться дискриминации на рынке труда, в бизнесе и политике, оставаясь один на один в борьбе за права человека.

Феминистические организации прикладывают немалые усилия, чтобы распрощаться с постсоветским наследием празднования 8 Марта с цветами и новинками парфюмерии и вернуть этому дню первоначальный смысл, но это непростой процесс.

В России по-прежнему не существует закона о сексуальных домогательствах на рабочем месте

В современной России Международный женский день успешно трансформировался из борьбы женщин за свои права в праздник весны и внимания к «прекрасному» полу. Из года в год российский президент в своих речах восхищается красотой и нежностью женщин, отмечает важность материнства и не забывает о душевности соотечественниц: «Сердце русской женщины – самое верное!». Такой себе «патриархальный ренессанс» с подпиткой идеологии «мужчина – добытчик, женщина – домохозяйка и мать».

А тем временем за кулисами праздничных речей Россия стремительно сдает позиции

в сфере гендерного равенства. В стране по-прежнему нет закона о сексуальных домогательствах на рабочем месте. Качество медицинской помощи оставляет желать лучшего. На рынке труда существует гендерная сегрегация. В «женских» отраслях скапливаются низкие зарплаты и широко распространен не только стереотип, но и документ о 465-ти «неженских профессиях» (водолазы, машинисты, морской флот), которые негативно влияют на репродуктивное здоровье женщин, и неважно, хочет и будет она иметь детей или нет. Для россиянок проблемными остаются вопросы отсутствия закона о домашнем насилии. Россия значительно уступает странам «Восточного партнерства» по направлению вовлеченности женщин в политику.

Россия скатилась в число мировых аутсайдеров в сфере гендерного равенства, вследствие чего президент Владимир Путин внес свои «гендерные» поправки к законопроекту об изменении конституции и предложил закрепить статус брака как союза мужчины и женщины: «Семья – это муж и жена».

Белорусское законодательство продолжает оставаться «гендерно слепым», и неравенство сохраняется в конституции

В современном белорусском обществе Международный женский день – в первую очередь праздник весны и внимания к женщине. Риторика государства из года в год не меняется и держится на классической схеме: дети, кухня, дом...

Тем не менее в цифрах и общем «командном» зачете Беларусь демонстрирует высокий уровень гендерного равенства. По международным стандартам ситуация с гендерным равенством в Беларуси лучше, чем в России, но хуже, чем в странах ЕС. Женщины занимают около 30% мест в белорусском парламенте, что существенно выше среднего мирового показателя.

Однако в оплате труда присутствует гендерный разрыв, масса профессий до сих пор запрещена для женщин. Белорусское законодательство продолжает оставаться «гендерно слепым», и неравенство сохраняется в конституции. Так, статья 32 Основного закона гласит: «Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей...». По сути такая формулировка подчеркивает изначальное гражданское неравенство женщин с мужчинами. Традиционные взгляды на роль женщины широко распространены в обществе.

За последнее время Молдова значительно улучшила свои позиции в рейтинге гендерного равенства, произошло это в основном в результате заметного роста числа женщин в политике. Но в республике ощущается гендерный дисбаланс на рынке труда: женщины менее активны как наемные работницы. Распространенное явление – насилие в отношении женщин, о котором они не сообщают полиции и другим организациям из-за недоверия к этим учреждениям.

Несмотря на то что Азербайджан стал первым государством в мусульманском мире, которое предоставило женщинам избирательное право, гендерное неравенство здесь продолжает процветать, уверенно опираясь на патриархальную систему и селективные аборты. В соответствующих докладах Совета Европы и ООН, касающихся народонасе-

ления, Азербайджан по малому количеству девочек в соотношении к мальчикам среди новорожденных занимает второе место в мире, уступая только Китаю. Проблемы нежелания рождения девочек связаны с национальными традициями, когда предпочтение отдается мальчикам как продолжателям рода и кормильцам семьи, ситуация усугубляется и в связи с социальными проблемами. 678 рабочих позиций по 38 отраслям находятся для женщин под запретом.

Азербайджан по малому количеству девочек в соотношении к мальчикам среди новорожденных занимает второе место в мире, уступая только Китаю

В 1991 году новая власть Армении, посчитав, что нужно отправить на свалку истории все, что связано с коммунистически-советским прошлым страны, отменила 8 марта как Международный женский день и объявила таковым 7 апреля – День материнства и красоты.

Тем не менее утром 8 марта прошлого года премьер-министр Армении Никол Пашинян через соцсети поздравил всех женщин, а также прошелся по улицам Еревана, раздавая фиалки.

Армянские женщины в реальной жизни практически исключены из сферы принятия решений

После провозглашения приверженности демократическим ценностям и под влиянием международных правовых структур Армения ратифицировала ряд международных документов, касающихся гендерного равноправия. Принцип равных прав и возможностей полов также закреплен в законодательстве. Между тем практика показывает, что женщины в реальной жизни не пользуются равными правами и возможностями, в частности, они почти исключены из сферы принятия решений. Женщины составляют малую долю занимающих как назначаемые, так и избираемые должности.

Кроме того, в Армении по-прежнему широко распространена практика селективных аборт. На свет появляется значительно больше мальчиков и существенно меньше девочек. Очень сильны традиционные семейные ценности, а совместная жизнь многопоколенной семьи не является редкостью.

Международный женский день, отмечаемый 8 марта, парламентом независимой Грузии был объявлен государственным праздником и официальным выходным днем только 2 марта 2002 года.

Особенностью Грузии, выгодно отличающей ее от большинства постсоветских стран, является активное участие грузинских женщин в политическом процессе. На политическом небосклоне появились женщины Нино Бурджанадзе и Саломе Зурабишвили, которых можно назвать «первыми ласточками».

Женщины имеют равные с мужчинами избирательные права, хотя их реальное участие в работе законодательных и исполнительных органов власти всех уровней остается весьма скромным. К примеру, сегодня в грузинском парламенте только 12% женщин. В регионах ситуация печальнее – там женщины в лучшем случае занимают лишь исполнительные посты низшего уровня, не влияя на принятие серьезных политических решений.

Особенностью Грузии, выгодно отличающей ее от большинства постсоветских стран, является активное участие грузинских женщин в политическом процессе

В целом за последнее время уровень гендерного равноправия в Грузии повысился, но этот показатель зависит от уровня образования, возраста и места проживания. В Тбилиси свобод больше, часть гражданского социума ратует за расширение прав женщин и приближение их общественного статуса к европейским стандартам, но в регионах сильны традиционные взгляды. Одной из этих проблем, которой особенно обеспокоены правозащитники, является тема семейного насилия.

Впервые в истории Украины женщина получила военное звание генерала, а правительство открыло доступ к 458 профессиям, которые были ранее запрещены

В прошлом году экс-президент Украины Петр Порошенко поздравил тех женщин, кто празднует, а также провел встречи с женщинами-военными. Именно на такую встречу у него было несколько веских причин. Во-первых, впервые в истории Украины женщина получила военное звание генерала. Во-вторых, правительство открыло доступ к 458 профессиям, которые были ранее запрещены для женщин по репродуктивным соображениям. В-третьих, впервые на параде в День независимости шагали женщины-военнослужащие.

Еще столетие нам необходимо, чтобы понять важность не подаренных тюльпанов, а борьбы за равенство в правах и возможностях

В Украине постепенно улучшается ситуация с равенством возможностей полов в сфере образования и здравоохранения, но она еще пасет задних в рейтингах политического расширения прав и возможностей.

Вполне понятно, что многим молдаванкам, украинкам, армянкам, грузинкам, азербайджанкам, белорускам и россиянкам достаточно не просто отказаться от элементар-

ных знаков внимания, заботы и уважения, от традиций, которые укоренились в их странах и активно пропагандируются в обществе.

Исследователи говорят о том, что нам понадобится еще около 100 лет при нынешних темпах развития и изменений, чтобы добиться паритета. Еще столетие нам необходимо, чтобы понять важность не подаренных тюльпанов, а борьбы за равенство в правах и возможностях, за беспрепятственный доступ к ресурсам образования, здравоохранения, политики, экономики, культуры, за отсутствие дискриминации, и не в один «торжественный» день в году, а ежедневно и даже в самых отдаленных районах своей страны. Быть может, через сотню лет сладкие речи политиков сменятся отчетами о достижении гендерного равенства и решении насущных проблем женщин.

С Международным днем прав женщин!

Ⓢ **Катерина Задоенко** (Kateryna Zadoienko) – аспирантка Национальной Академии государственного управления при президенте Украины, консультантка по гендерному мейнстримингу международной организации миграции, координаторка инициативы Женское лобби в Украине.

Насилие в отношении женщин блокирует глобальное развитие

Когда женщины не борются за выживание, они и их общества действительно процветают

Тлаленг Мофокенг

Ни голод, ни болезни не являются наибольшим препятствием на пути глобального развития. Наибольшим препятствием являются дискриминация по половому признаку и насилие. Вот почему достижение цели 5 Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития – гендерное равенство и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек – является необходимым условием для достижения прогресса по другим 16 ЦУР. И все же, поскольку до выполнения повестки дня в области ЦУР осталось всего десять лет, правительствам так и не удастся отстоять основные права девочек и женщин, не говоря уже о том, чтобы дать им возможность полностью реализовать свой потенциал.

Рассмотрим тяжелое положение женщин в Южной Африке, где уровень убийств женщин почти в пять раз превышает средний мировой показатель, а число сексуальных посягательств принимает угрожающие размеры: в 2018-2019 годы полиция зафиксировала в среднем 114 изнасилований в день – практически 5% рост по сравнению с предыдущим годом. Мало того, у женщин и девочек – включая жертв таких нападений – зачастую нет доступа к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья, включая безопасный и доступный аборт.

Проблема не в законе. Конституция Южной Африки гарантирует доступ к услугам по охране репродуктивного здоровья, а Закон о праве прерывания беременности (СТОП) от 1996 года разрешает делать аборты по требованию вплоть до двенадцатой недели беременности. И все же, небезопасные аборты по-прежнему превышают число безопасных абортов 2:1.

Исходя из высокого уровня сексуального насилия в Южной Африке – и моего личного опыта врача, работающего в стране – справедливо предположить, что значительная доля этих нежелательных и неприемлемых беременностей началась с насилия. В этом смысле многие женщины в Южной Африке становятся жертвами дважды: во-первых, преступников, совершивших насилие и, во-вторых, системы здравоохранения, которая вынуждает их либо довести нежелательную беременность до конца срока, либо обратиться к провайдерам за нелегальными препаратами по прерыванию беременности.

В последнем случае, женщины рискуют получить побочные эффекты, такие как сепсис и кровотечение, и зачастую этот опасный и недостойный процесс происходит в общественных туалетах. После этого они могут подвергнуться еще большему насилию, поскольку их сообщество обвиняет их за последствия действий, предпринятых в отчаянии. Например, со мной недавно связалась молодая женщина, которую преследовала толпа, подозревающая ее в том, что она бросила плод в общественном туалете.

Неважно, что женщина была изнасилована и впоследствии сотрудники местной клиники помешали ей сделать аборт – помощь, гарантированная законом СТОП. Неважно,

что ее конституционные права систематически нарушались. Теперь она будет подвергаться еще большему насилию, если ей не удастся обеспечить себе безопасный выход из дома. Между тем, ни один медицинский работник или вспомогательный персонал не был наказан за отказ в предоставлении услуг по прерыванию беременности и нарушении закона СТОР.

Современные стратегии развития зачастую признают ключевое значение предоставления женщинам возможности реализовать свой потенциал и внести эффективный вклад в свою экономику. Вместе с тем, они не признают необходимость согласованных действий для защиты женщин от насилия и защиты прав жертв.

Эти проблемы являются системными. В докладе Комиссии Южной Африки по гендерному равенству за 2016 год было указано, что министерство юстиции не координирует деятельность департаментов, участвующих в реализации Хартии по оказанию помощи жертвам преступлений в Южной Африке. Со своей стороны, Министерство здравоохранения не создало стандартизированную систему по финансированию, мониторингу и оценке предоставления медицинских услуг жертвам. Последствия этих провалов включают в себя нехватку комплектов для определения ДНК в полицейских участках, нехватку транспортных средств и отсутствие безопасных домов для жертв. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что лица, совершившие сексуальное насилие, редко несут наказание.

Эти проблемы вряд ли присущи только Южной Африке. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в глобальном масштабе более одной трети (35%) женщин в течение жизни подвергнутся физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера или сексуальному насилию со стороны лица не являющегося партнером. Мало кто из этих женщин видит, чтобы их насильники понесли наказание, а многие не могут получить доступ к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья даже после случившегося, даже в странах, которые ратифицировали международные документы, гарантирующие право на оказание такой помощи.

В 2015 году ВОЗ и другие агентства Организации Объединенных Наций попытались помочь устранить эти пробелы при помощи Базового пакета по оказанию помощи женщинам и девочкам подвергшихся насилию. Пакет служит инструментом по определению того, что секторы здравоохранения, социального обслуживания, полиции и правосудия стран должны предоставить всем женщинам и девочкам, подвергшимся насилию по половому признаку и содержит руководящие принципы по координации.

Посредством выполнения рекомендаций пакета, страны смогут лучше выполнять свои обязательства в региональных и международных рамках, таких как Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (которая включает ЦУР). Это также поддержало бы усилия на национальном уровне, такие как надлежащее исполнение закона СТОР в Южной Африке.

Неспособность предпринять такие шаги влечет за собой разрушительные физические, психологические, социальные и экономические последствия для стран. Как отме-

чается в докладе ВОЗ за 2013 год, насилие в отношении женщин приводит к смерти, травмам и нежелательной беременности с более высокими показателями младенческой и детской смертности. Кроме того, жертвы часто сталкиваются с депрессией, социальной изоляцией и чрезмерным употреблением алкоголя, что снижает их работоспособность и ведет к потере дохода. По оценкам, насилие по половому признаку в Европейском союзе обходится примерно в 256 миллиардов евро (280 миллиардов долларов) в год. В Южной Африке этот показатель составляет 28,4 миллиарда рандов (1,9 миллиарда долларов).

Современные стратегии развития зачастую признают ключевое значение предоставления женщинам возможности реализовать свой потенциал и внести эффективный вклад в свою экономику. Вместе с тем, они не признают необходимость согласованных действий для защиты женщин от насилия и защиты прав жертв. Поэтому, они являются далеко недостаточными.

Женщины заслуживают того, чтобы быть в безопасности в своих домах, в школе или на работе, в больницах и на улицах. Только когда они не борются за выживание, они – и их сообщества – действительно процветают.

Copyright: Project Syndicate, 2020.

🕒 **Тлаленг Мофокенг** (Tlaleng Mofokeng) – член Комиссии по гендерному равенству в Южной Африке, является экспертом в области сексуального и репродуктивного здоровья и прав и автором книги *Dr T: A Guide to Sexual Health and Pleasure*.

Закрывая наши границы, заглушая наш разум

Ситуация на греко-турецкой границе – свидетельство бесцеремонности Эрдогана и недееспособности ЕС

Ник Малкуцис

События на границе Турции и Греции – это в первую очередь трагедия беженцев, ставших жертвой корыстных интересов в отвратительной с моральной точки зрения форме. Картины этих событий оживляют воспоминания (не то чтобы они были необходимы) о том, насколько мерзко и расчетливо может время от времени действовать турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган. Однако в них проявилось и дискредитирующее отношение Европейского союза к войне в Сирии и порожденной ею проблеме беженцев.

Конечно же, мы можем осуждать тактику Эрдогана. Но трусливое, двоякое и циничное поведение ЕС в этом вопросе за последние годы привело к тому, что инициатива оказалась в руках турецкого президента, который может отныне шантажировать оцепеневших от страха глав европейских государств. Если ЕС закроет свои границы вследствие того, что Турция предоставила беженцам и мигрантам право на свободное передвижение в связи с последними событиями в Идише, это может стать едва ли не последней возможностью продемонстрировать Эрдогану, что Европа не станет танцевать под его дудку, хотя в действительности давно упустила инициативу в этом вопросе.

С политической точки зрения у премьер-министра Греции практически не было иного выбора, кроме как закрыть границу с Турцией. Результаты опросов общественного мнения относительно деятельности его правительства, начиная с победы на выборах прошлым летом, малоутешительны. На континенте набирает силу протест против планов обустройства центров приема мигрантов, чтобы уменьшить давление на Эгейские острова. На прошлой неделе островитяне четко дали понять, что они также выступают против строительства новых лагерей на своих островах для соискателей статуса беженца.

Трусливое, двоякое и циничное поведение ЕС в этом вопросе привело в целом к тому, что инициатива оказалась в руках турецкого президента

Бывший премьер-министр Антонис Самарас и другие лидеры правящей партии «Новая демократия» требуют более жесткого стиля действий в отношении мигрантов, невзирая на то что правительство совсем недавно приняло новый закон о предоставлении убежища. Он позволяет осуществлять ускоренную депортацию лиц, бежавших из своих стран по экономическим соображениям, предусматривает строительство новых закрытых приемных пунктов на островах, создание официального реестра неправительственных организаций и даже сооружение плавучего заграждения вокруг Эгейского архипелага.

Среди консерваторов даже курсирует теория о «большом этноморфозе» (насиленном переселении этнических групп), широко распространенная среди ультраправых партий на Западе. Согласно этой теории, наплыв соискателей убежища является частью большого плана по разложению греческой нации. В социальных сетях многие греки на днях уверяли даже в том, что Эрдоган ведет против их страны «гибридную войну». Некоторые из этих диванных героев несколько лет назад распространяли мнение о том, что приток мигрантов в Грецию является следствием политики «открытых границ», которая осуществлялась предыдущим правительством под предводительством СИРИЗЫ. Но авторитет таких утверждений находится на одном уровне с доверием к турецкому президенту.

И все это способствует разжиганию истерии, которая ограничивает простор политических действий греческого премьер-министра и его правительства, тем более что сами они, пребывая в статусе оппозиции, годами обещали греческому обществу, что с их избранием проблемы, связанные с миграцией, исчезнут вообще; в течение последних месяцев они, когда уже сами стали правительством, постоянно подчеркивали тот факт, что люди, прибывающие из Турции, являются мигрантами по экономическим причинам, не имеющими права на защиту, хотя официальные данные противоречат таким утверждениям.

В действительности же дело обстояло так. После шока в 2015 году, который повлек за собой закрытие границ Грецией, шаткой сделки между ЕС и Турцией, а также снижения числа прибывающих на греческое побережье многие европейские политики внушили себе, что ситуация находится под контролем. Для них главным показателем оставалось снижение количества мигрантов, прибывающих в их страны. Лишь так им удалось устоять под напором праворадикальных сил, который крепнул по мере углубления кризиса, вызванного беженцами.

Годами все мирились с плохими условиями и большим скоплением людей на греческих островах. Надеялись на то, что 3,5 млн зарегистрированных в Турции сирийских беженцев не увидят повода и не испытают желания двинуться в Северную Европу. Рассчитывали, что война в Сирии каким-то образом исчерпает себя, хотя Запад колебался и медлил, в то время как Турция и Россия пошли в бой.

Надеялись на то, что 3,5 млн зарегистрированных в Турции сирийских беженцев не увидят повода и не испытают желания двинуться в Северную Европу

Понятно, что Афины оказались между двух огней: расчетливым ЕС, который в 2015 году, когда был закрыт балканский коридор и пошли разговоры об исключении из Шенгенского договора, без всяких угрызений совести изолировал Грецию, и противником, действующим в манере Макиавелли, по ту сторону Эгейского моря, безо всякого стеснения использовавшим в своих политических целях нищих людей. Но когда Греция и другие европейские страны утверждают, что их якобы не волнует развитие событий в Сирии, поскольку они не вовлечены в них, то с дипломатической точки зрения это выглядит так, словно они закрыли себе глаза и заткнули уши.

Корни нынешних проблем порождены ситуацией в Сирии. С 2011 года там бушует война, вследствие которой погибли уже более 380 тыс. человек и от которой бежали миллионы людей. Если Сирия не обретет мира и стабильности, то последствия ощутит на себе Греция и остальные страны ЕС, независимо от мнения глав государств о том, справедливо это или нет.

Если ЕС будет и впредь придерживаться трусливой позиции по отношению к кризису беженцев, порожденному войной в Сирии, и не сможет разработать новую целесообразную процедуру предоставления убежища, Эрдоган снова воспользуется этим страхом. Когда из уст глав государств ЕС звучат красивые слова о том, что Греция имеет право защищать свои границы, то в этом контексте в них мало смысла. Греция может закрыть свою сухопутную границу с Турцией, и при этом маршруты, проложенные по Эгейскому морю, останутся открытыми. Но прежде всего нельзя считать серьезной реакцией внешнюю изоляцию, тем более от группы государств, гордящихся тем, что они принадлежат к наиболее просвещенной, благополучной и демократической части мира.

Ситуация на греко-турецкой границе проливает свет на бесцеремонность действий Эрдогана и в то же время снимает маску с политики ЕС. Закрытие еще одной границы может на короткое время принести политический успех, но тот, кто восторгается им как проявлением решимости, не извлек уроков из недалекого прошлого и не желает посмотреть правде в глаза.

Данная статья впервые вышла на сайте MacroPolis, ее перевод публикуется с разрешения правообладателя.

📌 **Ник Малкуцис** (Nick Malkoutzis) – основатель и главный редактор англоязычной информационной платформы MarcoPolis, политико-экономического аналитического издания Греции с офисом в Афинах.

Проблема не только в Чернобыле

В Украине системно не изучаются источники загрязнения воздуха. Властям следует срочно инициировать работу по их инвентаризации.

Иван Ковалец

Апрельские пожары в украинском Полесье и Чернобыльской зоне отчуждения, сопровождавшиеся пыльными бурями и катастрофическим ухудшением качества воздуха в Киеве и других городах Украины, обратили внимание общественности и СМИ на хронически запущенную проблему загрязнения воздуха. Так, накануне пасхальных праздников, 16-19 апреля, украинская столица возглавила антирейтинг городов по уровню загрязнения воздуха: станции общественного мониторинга в Киеве показывали превышение предельно допустимых концентраций опасных мелкодисперсных частиц PM 10 и PM 2,5 в десятки раз. Многие люди не только чувствовали запах гари, но также испытывали проблемы со здоровьем. Особенные опасения вызывало то, что пожар в Чернобыльской зоне отчуждения (ЧЗО) предположительно мог вынести радионуклиды за пределы зоны, в том числе и в Киев.

Попытаемся разобрать ситуацию. Начнем с влияния пожаров в Чернобыльской зоне на радиационную обстановку вне ЧЗО. При пожарах происходит подъем и воздушный перенос радиоактивности, содержащейся на территории Зоны отчуждения. Исследования украинских ученых, проведенные в Зоне отчуждения еще в конце 1990-х, позволили получить оценки доли радиоактивности, которая поднимается в воздух при пожарах. Например, для цезия-137 – это примерно 5% от общего содержания данного радионуклида на территории пожаров. На основе этих данных была разработана и интегрирована в систему ядерного аварийного реагирования Евросоюза RODOS методика расчета атмосферного загрязнения во время пожаров в Чернобыльской зоне. Система RODOS в настоящее время внедрена и используется во всех украинских организациях, отвечающих за аварийное реагирование и прогнозирование, включая Укргидрометцентр, Энергоатом, Государственную инспекцию ядерного регулирования, Госагентство управления Чернобыльской зоной отчуждения. Это позволило во время недавних пожаров получать прогнозные оценки динамики воздушного загрязнения радионуклидами на территории Украины в режиме реального времени, в том числе и по Киеву, которые согласовались с полученными измерениями.

Не только среднесуточные концентрации, которые были измерены Центральной геофизической обсерваторией в Киеве (максимальное значение – 0,7 мБк/м³), но и максимальные рассчитанные часовые концентрации цезия-137 (9 мБк/м³) ни разу за период пожаров не достигали даже нескольких процентов от предельно допустимого значения (ПДК=800 мБк/м³) этого вещества. При этом измеренные и рассчитанные показатели в сотни раз превышали обычные для Киева значения. По данным расчетов, на границе с Белоруссией максимальная концентрация цезия-137 могла достигать 250

мБк/м³, что все еще меньше ПДК, а продолжительность подобных пиков не превышала одного-двух часов.

Представленные результаты в целом подтверждают выводы МАГАТЭ о том, что даже такие сильные пожары в Чернобыльской зоне, как произошедшие в апреле 2020 года, не вызвали радиационных рисков для людей, находящихся вне зоны отчуждения. При этом остаются не до конца выясненными такие вопросы, как возможность подъема и воздушного переноса так называемых горячих частиц во время пожаров.

Крупный пожар в Чернобыльской зоне не впервые случается за последние годы. В 2015-м в ЧЗО произошло два крупнейших пожара, когда общая выгоревшая площадь за год составила 40 тыс га, что в 16 раз превысило максимальный на то время годовой показатель с 1992 года (2,5 тыс. га). По оценкам специалистов, суммарная площадь апрельского пожара 2020 года в ЧЗО уже превысила 27 тыс. га, при этом пожар добрался до самых загрязненных участков Чернобыльской зоны. Таким образом, с 2015 года крупные пожары в ЧЗО повторяются регулярно. Для сравнения: в Белорусской Чернобыльской зоне отчуждения с 2003-го введена в действие программа повышения противопожарной безопасности, которая включает сеть противопожарных разрывов, систему наблюдения, раннего оповещения и т.д. Эффективность белорусской системы подтверждается независимыми спутниковыми данными: начиная с 2004 года годовая площадь пожаров в Белорусской Чернобыльской зоне стабильно низкая. Лесная служба США совместно с Национальным университетом биоресурсов и природопользования реализовала в Украине проект, в котором сформулированы рекомендации относительно повышения противопожарной безопасности в ЧЗО, которые, судя по результатам, в Украине не применяются.

Пожар и ветровой подъем золы в Чернобыльской зоне практически не сказался на катастрофическом загрязнении Киева, а концентрации мелкодисперсных частиц во время пыльной бури возросли многократно.

Вопреки опасениям, пожар и ветровой подъем золы в Чернобыльской зоне практически не сказался на катастрофическом загрязнении Киева в период пыльной бури. Максимум радиоактивного загрязнения в Киеве приходился на 8-11 апреля, а в период пыльной бури (16-18 апреля) уровни радиоактивного загрязнения в Киеве были намного меньше максимальных значений за период пожара. Одновременно концентрации мелкодисперсных частиц во время пыльной бури возросли многократно. В действительности на загрязнение городов Украины (в том числе и Киева) во время пыльной бури влияли все пожары, происходившие на большой территории Полесья и Киевской области. Зола от этих пожаров в течение двух недель разносилась по большой территории страны и была поднята пыльной бурей.

Возгорания и связанное с ними плохое качество воздуха, которое в первую очередь проявляется в повышенном количестве мелкодисперсных частиц и угарного газа, – не исключение, а скорее закономерность для Украины. В прошлом такие ситуации

регулярно наблюдались в конце лета – начале осени. На общедоступных сайтах прогноза погоды и качества воздуха в это время года регулярно можно было наблюдать повышенные концентрации угарного газа, связанные с большим количеством возгораний. В ряде случаев это были возгорания на несанкционированных мусорных свалках вблизи городов, которые по экологическим последствиям могут быть хуже лесных и травяных пожаров.

В городах загрязнение воздуха создается не только пожарами, но также автотранспортом и промышленными источниками. Если проанализировать данные киевских станций сети общественного мониторинга SaveEcoBot с начала 2020 года, то окажется, что всего примерно в половине случаев уровни загрязнения мелкодисперсных частиц РМ 2,5 находятся в пределах допустимых концентраций. Обычное явление – это превышение мгновенных концентраций в два-четыре раза по сравнению с ПДК, а в редких случаях, как во время пыльной бури, фиксируются превышения и в 20 раз.

Официальная статистика выбросов не соответствует даже приблизительно наблюдаемым уровням загрязнения воздуха. Украине следует инициировать работу по инвентаризации источников выбросов.

Системно источники выбросов в Украине не изучаются. Как показывают проведенные исследовательские работы по моделированию распространения загрязнений от всех известных источников в Киеве, официальная статистика выбросов, собранная в отчетах госстатистики «2-ТП Воздух», не соответствует даже приблизительно наблюдаемым уровням загрязнения воздуха. Исследования показали, что официальные объемы выбросов от промышленных источников в этих отчетах по диоксидам серы и азота занижены минимум в два раза, а по некоторым веществам, таким, как аммиак, – в десятки раз.

Украине следует инициировать работу по инвентаризации источников выбросов: промышленных предприятий, автотранспорта, пожаров, хранилищ отходов и других. Такую инвентаризацию следует проводить не только в целом по стране, но также отдельно в каждой области и для каждого крупного города. На первоначальном этапе инвентаризация основывается на статистических данных об источниках (например, характере и объеме производства для промышленных источников) и известных эмиссионных коэффициентах, связывающих объемы выбросов с этими данными. На следующем этапе работа по инвентаризации источников должна проводиться в тесной связи с программами мониторинга атмосферных загрязнений. Нужно моделировать распространение выбросов от инвентаризированных источников и сопоставлять полученные результаты расчетов с данными мониторинга. В соответствии с полученными результатами сравнения результаты инвентаризации должны корректироваться. Затем процесс повторяется сначала и до тех пор, пока согласование результатов расчетов с измерениями не станет удовлетворительным. Результаты моделирования также могут быть полезными и при составлении программ мониторинга.

Эта деятельность соответствует международным обязательствам Украины в рамках Международной совместной программы мониторинга и оценки дальнего переноса атмосферных загрязняющих веществ в Европе (ЕМЕП). Но инвентаризация источников и объемов выбросов в первую очередь отвечает интересам самой Украины, поскольку только этим путем может быть достигнуто понимание причин наблюдаемых уровней загрязнения – как среднегодовых, так и в конкретных эпизодах. В результате такой деятельности могут быть предложены эффективные управленческие решения по улучшению состояния воздуха.

Ⓢ **Д.т.н. Иван Ковалец** (Ivan Kovalets) – заведующий отделом Информатики окружающей среды Института проблем математических машин и систем НАН Украины. Участник разработки системы ядерного аварийного реагирования Евросоюза РОДОС в части модуля атмосферного переноса и подсистемы метеорологического прогнозирования; ключевой эксперт по внедрению и поддержке системы РОДОС в Украине. Эксперт от Украины в программном комитете «Климат, окружающая среда, эффективность использования ресурсов и сырья» Европейской исследовательской программы Горизонт-2020.

Спасительная нить во время кризиса

Опыт компенсации убытков во время пандемии сделает безусловный базовый доход неотъемлемой частью социальной политики развитых стран

Евгений Гонтмахер

Когда в марте 2019 года я опубликовал статью о безусловном базовом доходе (ББД) для Фонда им. Фридриха Эберта, мне казалось, что это не более чем вклад в сугубо теоретическую дискуссию на футурологическую тему. К тому моменту в мире не было ни одной страны, которая бы всерьез рассматривала внедрение этого института на общенациональном уровне. Практика ограничивалась отдельными локальными экспериментами, итоги которых можно трактовать как «за», так и «против».

Но коронавирусная пандемия, похоже, резко ускорила перевод института (ББД) из стадии вялых и ограниченных экспериментов в плоскость масштабных практических решений.

Конечно, свою роль сыграла паника, охватившая правительства большинства развитых стран, которые не ожидали такого драматизма ситуации как с медицинской, так и экономической точек зрения. Длинные сроки карантинов (не недели, а месяцы), во-первых, оказались неприятным сюрпризом для всех без исключения национальных систем здравоохранения и, во-вторых, привели к беспрецедентному спаду экономической активности. Уже в апреле это привело к резкому увеличению числа безработных, падению доходов большинства населения. И это, видимо, только начало глобального экономического кризиса.

Правительства наиболее развитых стран после первого шока стали предпринимать еще недавно трудновообразимые меры по поддержке бизнеса и населения. Многие из них очень легко вписываются в логику ББД.

Штрихи социальной политики во время нынешней пандемии уже не просто в чем-то совпадают с элементами ББД, но, что самое главное, их реализация создает очень хорошую основу для посткоронавирусной дискуссии о назревших изменениях

Например, в Германии на это уйдет треть годового ВВП. Важно то, что при этом значительная часть выделенных денег распределяется и будет распределяться по льготной, с точки зрения ограничений и требований, схеме. И эти деньги выделяются не только в форме кредита, но и в виде субсидии, то есть безвозмездной помощи и бизнесу, и конкретным гражданам.

В США, где на демпфирование экономических проблем выделяется \$2,6 трлн (12% ВВП), предусмотрены выплаты по \$1,2 тыс. тем, кто зарабатывает до \$75 тыс. в год (и

меньших сумм тем, кто зарабатывает больше), плюс по \$500 за каждого ребенка. В Японии каждый житель получит по 100 тыс. иен (около \$930).

В России таких приближенных к философии ББД выплат почти нет. Разве что в Москве всем лицам старше 65 лет выдали 4 тыс. рублей (примерно пятая часть установленного в городе минимального уровня доходов для неработающих пенсионеров). Также правительство повысило максимальный размер пособия по безработице до минимального размера оплаты труда, который в свою очередь совпадает с чертой бедности (прожиточным минимумом). При этом группа известных российских экономистов считает, что пора перейти к сплошным безусловным денежным выплатам всем гражданам страны.

Все эти штрихи социальной политики во время нынешней пандемии уже не просто в чем-то совпадают с элементами ББД, но, что самое главное, их реализация создает очень хорошую основу для посткоронавирусной дискуссии о назревших изменениях.

Если опыт компенсации потерянных доходов во время пандемии будет признан успешным, то такая практика может стать неотъемлемой частью политики на рынке труда

В моей прошлогодней статье я обратил внимание на начавшиеся перемены на рынке труда, когда очередная технологическая революция стала закрывать рабочие места, предполагавшие монотонный, неквалифицированный труд. Возникает вопрос: куда и как переместить большие массы людей, особенно в наиболее развитых странах, чтобы они не лишились заработка? ББД, как многие отмечают, вполне может стать демпфером на время перемещения этих людей на новые рабочие места, заменив собой пособие по безработице. Если опыт компенсации потерянных доходов во время пандемии будет признан успешным (а это, скорее всего, так и будет), то такая практика может стать неотъемлемой частью политики на рынке труда.

Еще один важный момент нынешней кризисной практики – выплаты таким группам населения, как дети и пожилые люди, причем без установления жестких отсекающих фильтров. Мировая практика показывает, что именно семьи с детьми, а также пенсионеры являются наиболее распространенными группами с рисками попадания в зону бедности. Данный факт никуда не исчезнет после выхода из пандемии. Это останется одной из самых болезненных точек политики практически всех высоко- и среднеразвитых стран и усугубит проблему неравенства. ББД, как показывают исследования Всемирного банка, при определенных условиях может серьезно его смягчить, снизив градус общественного недовольства. Коронавирусная эпидемия этот вывод вполне доказывает.

Мне представляется, что не надо сводить цель введения ББД к чисто трудовым вопросам. На самом деле это глубоко гуманитарный институт, который призван улучшить не только уровень жизни, но и качество жизни людей. И здесь немаловажную роль играет то, как человек при помощи ББД может лучше заняться самореализацией своей личности, добиться успехов не только на рынке труда, но и в общественной и личной жизни. Например, если исчезает так называемая стигматизация (метка, которую общество из благих побуждений присваивает тому или иному индивидууму и его семье) бедности, то уровень

самоуважения человека существенно возрастает, у него появляются дополнительные мотивации для активности. И это, скорее всего, один из наиболее значимых плюсов введения ББД.

Но в чистом виде – как постоянная безусловная денежная выплата всему населению – идея ББД, видимо, пока нереализуема. Надо идти по этому пути шаг за шагом, выбирая на основании тщательного анализа наиболее подготовленные для этого общественные институты. Коронавирусная пандемия четко подсказывает, что пришло время реализовать ББД через всеобщий бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и социальной помощи.

В чистом виде – как постоянная безусловная денежная выплата всему населению – идея ББД, видимо, пока нереализуема. Надо идти по этому пути шаг за шагом.

Уже сейчас очевидно, что нынешние системы здравоохранения в большинстве стран нуждаются в массированном вливании денежных средств. Сделать это за счет населения практически невозможно из-за ожидаемых длинных последствий неизбежного экономического спада 2020 и, скорее всего, 2021 годов. Также и надеяться на получение дополнительных средств через обязательные страховые системы, судя по всему, невозможно. Это было понятно и до коронавирусной пандемии хотя бы из-за фундаментальных демографических сдвигов в развитых странах, и в первую очередь в связи со старением населения. Постепенно снижается численность работающих, которые и являются основными плательщиками страховых взносов, и, наоборот, растут ряды пожилых неработающих людей – основных потребителей услуг здравоохранения.

Поэтому будущее систем здравоохранения, по крайней мере в развитых странах, включая и Россию, – в переходе к преимущественно бюджетным моделям, которые финансируются за счет общих налогов и обеспечивают равный доступ к медицинскому обслуживанию всех групп населения, независимо от их материального и социального положения. Такой сдвиг, безусловно, будет шагом в сторону реализации философии ББД.

В рамках философии ББД необходимо обсудить вопрос о целевом бесплатном обеспечении семей стандартным набором оборудования для дистанционного обучения

Нынешние испытания, выпавшие на долю школьного образования, также указывают на необходимость сдвигов в его организации. Несмотря на то что в развитых странах практически все дети ходят в школу и родители имеют возможность за это не платить, вынужденный переход к дистанционному обучению выявил очень значимую проблему доступа к современным средствам обучения. В малообеспеченных семьях, как оказалось, для детей зачастую нет необходимых для обучения компьютеров и других подобных гад-

жетов, нестабилен Интернет. В рамках философии ББД, видимо, необходимо обсудить вопрос о целевом бесплатном обеспечении таких семей стандартным набором оборудования для дистанционного обучения, которое и до коронавирусной пандемии постепенно вытеснялось офлайн-обучением. Такой шаг тем более назрел в связи с упомянутыми сдвигами на рынке труда, которые требуют функционирования доступной системы непрерывного образования (adult education).

И, наконец, нельзя не сказать о социальной помощи. Сейчас она обеспечивается за счет многих источников: государственного бюджета, волонтерства, средств НКО, бизнеса и, конечно, денег самих нуждающихся в этой помощи и их родственников. Демографическая ситуация уже давно такова, что нагрузка на эту отрасль увеличивается, а коронавирусная пандемия показала, что потенциальных получателей социальной помощи куда больше, чем казалось еще недавно. И если государство считает себя «социальным», как это закреплено в конституциях Германии, России и целого ряда других стран, то очевиден еще один шаг по реализации философии ББД: предоставление всем нуждающимся патронатных услуг с преобладающим вкладом бюджетных источников. Этот сдвиг, кстати, диктуется и давним кризисом пенсионных систем, которые за счет чисто страхового подхода все тяжелее сводят концы с концами.

Взятие государством на себя расходов на предоставление пожилым людям медицинских и патронатных услуг позволило бы, по крайней мере, сохранить покупательную способность нынешних пенсионных выплат.

Таким образом, как мне представляется, социальная политика развитых стран после коронавирусной пандемии начнет включать в себя все больше элементов философии ББД.

«Масочная» дипломатия

Китай использует коронакризис для укрепления лидерских позиций в Африке. Этому способствуют безграмотные действия Запада.

Мишель Д. Гейвен

Срединная империя давно пытается преподнести себя на Африканском континенте в качестве друга и бескорыстного альтернативного партнера, как будто бы не связанного бременем колониализма и интриг времен холодной войны по сравнению с Европой или Соединенными Штатами. Благодаря «китайской

модели развития», осуществляемой посредством государственного капитализма и авторитарного правления, Китай добился больших успехов. Эта страна превратилась в незаменимого партнера по развитию инфраструктуры в Африке, глубоко проникла на рынки Африканского континента и благодаря щедрым программам финансирования добилась ощутимого влияния на правительства африканских стран.

Вызов, брошенный Западу в разгар пандемии, очевиден как никогда. Китайские дипломаты используют социальные сети не только для восхваления китайского сотрудничества и щедрости. Они еще и намекают на то, что другие сверхдержавы преувеличивают свою помощь и отказывают в поддержке важных инициатив. А иногда даже возлагают на них вину за появление вируса. Благодаря наращиванию своей «масочной» дипломатии, расхваливанию деятельности Джека Ма и его фонда, а также использованию посольств и консульств с целью координации помощи, оказываемой китайскими компаниями, эта страна получила возможность беспрепятственно пропагандировать свой альтруизм. При такой тактике даже небольшие «вбросы» могут оказать существенное влияние на общественное сознание.

Поднебесная давно пытается преподнести себя на Африканском континенте в качестве друга и бескорыстного альтернативного партнера по сравнению с Европой или Соединенными Штатами

Между тем, похоже, что такие традиционные партнеры, как Европа или Соединенные Штаты, которые в течение многих лет инвестировали миллиарды в укрепление систем здравоохранения и борьбу с инфекционными заболеваниями в Африке, не имеют сопоставимой по эффективности информационной стратегии. Такой провал Европы и Америки предоставляет Китаю полную свободу действий. И хотя ЕС и США тратят на новые меры по борьбе с COVID-19 на Африканском континенте сотни миллионов долларов, их усилия раздроблены и не соответствуют масштабу проблемы. Слишком часто они производят впечатление действий по накатанной схеме «business as usual».

В то время как Пекин расхваливает свои успехи, уверяя африканцев в том, что Китаю удалось успешно справиться со вспышкой эпидемии у себя в стране, на телеэкране мы

видим картины переполненных клиник в западных странах и пустых городов-призраков. Таким образом, наносится удар по имиджу Запада и в то же время наглядно преподносятся убедительные аргументы в пользу «китайской модели». Правительства, борющиеся с огромным числом заболевших и пытающиеся переломить ситуацию, заняты прежде всего сами собой. Раздоры, жертвой которых пал консенсус между трансатлантическими государствами, достигнутый в течение последних лет, привели к упущенным возможностям, в частности, к провалу попытки принятия совместного заявления стран «Большой семерки» в конце марта из-за неуступчивости США.

Наиболее ярким примером самоубийственных посланий стали недавние заявления Дональда Трампа и республиканцев на заседании Конгресса США в адрес Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) с целью взвалить на других всю ответственность за хаотическую борьбу Соединенных Штатов против COVID-19. Африканские политики решительно выступили против такой позиции и встали на защиту генерального директора ВОЗ Тедроса Аданом Гебреисуса, врача из Эфиопии, результаты деятельности которого в должности главы этой организации получили широкое признание и являются предметом гордости многих африканцев. Столь сомнительная внутриполитическая стратегия будет иметь негативные последствия для положения США в Африке, ибо каверзы и угрозы наверняка не лучший способ для завоевания симпатий африканцев.

Несмотря на все сказанное, существуют все же и неблагоприятные для Китая факторы. К ним относятся проблемы, связанные с доверием в целом, в особенности вопросом сокращения задолженностей и высокой вероятностью излишних ошибок. Население некоторых африканских государств ввиду опыта прошлых лет начинает сомневаться в качестве китайских продуктов. Если бракованное китайское защитное снаряжение начнет поступать не только в Европу, но и Африку, сомнения такого рода могут только усиливаться. К тому же в случае быстрой второй вспышки эпидемии в Китае убежденность в преимуществах китайского подхода к борьбе с вирусом COVID-19 по сравнению с другими странами может быстро улетучиться. И, наконец, африканцы, как и остальной мир, заинтересованы в прозрачности и продолжают задавать вполне обоснованные вопросы относительно прозрачности и точности данных, предоставленных Китаем, о вспышке эпидемии в Ухане.

Настоящей проблемой может стать задолженность Африки перед Китаем в размере \$145 млрд

Путь, которым пошел Китай, кажется еще более опасным, если принять во внимание экономические последствия коронавируса в Африке, где у политиков есть лишь узкий бюджетный коридор. По всей видимости, из-за COVID-19 произойдет падение национальных экономик в размере от трех до восьми процентов. Уже сегодня африканцы страдают от резкого снижения числа рабочих мест и объема денежных переводов из-за рубежа. Положительным фактором для Китая стало обращение Южной Африки к Новому банку развития в Шанхае об оказании финансовой помощи, чтобы уйти от требований, выдвигаемых традиционными международными финансовыми институтами.

Но настоящей проблемой может стать задолженность Африки перед Китаем в размере \$145 млрд. Министр финансов Ганы уже обратился к Поднебесной с предложением простить Африке долги, и другие призывы такого рода не заставят себя долго ждать. И даже если китайцы, может, уже и не рассчитывают на возвращение своих кредитных средств, они не будут спешить отказываться от влияния на африканские правительства, обретенного благодаря их задолженности. Однако одной выжидательной тактики может оказаться недостаточно для ответа на неотложные требования насущного момента.

И, наконец, строго контролируемая Китаем информационная стратегия может потерпеть неудачу в том случае, если ее авторы будут игнорировать или неправильно истолковывать чувствительность местного населения к отдельным вопросам. Многие жители Нигерии восприняли недавнее предложение Китая о направлении бригады врачей в эту крупную африканскую страну как оскорбление, ибо гордятся потенциалом своей собственной медицинской инфраструктуры. Ни Дональд Трамп, ни французские врачи, высказавшие предположение о том, что Африка могла бы стать отличным испытательным полигоном для вакцины, не обладают монополией на расистские или бестактные высказывания. От неуклюжих, надменных или расистских высказываний может пострадать и имидж Китая, что не раз случалось в прошлом.

Несмотря на такие риски, Китай будет действовать в том же духе. Он видит в настоящем моменте возможность для укрепления своего влияния. И не только с целью обретения доступа к ресурсам, как предполагают многие, но и для того, чтобы заручиться поддержкой на международных форумах и оказывать влияние на формирование мнения во всем мире – от технологических стандартов до политических нарративов. План Китая ясен: на фоне ослабления других стран и концентрации их внимания на внутривнутриполитических проблемах получить возможность без особых затрат заполнить возникший вакуум мирового лидерства. И, похоже, единственной силой, которая может испортить эти планы, является сам Китай.

Ⓢ **Мишель Д. Гейвен** (Michelle D. Gavin) – старшая научная сотрудница по исследованиям Африки при Совете по международным отношениям частного американского аналитического центра.

«Неужели все, что происходит, – это не сон?»

Рутгер Брегман о панических закупках, норвежских тюрьмах, незаменимых профессиях и о том, что действительно важно в наше время

Рутгер Брегман

Рутгер Брегман, вооружившись новейшими научными знаниями по антропологии, археологии, экономике и социологии, приводит в своей новой книге «По сути своей – натура добрая. Новая история человечества» доказательства того, что человек по своей природе – существо доброе, а также дает советы относительно

выводов, которые нам следует извлечь из этого утверждения.

В своей книге вы утверждаете, что во время катастрофы люди не впадают в панику, а оказывают друг другу поддержку. А не пытались ли вы на днях купить туалетную бумагу?

Конечно же, сегодня есть немало примеров эгоистичного поведения. Но в то же время мы видим, что подавляющее большинство демонстрирует дружелюбие и готовность помочь другому. Повсюду мы становимся свидетелями различных акций и добрососедской помощи, направленной на оказание взаимной поддержки.

Панические закупки являются попросту зеркальным отражением капиталистической и коммерческой концепции, которой придерживаются супермаркеты. При поставках по принципу «точно в срок» и повышении спроса на 20, 30, а то и 40 процентов все полки магазинов пустеют. Считаю, что нам не следует придавать этому слишком большого значения. В новостях много сообщений о подобных вещах, но в действительности происходит то же, что можно наблюдать и при любом другом кризисе, например, стихийном бедствии. Поведение большинства людей носит ярко выраженный социальный характер.

В одном из разделов вашей книги вы касаетесь темы холокоста. Почему же добрые по своей природе люди могут совершать столь страшные поступки?

Это большой вопрос человеческой истории. Один из центральных тезисов моей книги такой: в процессе эволюции человек превратился в дружелюбное существо. Биологи при изучении истории человеческой эволюции выяснили, что наиболее дружелюбно настроенные представители нашего вида имели наибольшее количество детей, а тем самым и обладали наилучшими шансами на передачу своих генов последующим поколениям. Ученые называли этот феномен «эффектом выживания самых дружелюбных». Но если оставить старое представление о том, что человек в принципе существо эгоистичное или агрессивное, то как в таком случае можно объяснить мрачные страницы нашей истории – войны, геноцид и этнические чистки?

Я не буду пытаться ответить на этот вопрос в нескольких словах. В моей книге этой теме посвящены сотни страниц. У дружелюбия есть и теневая сторона. Ее можно назвать групповым или родовым мышлением. Мы хотим быть членами какой-то группы, и нам тяжело противопоставить себя этой группе. Иногда такая групповая динамика приводит к тому, что во имя лояльности и дружбы совершаются ужасные вещи.

А как можно преодолеть эту динамику групповой идентичности?

Исходить из лучших намерений нашего самого близкого окружения, то есть наших друзей, коллег и членов семьи, относительно просто. Более сложно обстоит дело с чужими нам людьми, например, преступниками или террористами, мигрантами или беженцами. Мы не имеем конкретного представления об этих людях. В своей книге я тщательно рассмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что в таких случаях нужно пользоваться рациональными аргументами. Вопреки нашей интуиции, мы должны предполагать наличие самых лучших намерений и у людей, весьма далеких от нас.

В Норвегии, например, тюрьмы устроены совсем не так, как того интуитивно можно было бы ожидать. Заключенным, совершившим даже страшные преступления, например, убийства или изнасилования, разрешено смотреть кино, у них есть своя тюремная библиотека и они могут сочинять музыку. Многим трудно себе это даже представить, но научные данные свидетельствуют, что норвежские тюрьмы принадлежат к числу самых лучших мест лишения свободы, так как уровень рецидивов в них самый низкий в мире. При этом не играет роли ни принадлежность к правым или левым, ни исповедуемое заключенными мировоззрение. Статистика говорит о том, что это наиболее эффективные тюрьмы. Предполагать наличие наилучших намерений у людей, весьма далеких от нас, тяжело, но в высшей степени важно именно в отношении этих людей.

Мне особенно запомнилась одна фраза из вашей книги: «Эмпатия и ксенофобия – две стороны одной медали». Вы серьезно?

Согласно новым психологическим исследованиям, эмпатия работает по принципу проектора. Она приводит к концентрации нашего внимания на определенной личности, жертве или группе, которые особенно близки нашему сердцу. В то же время все остальное как бы отодвигается на задний план.

Если посмотреть на то, как разворачивалась история Ближнего Востока в течение последних десятилетий, то приходишь к выводу, что в ней было слишком много эмпатии, выплеснувшейся в ненависть и насилие.

Как на практике действует эмпатия? Хорошим примером здесь может послужить конфликт между израильтянами и палестинцами. Допустим, палестинцы совершают террористический акт. Израильтяне преисполнены сострадания к своим жертвам. Поэтому они приходят в ярость, жаждут мести и также совершают террористический акт. Это в свою очередь вызывает чувство эмпатии к своей этнической группе у палестинцев и так может продолжаться все дальше и дальше.

Если посмотреть на то, как разворачивалась история Ближнего Востока в течение последних десятилетий, то приходишь к выводу, что в ней было слишком много эмпатии, выплеснувшейся в ненависть и насилие. Необходимо включить разум и осознать, что все мы в конечном счете люди со своими правами и устремлениями. Иногда этот процесс вступает в противоречие с нашей интуицией, но в долгосрочной перспективе он дает нам возможность найти дорогу друг к другу.

Вы говорите, что большинство людей имеют негативное представление о человеке. Это представление, по вашим словам, не соответствует реальности, а является пророчеством, которое автоматически сбывается. Как это понимать?

Я имею в виду следующее: то, что вы приписываете другим людям, влияет на их поведение. Если вы исходите из того, что большинство людей эгоистичны и даже злы, то выстраиваете собственные институты, например, школы таким образом, чтобы они со-

гласовались с этим образом мышления. Тогда демократия, сфера труда и тюрьмы обустроиваются так, чтобы соответствовать подобному мышлению, основанному на конкуренции.

Таким образом, порождается тип человека, запрограммированного собственной теорией. Если повернуть все наоборот и предположить, что большинство людей вполне приличны по своей сути, можно использовать совершенно иную форму организации. Можно предоставить детям свободу выбора своего собственного способа учебы. Использовать намного менее иерархический механизм организации трудовой деятельности. И сэкономить немало денег на менеджерах.

Демократию можно также обустроить совсем по-другому. Столь ярко выраженная иерархия, при которой власть имущие контролируют остальное население, становится не нужной. Вместо этого можно больше доверять обычным гражданам, которые часто могут сказать намного больше по существу. Такие институты порождают тип человека, в котором они нуждаются, ведь – как уже было сказано – то, что вы приписываете другим людям, вернется к вам самим.

Наверное, консервативно настроенные люди считают это довольно наивным и нереальным. В своей книге вы требуете нового реализма. Каким он должен быть, по вашему мнению?

Если у консервативно мыслящих людей и есть главная догма, то она звучит так: человек по своей сути существо злобное и корыстное. Трудность в том, что эта теория просто-напросто неверна. Долгое время мы думали: если кто-то тонет или становится жертвой уличного нападения, то большинство людей лишь безучастно наблюдают за происходящим. Это так называемый эффект стороннего наблюдателя. Но теперь мы знаем, что в действительности 90 процентов людей спешат в таких ситуациях на помощь.

Последние научные данные подтверждают наличие в нашем характере глубоко укорененной склонности к дружелюбию и бескорыстию. Мы испытываем желание помочь, мы хотим ощущать дружбу, лояльность и товарищество. Эта интуитивная склонность глубоко внутри нас довольно сильна, и я считаю, что следует осознать ее и обустроить наши институты, руководствуясь этим осознанием.

Циничная картина мира, которая провозгласила сама себя «реалистичной», наносит чрезвычайный вред обществам в наших странах

Я не считаю людей ангелами. Мы определенно не такие. Мы можем совершать ужасные вещи любого рода. Мы не только самые дружелюбные, но в определенных рамочных условиях и самые жестокие представители животного мира. Мы способны на страшные вещи, которые, например, никогда бы не совершил пингвин. По крайней мере, я никогда не слышал, чтобы пингвин лишил свободы или уничтожал иные группы пингвинов. Такие преступления совершаются исключительно человеком. Но повторю еще раз: то, что вы приписываете другим людям, вернется к вам самим. Циничная картина мира, которая провозгласила себя «реалистичной», наносит чрезвычайный вред обществам в наших странах.

Вы говорите, что мы живем в самую богатую, безопасную и здоровую эпоху. Но в восприятии многих людей мир становится все хуже, хотя в нем меньше голода

и нищеты, меньше людей становятся жертвами войн. Отчасти вы возлагаете вину за это на средства массовой информации. Неужели нам следует прекратить смотреть новости?

Я определенно считаю неплохой идеей отказ в большей или меньшей степени от потребления новостей. Но при этом считаю важным проводить различие между новостями и журналистикой. Хорошая журналистика помогает нам понять общие взаимосвязи и структурные факторы, определяющие жизнь общества и нашу жизнь. Психология пришла к важному выводу: власть делает человека коррумпированным. Журналистика чрезвычайно важна в плане контроля за властью, сдерживающими и обуздывая их аппетиты.

Новости, в которых сообщается главным образом о второстепенном, сенсационном и негативном, редко способствуют лучшему осознанию мира. Существует немало доказательств того, что чрезмерное потребление новостей может быть вредным в физическом и умственном плане. Психологи говорят о «синдроме подлости мира». Люди, которые смотрят слишком много новостей, часто считают большинство окружающих, с которыми они лично незнакомы, эгоистичными и подлыми, хотя это вовсе не соответствует действительности.

Вы остро критикуете неравенство. Ваше заявление: «Налоги, налоги, налоги», озвученное в Давосе, обошло весь мир. Как можно сделать наши общества более справедливыми? Не слишком ли мощны силы, протестующие против более высоких налогов?

Конечно, эти силы довольно мощные, но сегодня мы становимся свидетелями того, как меняется дух времени. Я вырос в 1970-1980-е годы, когда начиналась эра неоллиберализма. Тогда главной догмой было предположение, что все люди эгоисты, и мы начали обустривать наши институты таким образом, чтобы подогнать их под эту догму. И пришли к неравенству, страху и одиночеству. Полагаю, вполне можно сказать, что результатом такого подхода стал финансовый крах 2008 года, а возможно, даже Брексит и избрание Дональда Трампа.

Возможно, мы вступаем в новую эпоху и снова начинаем осознавать, что зависим друг от друга

В последние годы кое-что в корне изменилось. То, о чем трудно было подумать пять или десять лет назад, стало теперь предметом широкой дискуссии. В своей предыдущей книге я предложил для обсуждения идею гарантированного базового дохода, призванного раз и навсегда положить конец бедности, и вот теперь в условиях коронавирусного кризиса именно правительство Трампа распределяет гарантированные единовременные выплаты всем своим гражданам. Иногда мне хочется ущипнуть самого себя при мысли: неужели все, что здесь происходит, – это не сон?

То же можно сказать и об изменении климата. Пять или десять лет назад эта тема намного меньше волновала людей. Теперь же Европейская комиссия разработала свой «Европейский зеленый курс». Этого, наверное, недостаточно, и все же это своеобразный прорыв по сравнению с ситуацией пятилетней давности.

Возможно, мы вступаем в новую эпоху и снова начинаем осознавать, что зависим друг от друга. На смену эпохе неоллиберализма, вероятно, приходит эра неореализма, когда мы, руководствуясь новейшими научными познаниями, формируем у себя более обнадеживающий и более реалистичный взгляд на сущность человека.

В прошлом году вы написали в «Твиттере»: «Все эти дебаты по вопросу «капитализм vs социализм, мышление на основе конкуренции vs равенство» и т. д. – совершенно пусты. Можно попытаться добиться всего вместе. И это называется социал-демократией». В качестве примеров успешной социал-демократической политики вы называете общественную систему здравоохранения и систему высококачественного государственного образования. Почему же дела у социал-демократии столь плохи?

Это можно объяснить тем, что в течение определенного времени социал-демократы сами перестали верить в социал-демократию. Между тем все же пришло осознание, что это довольно мощная идея. Свой твит я разместил в связи с выборами в США, когда весь мир говорил об антагонизме между коммунизмом и капитализмом.

Скорее всего, Берни Сандерс проиграет гонку за выдвижение кандидатом в президенты от демократов, но в борьбе идей он одержал победу. Между тем план Джо Байдена по борьбе с изменением климата стал еще более радикальным по сравнению с аналогичным планом Берни Сандерса 2016 года. Концепции налогообложения Пита Буттиджича или Джо Байдена довольно близки к тому, что было предложено Берни Сандерсом в 2016 году.

Еще десять лет назад надо мной посмеялись бы, если бы я предсказал, что Берни Сандерс, этот свихнувшийся коммунист, обретет статус кандидата, с которым придется считаться. Однако ему удалось раздвинуть границы, чтобы сделать немыслимое возможным и политически реализуемым.

А какова ситуация у нас в Европе?

После падения Берлинской стены можно было подумать, что наступил конец истории. Осталась лишь неолиберальная капиталистическая модель и ничего больше. По сути, социал-демократы во многих странах сами упразднили себя. Это случилось в Нидерландах, Германии и многих других странах.

Затем случился сильный шок в связи с финансовым крахом 2008 года. И лишь после этого мы начали создавать новые идеи. Я принадлежу к поколению, внутри которого заложен совсем другой механизм. Для меня стандартное неолиберальное мышление не является определяющим критерием. В 1980-1990-е годы я изучал экономические науки. И я не верю в эту чепуху.

Нам нужна социал-демократия. Самый большой вызов заключается в том, что нам нужно снова начать верить в наши собственные идеи. С европейской точки зрения медицинское обеспечение, доступное для всех, очень популярно и работает наилучшим образом. Именно сегодня в условиях коронавирусного кризиса все мы убедились в том, какие профессии являются действительно незаменимыми. Все банкиры и менеджеры могут бастовать себе на здоровье, но только не медики. Многие родители на собственном опыте видят, как тяжело учить детей. Я с большим интересом ожидаю долгосрочных последствий, так как многие люди именно сейчас начинают осознавать реальное значение профессий. Возможно, на них следует обратить больше внимания, а также и платить за них чуть больше.

Интервью провел Николаос Галавакис

На разломе эпох

Коронакризис нанес удар по всем системам. Но он дает и новые шансы.

Марк Заксер

Никто не знает, как долго продлится пандемия, сколько людей заболит и сколько жизней унесет еще коронавирус. Но уже сегодня проявляются экономические и политические последствия кризиса, вызванного этой инфекцией. Меры по борьбе с пандемией прервали обычное течение общественной жизни на всей планете. После Китая растет число стран, в которых замерла промышленность. Прерваны цепочки поставок. Не нужно обладать большим воображением, чтобы предвидеть волну банкротств, надвигающуюся на многие точно подогнанные друг под друга виды производства.

В последние дни средства массовой информации были переполнены сообщениями об ажиотажных покупках. Однако крупные приобретения товаров сбитыми с толку потребителями не спасают положения. За дефицитом предложения последует обвал в потреблении. Такие перекосы могут привести к ползучему экономическому спаду и без того ослабленных национальных экономик европейских стран.

Резкое падение спроса в Китае потрясло сырьевые рынки. Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) не смогла договориться с Россией о сокращении производства с целью стабилизации цен, после чего Саудовская Аравия изменила свою стратегию и наполнила рынки дешевой нефтью. Вследствие этого цена на нефть достигла критически низких отметок. Возможно, на короткое время это и облегчило ситуацию для промышленности и потребителей. Но войны из-за цены на нефть, обеспокоенность надвигающимся экономическим спадом и неприятности на финансовых рынках ведут к обвалу на биржах. Лишь благодаря решительному вмешательству всех крупных центральных банков пока что удалось избежать финансового инфаркта.

В отличие от финансового кризиса 2008 года в этот раз не все центральные банки готовы гасить разгоревшееся пламя

Некоторые государства, прежде всего Германия, быстро подготовили масштабные пакеты мер по смягчению последствий нависшего экономического кризиса. Соединенные Штаты, например, также запланировали огромные конъюнктурные вливания. Окажутся ли достаточными эти и другие неотложные меры, чтобы остановить падение экономики, будет зависеть от степени поражения кризисом в целом. Во время предыдущих эпидемий экономика после короткого и резкого обвала быстро возвращалась в нормальное русло. Повторится ли тот же сценарий и в случае с коронавирусом, будет зависеть от длительности пандемии.

Впрочем, еще большую обеспокоенность вызывают удары по неблагоприятным финансовым системам, усилившие тревожные и долгосрочные тенденции в их развитии.

Многие отрасли промышленности и частные домохозяйства в Америке увязли в долгах. В Китае под бременем долговых обязательств стонут теневые банки, государственные предприятия, риэлтерские компании и провинции. Европейские банки еще не оправились от прошлого финансового кризиса. Экономический коллапс в Италии может снова ударить по евро. Насколько силен страх перед крахом таких «карточных домиков», можно видеть по бегству инвесторов, стремящихся спасти свои средства в более надежных государственных займах. Кризис из-за коронавируса может породить цепную реакцию, конечным звеном которой станет глобальный финансовый кризис.

Однако в отличие от финансового кризиса 2008 года в этот раз не все центральные банки готовы гасить разгоревшееся пламя. Пока что банковские проценты во всех крупных национальных экономиках находятся на исторически низких отметках. Поэтому американский центральный банк перешел к предоставлению участникам рынка напрямую ликвидных средств посредством сделок РЕПО. Вначале реакция на кризис в Европе сбила с толку нового председателя Европейского центрального банка Кристин Лагард и тем самым спровоцировала спекуляции на тему устойчивости еврозоны. Но со временем все крупные центральные банки посредством скоординированных интервенций продемонстрировали свою решимость к противодействию паническим настроениям на рынках. И все же жизненно важным вопросом остается принципиальная возможность преодоления коронакризиса финансово-политическими средствами, что в решающей степени зависит от сути этого кризиса.

Коронавирусный кризис может лишить очарования популистские правительства, но для их братьев по духу в оппозиции он станет настоящей находкой

Ведь кризис не ограничивается лишь экономикой. Он станет также испытанием для государств на способность собственными силами или сообща защитить жизнь и здоровье своих граждан, то есть в принципе решить задачу такого же масштаба, как и сокрушение Левиафана.

Для авторитарных режимов Евразии на карту поставлена легитимность правления «сильной руки», претензии на власть, которые всегда обосновывались главным обещанием: «Я смогу защитить вас». Китайский лидер Си Цзиньпин осознал это и принял беспощадные радикальные меры с использованием всех средств против распространения вируса. В отличие от него коллеги по должности в Таиланде и на Филиппинах несерьезно отнеслись к эпидемическому контролю и оказались под огнем критики своих собственных сторонников. Способность Дональда Трампа сдерживать главное обещание перед своими избирателями и защитить Америку от внешних угроз может оказать решающее влияние на исход американских выборов.

Коронавирусный кризис способен лишить очарования популистские правительства, но для их братьев по духу в оппозиции он станет настоящей находкой. В глазах многих граждан демократические государства утратили контроль над ситуацией еще во время кризисов 2008 и 2015 годов. Многие вообще сомневались в способности своих государств, ослабленных десятилетиями политики экономии и с почти истощенными

системами здравоохранения, к преодолению крупных кризисов. Во многих странах общественное мнение склоняется в пользу отмены свободы передвижения денег, товаров и людей.

Многие итальянцы уже давно побаиваются, что стали лузерами глобализации и евро. Теперь такое ощущение укрепилось еще и из-за чрезвычайной ситуации, экономического шока и нового миграционного кризиса. Рецепт приготовления токсического микса из таких специй, как «открытые границы, опасные чужаки, продажные элиты и беспомощное государство», хорошо знает не только правый популист из Ломбардии Маттео Сальвини. Пришло время испытаний для западноевропейских либеральных демократий. В оборонительных боях с правыми им придется доказывать свою способность к защите здоровья и жизни всех своих граждан.

Трансграничная пандемия требует скоординированного и глобального ответа. Но пока что национальные государства пытаются спастись в одиночку.

Но как далеко можно зайти при этом с ограничением индивидуальных свобод? Какой должна быть продолжительность чрезвычайного положения? Будет ли терпеть гражданское общество западных государств столь резкие меры, как в Китае? И не должны ли они по примеру Восточной Азии отдать предпочтение коллективным, а не индивидуальным интересам? Как можно сдержать уровень распространения пандемии, если граждане не придерживаются рекомендаций по соблюдению «социальной дистанции»? И что собственно означает солидарность с согражданами в условиях, когда единственное, что нам остается, – это изолировать самих себя?

Трансграничная пандемия требует скоординированного и глобального ответа. Но пока что национальные государства пытаются спастись в одиночку. Даже в Европе не хватает солидарности. В частности, Италия, как и во времена кризиса евро и миграционного кризиса, ощущает себя брошенной партнерами на произвол судьбы. Китай умело воспользовался дефицитом европейской солидарности, направив в страну, являющуюся партнером по Шелковому пути, самолет, набитый до отказа товарами медицинского назначения. Между тем Берлин осознал геополитическое измерение коронавирусного и миграционного «кризиса в квадрате» и проявляет обеспокоенность попытками внешних сил расколоть Европу. Он смягчил эмбарго на поставки медицинских средств и гарантировал незамедлительную помощь в предоставлении защитных масок.

Кризис стал еще одним стресс-тестом для и без того хромающего трансатлантического партнерства. Решение президента Трампа об изоляции Соединенных Штатов без предварительных консультаций с европейскими союзниками стало четким сигналом в их адрес. Попытка США приобрести биофармацевтическую компанию CureVac с местонахождением в Тюбингене, чтобы обеспечить себе эксклюзивное право на вакцину, вылилось в конкретный правовой спор с Берлином. В таких условиях нечего и помышлять об общей скоординированной реакции на кризис. На Западе пока что действует девиз «Своя рубашка ближе к телу».

На глобальном уровне новые конфликты между крупными державами еще больше раскручивают спираль кризиса. Именно война вокруг цены на нефть подогревается геоэкономическими причинами. Конфликт между Саудовской Аравией и Россией поставил под вопрос выживание ОПЕК. Самые большие потери в связи с беспрецедентным обвалом цен может понести в конечном счете погрязшая в долгах американская промышленность по добыче сланцевой нефти. Стоит ли американцам действительно радоваться более низким ценам на бензоколонках, обещанным им их президентом, зависит от того, кто дольше всех продержится в этой войне на истощение. В любом случае прежде всего именно Саудовская Аравия и Россия заинтересованы в том, чтобы вывести из игры своего американского соперника, опирающегося на кредитное финансирование.

На глобальном уровне новые конфликты между крупными державами еще больше раскручивают спираль кризиса. Именно война вокруг цены на нефть подогревается геоэкономическими причинами.

Как бы ни закончилась ценовая война, на нефтяных рынках возникнет новый расклад сил. Тем самым может произойти интересный поворот в длящейся десятилетиями дискуссии вокруг «пика нефти». В конце концов похоронить нефтяную промышленность могут совсем не иссякающие запасы ископаемых видов топлива. Если низкие цены сохранятся на длительный период, то дальнейшая добыча этих запасов попросту потеряет всякий экономический смысл. Не станет ли геоэкономический конфликт невольным могильщиком эпохи ископаемых энергоносителей?

Коронавирусный кризис может придать ускорение давно набирающей силу тенденции к деглобализации. В результате это может привести к распаду сложившейся глобальной системы разделения труда в конкурирующие между собой экономические блоки.

Кризис подливает масла в огонь и в спор за гегемонию между Америкой и Китаем. С давних пор в Вашингтоне существует консенсус вне партийных границ в вопросе о необходимости рассоединения американской и китайской национальных экономик, чтобы избежать усиления своего конкурента в борьбе за глобальное доминирование за счет американских денег и технологий. Отныне американским компаниям с глобальной ориентацией в одночасье приходится по-новому выстраивать свои цепочки поставок. Вернутся ли все эти концерны снова в Китай после окончания кризиса? Их руководителям придется дважды подумать, стоит ли преднамеренно игнорировать геополитический маршрут, заданный Вашингтоном.

А как снова встанут на ноги предприятия Европы после того, как столь четко дала о себе знать цена их слишком большой зависимости от китайских цепочек поставок?

То, насколько серьезным может оказаться давление американцев, ощутили на себе европейцы спустя несколько месяцев после конфликта по вопросу о целесообразности исключения китайской компании Huawei из европейской инфраструктуры 5G. Таким образом, коронакризис может придать ускорение давно набирающей силу тенденции к деглобализации. В результате это может привести к распаду сложившейся глобальной системы разделения труда на конкурирующие между собой экономические блоки.

Вдруг события начали развиваться стремительно. В течение часов в рынки закидываются суммы, по сравнению с которыми «радикальные» обещания кандидата в президенты от демократов Берни Сандерса кажутся не более чем деньгами на карманные расходы. Немецкие политики, которых еще вчера раздражали «игры разума» младосоциалиста Кюнерта, сегодня всерьез задумываются над возможностью национализации предприятий. То, от чего во время дискуссии по климату отмахивались, как от наивных детских фантазий, стало печальной действительностью: замерли глобальные воздушные перевозки. Границы, считавшиеся не подлежащими закрытию, во времена кризиса, вызванного наплывом беженцев, оказались нынче на замке. А премьер-министр Баварии от ХДС Маркус Зёдер как бы невзначай похоронил принцип сбалансированного бюджета: «Мы будем руководствоваться не вопросами бухгалтерского характера, а тем, что нужно сейчас Германии».

После четырех десятилетий неолиберального скепсиса по отношению к государству дало о себе знать нечто давно забытое: при желании государства могут воспользоваться огромной организационной властью

Эпоха неолиберализма, то есть приоритета рыночных интересов над всеми остальными общественными интересами, близится к концу. Конечно же, все эти меры являются порождением чрезвычайной ситуации. Но они останутся в памяти граждан, если вскоре вдруг снова прозвучат слова: «Иной альтернативы нет». Кризис привел в движение давно застывшую политику. После четырех десятилетий неолиберального скепсиса по отношению к государству дало о себе знать нечто давно забытое: при желании государства могут воспользоваться огромной организационной властью.

Коронакризис, словно яркий свет прожектора, обнажил геополитические, экономические, идеологические и культурные надломы нашего времени. Не станет ли этот феномен своеобразным рубежом перехода от одной эпохи к другой? И не положит ли рассоединение на большие экономические блоки конец эпохе турбоглобализации? Не станут ли войны за цену на нефть предвестником исчезновения промышленных производств, основанных на ископаемых ресурсах? Не входит ли глобальная финансовая система в новый режим своего существования? Перейдет ли эстафетная палочка системного гаранта из рук Соединенных Штатов к Китаю, и не станем ли мы свидетелями пробоины в устройстве многополярного мира?

Коронакризис может, несомненно, способствовать выходу на поверхность ряда давно существующих тенденций. С головокружительной скоростью эти тенденции взаимно влияют друг на друга. Столь комплексный характер является признаком того, что этот

кризис будет иметь более глубокие последствия по сравнению с последним финансовым кризисом. Пандемия может оказаться полыхающим шнуром у бочки с порохом в виде глобального системного кризиса.

Нам необходимо воспользоваться этим моментом разлома, прямого и живого опыта замедления, чтобы сделать из него еще и выводы в плане изменения своего поведения в долгосрочной перспективе для борьбы с изменением климата

Коронакризис – гигантский эксперимент в естественных условиях. Миллионы людей используют новые способы организации своей повседневной жизни. Путешествующие бизнесмены переходят от авиаперелетов к видеоконференциям. Преподаватели университетов читают лекции онлайн. Служащие работают на дому. Некоторые из них после кризиса снова вернутся к своим старым моделям поведения. Но отныне многие на собственном опыте смогут убедиться не только в функциональной способности нового способа организации своей работы, но и в его большей экологической безвредности и ориентированности на семейные ценности. Нам необходимо воспользоваться этим моментом разлома, прямого и живого опыта замедления, чтобы сделать из него еще и выводы в плане изменения своих привычек в долгосрочной перспективе для борьбы с изменением климата.

Неолиберальную точку зрения на кризис точно и цинично выразил британский журналист Джереми Уорнер: «В экономическом отношении кризис в долгосрочной перспективе может оказаться даже выгодным, так как покончит (sic!) с чрезмерно пожилыми членами семейств». Но по соседству – на своем рабочем месте, в кругу друзей – люди ощущают волну солидарности, резко контрастирующую со столь эгоистичным поведением государств. Когда в последний раз останавливалась капиталистическая машина реализации товаров, чтобы защитить пожилых и больных? Мы можем воспользоваться этим реально прожитым опытом солидарности, чтобы снова сделать наше общество более солидарным по сути. Если нам удастся общими усилиями преодолеть кризис, это может ознаменовать прорыв к новому времени: «Консолидированное сообщество в состоянии справиться с любым вызовом».

Но реакция на кризис чревата и опасностями. По всему земному шару закрываются границы, аннулируются визы, вводятся запреты на въезд иностранцев. Рекордные заказы на производство промышленных роботов – свидетельство того, что благодаря решающему шагу в автоматизации производственные цепочки становятся менее уязвимыми из-за остановок и помех. Обе тенденции создают угрозу потери рабочих мест, страха сползания вниз по социальной лестнице, враждебности по отношению к иммигрантам и политических бунтов против либерального истеблишмента.

Либеральный экономист Филипп Легрен небезосновательно предостерегал: «Коронавирус – это политический подарок для исповедующих нативизм националистов и протекционистов. Он способствует восприятию иностранцев как угрозы и ощущению того, что в условиях кризиса не всегда можно положиться на своих соседей и близких союз-

ников». Нам не следует отдавать в руки правых популистов право толкования кризиса. Ответом на глобальные вызовы должны стать не изоляция и национальный эгоизм, а солидарность и международное сотрудничество.

Успешный менеджмент в условиях кризиса мог бы и в нашей стране усилить доверие к демократическому государству. Пробил час компетентного, энергичного и направленного на защиту граждан государственного управления.

Многие, прежде всего молодые люди, впервые столкнулись с ситуацией национального бедствия. В течение нескольких дней их свободы ограничены в невообразимых ранее масштабах. Не только в Китае, но и в центре Европы массово используются технологии наблюдения за гражданами и регулирования их поведения. Как и во время «борьбы с террором» многие из принятых ныне для чрезвычайного положения постановления останутся в силе и после окончания кризиса. В чрезвычайном положении с целью нормализации обстановки не стоит сразу же подозревать намерение подчинить индивидуума капитализму катастроф, как считают Джордж Агамбен или Наоми Кляйн. И все же необходимо предотвратить перманентное выхолащивание наших основных прав и свобод.

Славой Жижек попал в точку, озвучив такое предостережение: «Люди по праву возлагают ответственность на государство: у вас власть, покажите же, на что вы способны! Европе предстоит доказать, что с тем, что сделал Китай, можно справиться более прозрачным и демократичным образом». Как выполнить эту задачу без чрезмерного ограничения свобод граждан, ярко продемонстрировали демократические страны Восточной Азии: Южная Корея, Тайвань и Япония. Успешный менеджмент в условиях кризиса мог бы и в нашей стране усилить доверие к демократическому государству. Пробил час компетентного, энергичного и направленного на защиту граждан государственного управления.

В условиях кризиса мы все снова стали кейнсианцами. Но в отличие от финансового кризиса 2008 года нам нельзя опять вернуться к политике жесткой экономии.

Чтобы добиться успеха, нужно сделать все для того, чтобы разрушаемые десятилетиями жесткой экономии системы здравоохранения снова обрели способность справиться с наплывом заболевших. Закрытие местных клиник, хроническое недофинансирование вспомогательного медицинского персонала, скудное техническое оснащение аукнулись в условиях кризиса. Редко когда идея отмены приватизации системы медицинского обеспечения могла найти столь широкую поддержку. В условиях кризиса Испания не мешкая национализировала все частные клиники и медицинские службы. В Германии также начались дискуссии о том, разумно ли было подчинять нашу общественную жизнь диктату

рынка. В будущем в центре внимания системы обеспечения базовых потребностей должны пребывать не интересы выгоды отдельно взятых лиц, а исключительно общее благо всех граждан.

Возрождение системы жизнеобеспечения на территории всей страны потребует миллиардных инвестиций. Федеральный канцлер Ангела Меркель еще раз подтвердила, что в условиях, подобных нынешней чрезвычайной ситуации, механизм сдерживания долгов не работает: «Перед нами не стоит вопрос, как в конце концов будет выглядеть баланс нашего бюджета». В условиях кризиса германское правительство создало исторически беспрецедентный механизм спасения экономики, начиная с мелких предпринимателей и фрилансеров и заканчивая крупными концернами. «Мы сделаем все возможное», – заверил министр финансов Германии Олаф Шольц. «Общий объем кредитов под государственные гарантии в размере полумиллиарда евро – лишь начало», – заявил федеральный министр экономики Германии Петер Альтмайер.

В условиях кризиса мы снова все стали кейнсианцами. Но в отличие от финансового кризиса 2008 года нам нельзя опять вернуться к политике жесткой экономии. Системы здравоохранения и образования, местного самоуправления, транспортная инфраструктура, бундесвер и полиция истощены длившейся десятилетиями политикой экономии. Чтобы избавить граждан от страха перед потерей контроля, подготовить экономику и общество к цифровой революции и не в последнюю очередь справиться с изменением климата, необходимы инвестиции в невиданных доселе масштабах.

Однако в отличие от финансового кризиса 2008 года в этот раз скоординированного ответа двадцати крупнейших национальных экономик мира нет

Глобальный кризис усилил осознание того, насколько уязвимыми сделала нас гиперглобализация. В мире, замкнутом в единую сеть, пандемии распространяются с огромной скоростью вне национальных границ. Глобальные цепочки поставок легко отсекаются друг от друга. Финансовые рынки подвержены кризисам. Правые популисты хотят закрыть границы и отгородиться от всего мира. Но это ошибочный ответ на такие глобальные вызовы, как эпидемии, войны, иммиграция ради спасения, торговля или изменение климата. Наоборот, нашей целью должна стать борьба с причинами этих кризисов. Для этого нужно поставить мировую экономику на более устойчивую основу.

В ходе коронакризиса цепочки поставок так или иначе формируются по-новому. Более короткие, например, американские производственные мощности в Мексике или европейские в Восточной Европе, способствуют большей стабильности. Европа должна вновь обрести технологический суверенитет. Для этого нам необходимо намного более тесное сотрудничество в сфере научных исследований и инноваций. Глобальная финансовая система, которая сшита тонкими нитками, срочно нуждается в новом порядке. Свыше десяти лет центральным банкам не удалось обуздать дефляционные тенденции за счет сугубо монетарной политики. В условиях кризиса от них отныне отмахиваются и правительства с их экспансионистской фискальной политикой. Из этого следует сделать

такой политический вывод, чтобы придать логику институту парламентаризма: не должно быть никаких налогов без контроля со стороны представительской власти. Финансовые системы снова следует поставить под демократический контроль.

Чрезмерная взаимозависимость порождает конфликты. Остроту этих конфликтов необходимо смягчать международными нормами и многосторонним сотрудничеством. Компонентный кризисный менеджмент Всемирной организации здравоохранения демонстрирует управляемость системы многостороннего сотрудничества в борьбе с пандемией. Однако в отличие от финансового кризиса 2008 года в этот раз скоординированный ответ двадцати крупнейших национальных экономик мира отсутствует. Геополитическое соперничество между крупными державами, с одной стороны, и призывы правых популистов к изоляции – с другой мешают укреплению международного сотрудничества. Существующие элементы многостороннего управления должны быть усилены конкретными финансовыми взносами. В частности, можно начать с улучшения финансового обеспечения Всемирной организации здравоохранения и продолжить на саммите «Большой двадцатки» работу по координации экономического кризисного менеджмента. И здесь альянс сторонников мультилатерализма может доказать свою «добавочную стоимость».

Кризис в обостренной форме продемонстрировал гражданам, что так, как прежде, все продолжаться не может. Никогда еще желание радикальной реорганизации нашей экономической и социальной жизни не было столь большим. В то же время необходимо предотвратить жизненно важные угрозы, не прибегая к несоизмеримым ограничениям демократии и гражданских свобод. Какая политическая сила в состоянии договориться о необходимых для этого социальных компромиссах? Американский политолог Шери Берман озвучила робкую надежду: «Сможет ли социал-демократия еще раз спасти мир?». Давайте возьмемся за это.

🕒 **Марк Заксер** (Marc Saxer) – руководитель отдела Азии в Фонде им. Фридриха Эберта. До этого он возглавлял представительство Фонда в Таиланде и Индии, а также был координатором проекта «Экономика будущего в Азии» (Economy of Tomorrow in Asia). Изучает процессы общественной трансформации и возможности их политического регулирования.

Стресс-тест для Лукашенко

Президентская кампания в Беларуси полна не самых приятных для власти сюрпризов. Есть ли причины прогнозировать коллапс режима?

Артем Шрайбман

На фоне пандемии коронавируса и падения экономики 11 мая в Беларуси началась президентская кампания. С пандемией Минск борется особым образом: в отличие от соседей, в стране введены совсем легкие карантинные меры и продолжают массовые мероприятия вроде субботника, футбольного чемпионата, пасхальных торжеств и парада 9 мая. Недавний опрос компании SATIO показал, что более половины белорусов не одобряют меры властей, а более 70% хотят отмены всех массовых мероприятий.

Несмотря на отсутствие локдауна, экономический рост был с начала года подорван нефтяной войной с Россией, а затем – резким падением спроса на нефтепродукты в Европе и калийные удобрения в Азии. Это два основных товара белорусского экспорта. Теперь к этому добавилось общее замедление экономики как Беларуси, так и ее торговых партнеров. Итог – спад ВВП на 1,3% за первые четыре месяца с прогнозом на минимум 5% рецессии к концу года. Минск уже обратился за внешними займами на \$3 млрд к МВФ, европейским банкам и Китаю.

Из-за общей неопределенности Александр Лукашенко даже не стал обращаться к народу и парламенту с ежегодным апрельским посланием. Но президентские выборы все же решил провести, и даже с опережением – 9 августа вместо 30 августа, как планировалось ранее.

У властей есть причина бояться политизации населения ко дню выборов: первые признаки роста протестной активности видны уже сейчас

Такой выбор даты показывает, что власти больше не ставят явку в приоритет. При необходимости нужные цифры могут обеспечить избиркомы в своей отчетности. Вместо этого сделана ставка на демобилизацию электората. У властей есть причина бояться политизации населения ко дню выборов: первые признаки роста протестной активности видны уже сейчас.

Ключевую роль в этом процессе играет не традиционная оппозиция, а видеоблогеры – новый феномен белорусской политики. Самый заметный из них – Сергей Тихановский. Он создал вокруг себя неформальное рассредоточенное движение сторонников под резким лозунгом «No pasaran – стоп таракан», намекая на бессменного президента Беларуси.

У Тихановского есть популярный YouTube-канал «Страна для жизни». Этой весной блогер со своими соратниками начал ездить по стране и устраивать стримы с центральных

площадей маленьких и больших городов, куда приходили его подписчики и рассказывали о своих чаще экономических проблемах и произволе местных властей.

Когда оппозиционер объявил первую серьезную протестную акцию по модели украинского Автомайдана и предложил сторонникам заблокировать центр Бобруйска в знак протеста против проведения парада в Минске, он и больше сотни его сторонников по всей стране были задержаны.

У Тихановского нет другой повестки, кроме смены президента через массовые протесты. Он работает на электоральном и идеологическом поле самого Лукашенко, на простом языке обращаясь к его же вчерашним сторонникам – небогатым жителям регионов, по которым сегодня ударил затяжной кризис в стране. Все это делает его особо опасным для власти.

По формальным причинам Тихановского не пустили кандидатом на выборы, пока он отбывал свой арест. Но в предвыборную гонку вступила супруга блогера Светлана, а он возглавил ее штаб, чтобы воспользоваться этапом сбора подписей для организации легальных протестов. Еще 30 активистов белорусский центризбирком также отсек от процесса на старте.

В кампанию вступили два кандидата с солидным управленческим опытом. Последний номенклатурный тяжеловес выдвигался в президенты в 2006 году.

Но сюрпризы пришли с другой стороны. В кампанию вступили два кандидата с солидным управленческим опытом. Последним номенклатурным тяжеловесом, который выдвинулся в президенты в 2006 году, был экс-ректор Белорусского государственного университета Александр Козулин. После выборов он два года провел в тюрьме. Теперь, спустя 14 лет, в президенты выдвинулись Валерий Цепкало, бывший замглавы МИД и создатель белорусской Кремниевой долины – Парка высоких технологий (ПВТ), а также Виктор Бабарико, экс-глава одного из крупнейших банков страны – Белгазпромбанка, известный в стране меценат.

Обоих сразу стали подозревать в том, что они спарринг-партнеры власти. Но пока убедительных доказательств этому нет. Напротив, белорусская власть никогда не играла в такие сложные игры, все ее спойлеры всегда были легко узнаваемы и не имели реального политического веса. И Цепкало, и Бабарико не возникли из пустоты, они были известны своими либеральными взглядами задолго до кампании. У первого и вовсе есть повод для обиды на государство: его в 2017 году уволили из его детища, ПВТ.

К тому же для предельно осторожной в таких вопросах белорусской власти просто рискованно выпускать на арену спарринг-партнеров с такой биографией, когда есть достаточно много вариантов попроще. У двух новоявленных политиков имеются деньги, связи в номенклатуре и бизнесе, а также потенциал быстро набрать рейтинг в ситуации, когда поддержка президента не на высоте.

У экс-банкира, к слову, получилось за неделю собрать огромную по белорусским меркам инициативную группу – около 9 тыс. человек. Больше только у Лукашенко, но там к формированию списков подключают административный ресурс. Согласно опросам, опублико-

ванным на сайтах крупнейших негосударственных СМИ, Бабарико разгромно выигрывает у Лукашенко и всех остальных кандидатов. Это, конечно, не репрезентативная социология, но маячок о том, что оппоненты президента могут быстро набирать популярность.

Вопрос о целях этих кандидатов пока остается открытым. Люди с многолетним бэкграундом в системе (Цепкало был в команде Лукашенко еще в середине 1990-х) не могут не понимать, насколько подконтролен власти результат белорусских выборов. Цепкало пока не прояснил, как собирается пробиваться сквозь барьеры авторитарной машины. Бабарико уверен, что если получит убедительное большинство, то сфальсифицировать выборы не получится.

Коронавирус, хоть и радикализировал взгляды недовольных политической Лукашенко, но спутал карты оппозиции. Сложно выводить людей на уличные акции и критиковать президента за проведение массовых мероприятий.

Пока их неожиданный поход в политику выглядит скорее как продукт долгого личного недовольства правлением Лукашенко, амбиций и чувства собственной миссии, возникающего у людей, который успели состояться в других сферах. Возможно, здесь есть и надежды перетянуть на свою сторону часть элит и попытка создать себе политический капитал на будущее, когда режим в Беларуси смягчится.

Убедиться, насколько самостоятельны эти люди, можно будет только во время кампании. Но сейчас их выдвижение выглядит как симптом более широкого процесса – определенного брожения среди номенклатуры и бизнес-элиты, уставшей от многолетнего правления Лукашенко и застоя в белорусской экономике, которая не показывает устойчивого роста уже 10 лет. Это еще не раскол, но уже и не идейная монолитность.

Пока нет причин прогнозировать коллапс белорусского режима этим летом. На затыкание дыр в экономике до выборов хватит около \$7 млрд золотовалютных резервов. Есть возможность перекредитоваться на внешних рынках. Коронавирус хотя и радикализировал взгляды недовольных политикой Лукашенко, но спутал карты оппозиции. Сложно выводить людей на уличные акции и критиковать президента за проведение массовых мероприятий.

У власти есть много способов остановить опасных конкурентов на подлете – например, просто не регистрировать слишком популярных кандидатов или объявить им привычные 3-4% по итогам голосования. Лидеров уличного протеста можно превентивно посадить в СИЗО по старым административным протоколам, которые всегда есть в запасе за прошлые акции. Для разгонов самих протестов есть пока еще верные силовики.

Но белорусская власть впервые столкнулась с таким букетом внешних и внутренних вызовов в избирательный год. И это на фоне кризиса в отношениях с Россией и настороженности Евросоюза из-за начавшихся в стране репрессий. Все указывает на то, что 2020 год может стать самым серьезным стресс-тестом системы Лукашенко с первых лет его президентства.

📄 **Артем Шрайбман** [Artyom Shraibman] – политический обозреватель, аналитик Sense Analytics, колумнист TUT.BY и Carnegie.ru.

Германия и ядерное оружие

Рольф Мютцених за актуальную и честную дискуссию в области политики безопасности

Рольф Мютцених

В недавнем интервью я высказался за отказ от пролонгации механизма совместного использования ядерного оружия и замены новыми ядерными боеголовками тактического ядерного оружия США, хранящегося на авиабазе Бюхель. Последовала ожидаемая критика в мой адрес, однако прозвучали и слова одобрения. Для меня важна открытая и честная дискуссия о целесообразности механизма планирования совместного использования ядерного оружия, тем более накануне принятия решения о новой системе ракет-носителей, а также с учетом планов США по использованию на раннем этапе войны ядерного оружия с низкой мощностью ядерных зарядов. В демократических странах это должно быть прописной истиной и соответствовать прежде всего интересам наших союзников и партнеров по НАТО.

СДПГ и впредь исповедует идею тесной связи с трансатлантическим союзом и продолжает выступать за совместные скоординированные политические действия в рамках Группы ядерного планирования НАТО – вместе с 25 другими членами НАТО, не обладающими ядерными арсеналами, которые отчасти исключают размещение ядерного оружия в мирный период времени на своей территории. Мы осознаем, что бундесвер нуждается в боевых самолетах следующего поколения вместо устаревших «Торнадо». Мы не требуем немедленной денуклеаризации НАТО. Но мы настаиваем на реализации новых идей и на переговорах по разоружению и контролю над вооружениями в том виде, в каком они с большой убедительностью были представлены министром иностранных дел Хайко Маасом в рамках ООН и в формате Стокгольмской инициативы.

Германия по согласованию со своими европейскими партнерами в НАТО нуждается в широкой публичной дискуссии по вопросу целесообразности или нецелесообразности ядерного сдерживания и способности Европы к отстаиванию своей позиции

Мы отдаем себе отчет в том, что разоружение и контроль над вооружением являются двумя сторонами одной медали. Мы не строим себе также никаких иллюзий относительно политики России, существующих угроз в области политики безопасности и порождаемой ими дестабилизации. Как и не закрываем глаза на осуществляемое Россией перевооружение, а также большое количество российского тактического ядерного оружия, несущего прямую угрозу Европе. По этой причине мы вот уже много лет выступаем за соглашение по разоружению в области тактических ядерных во-

оружий в Европе. И мы не считаем тему размещения в Германии ядерного оружия единственной проблемой, с которой нам приходится сталкиваться в сфере политики безопасности.

Я хотел бы решительно возразить против обвинения в том, что мы якобы придерживаемся своего пацифистского и «особого германского пути». Эта избитая фраза используется обычно для описания того пагубного пути в немецкой истории, который повлек за собой две мировые войны. От этого особого пути пострадали миллионы людей в Европе и мире, точно так же, как и мы, немецкие социал-демократы, за долгую историю нашего существования. Это обвинение явно призвано заблаговременно убить в зародыше упомянутую дискуссию.

Конкретно речь идет о дискуссии относительно будущего участия в планировании использования ядерного оружия и о том, упрочняют ли тактические ядерные вооружения США, хранящиеся в Германии и Европе (Нидерландах, Италии, Бельгии, Великобритании и Турции), безопасность Германии и Европы, а также не изжили ли они себя за прошедшее время с точки зрения политики безопасности и военного значения.

Страны без ядерного оружия не имеют влияния на ядерную стратегию, а тем более на варианты ее использования ядерными державами, не говоря уже о праве голоса. Все это не более чем давнее желание, продиктованное благими намерениями.

Германия по согласованию со своими европейскими партнерами в НАТО нуждается в широкой публичной дискуссии по вопросу целесообразности или нецелесообразности ядерного сдерживания и способности Европы к отстаиванию своей позиции. Кто закрывает глаза на новые геополитические реалии? Те, кто требует разоружения и отказа от участия в механизме совместного планирования использования ядерного оружия? Или те, кто все еще цепляется за фикцию, согласно которой с позволения президента США в случае войны нам будет позволено доставить ядерные бомбы к цели, и мы хоть как-то сможем повлиять на ядерную стратегию американцев? Еще во времена холодной войны такая аргументация не имела прочной основы. Теперь же она совершенно не соответствует реальности.

Если правы сторонники участия в совместном техническом использовании ядерного оружия, утверждающие, что благодаря этому Германия может оказать опосредованное влияние на ядерную стратегию США, то я задаю себе вопрос, где и как это нашло свое подтверждение в прошлом. Со времен Джорджа В. Буша мы являемся очевидцами нового направления в использовании ядерного оружия как средства ведения войны. В расторжении ядерного соглашения с Ираном и Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Дональдом Трампом я не смог увидеть никаких признаков предполагаемого влияния на американскую политику в области безопасности. В этом отношении нужно быть честными: страны без ядерного оружия не имеют влияния на ядерную стратегию, а тем более на варианты ее использования ядерными державами, не говоря уже о праве голоса. Все это не более чем давнее желание, продиктованное благими намерениями.

Да, неопределенность в мотивах, намерениях и вариантах действий ядерных держав является главным посылом и основой философии ядерного сдерживания, а книгами, посвященными ей, как известно, можно заполнить целые библиотеки. Потребованное Гельмутом Шмидтом перевооружение считается классическим примером прямого влияния Федеративной Республики Германия на ядерную стратегию США. Но даже оно возымело действие лишь после того, как в Вашингтоне согласились с анализом существующих угроз. В результате, как известно, появилось Двойное решение НАТО. Это, кстати, касается не только США, но и всех государств, обладающих ядерным оружием. Решения об устройстве британского ядерного механизма принимаются в Лондоне, российского – в Москве, а китайского – в Пекине. Поэтому не стоит предаваться иллюзиям, которые может породить французское предложение «права голоса» и даже европеизации ударных сил (*Force de Frappe*). Ни один французский президент никогда не поделится полномочиями на использование ключа от ядерного чемоданчика.

При этом решающее значение для требования об отводе ядерных бомб, хранящихся в Германии, имело желание европейцев обрести право голоса в вопросах использования ядерного оружия в Европе по сравнению с начальной ситуацией. В документе, определяющем долгосрочную стратегию США в области ядерных вооружений, под названием *Nuclear Posture Review* от февраля 2018 года правительство Трампа форсирует дальнейшую разработку тактического ядерного оружия и исповедует доктрину гибкого и заблаговременного применения нестратегического ядерного вооружения. А еще оно стремится к тому, чтобы в ближайшие годы заменить все стратегические системы, запастись боеголовками с низкой мощностью ядерного заряда, увеличить дальность крылатых ракет воздушного базирования и оснастить субстратегические системы морского базирования, которые при Буше и Обаме были отведены в рамках мер по укреплению доверия, ядерным оружием. Растущая геополитическая конкуренция между ядерными державами, разработка новых видов оружия, сочетание обычных ядерных потенциалов сдерживания и продолжающаяся модернизация и диверсификация ядерных arsenалов ведут к новой гонке вооружений. Это представляет прямую угрозу для Германии и Европы.

Можно ли будет и в дальнейшем полагаться исключительно на американский ядерный щит и механизм совместного планирования использования ядерного оружия в их нынешней форме или же необходимы дальнейшие шаги по разоружению и контролю над вооружениями?

Тема совместного использования ядерного оружия несет сильнейшую символическую нагрузку и олицетворяет надежность американского ядерного щита. Для политической оценки нужно ответить на такие вопросы: можно ли будет и в дальнейшем полагаться исключительно на американский ядерный щит и механизм совместного планирования использования ядерного оружия в их нынешней форме или же необходимы дальнейшие шаги по разоружению и контролю над вооружениями, причем независимо от того, как будут звать следующего президента США – Трамп или Байден?

Во времена драматического роста задолженности федерального бюджета из-за борьбы с коронавирусной пандемией, дефицита средств и одновременного ясного осознания необходимости инвестиций в систему здравоохранения, в расширение интернет-сети,

защиту климата и инфраструктуру нужно серьезное обсуждение любых расходов, не относящихся к борьбе с нынешней пандемией.

Поэтому намерение потратить миллиарды на закупку и эксплуатацию самолетов США, единственная цель которых заключается в том, чтобы сбросить американские ядерные бомбы, нуждается в солидном обосновании. Это требование справедливо даже с учетом того, что они являются частью архитектуры безопасности НАТО и концепции сдерживания. А тем, кто считает, что сдерживание за счет американского ядерного оружия ввиду возникновения новых угроз неизбежно, можно возразить, что оно уже обеспечивается американскими межконтинентальными ракетами, ядерным флотом США и подводными лодками, несущими на борту ядерные заряды. Сюда следует добавить и размещение центров логистики и командных пунктов, отвечающее не только интересам Европы, но и Америки.

Новая гонка ядерных вооружений поглотила бы не только огромное количество денег, которые сейчас нужны в другом месте. Она создала бы новые, опасные угрозы, которые могли бы повлечь за собой катастрофические последствия.

Отвод тактического ядерного оружия не положил бы конец ни ядерным гарантиям США, ни (правда, и прежде не обязующему) праву Германии на голос при принятии решений о ядерном оружии, которое, как и до сих пор, обеспечивалось бы ее участием в Группе ядерного планирования НАТО. Кстати, если согласиться с тем, что хранение тактических ядерных бомб и в самом деле представляет собой единственное связующее звено между Европой и США в области политики безопасности, то не свидетельствует ли это об убогости качества и будущего трансатлантических отношений, а также неоднократно превозносимого единства на базе общих ценностей и гарантий безопасности?

Тем не менее движению за мир необходимо признать, что отвод 20 систем тактического ядерного оружия из авиабазы Бюхель не означает прорыва в деле достижения мира во всем мире, а также не принесет особых дивидендов и в плане политики разоружения, разве что за исключением символического эффекта Германии, свободной от ядерного оружия. С учетом нескольких тысяч систем тактического ядерного оружия, хранящегося в России, а также размещения новых ракет среднего радиуса действия типа «Искандер», которое привело к разрыву Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, разоружение и контроль за вооружениями актуальны как никогда прежде. Нам необходим новый многосторонний договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а также полное разоружение по всему спектру тактического ядерного оружия.

И хотя трансатлантические «лорды-хранители печати» рисуют искаженную картину «особого германского пути» и встревоженных европейских соседей, все же возникает вопрос, что же все-таки больше волнует этих европейских соседей: открытая дискуссия о том, следует ли Германии покончить с участием в механизме совместного планирова-

ния использования ядерного оружия или же публичные разглашательства представителей Европейского союза о германской ядерной силе. К слову, ХДС и ХСС в период правления «черно-желтой» коалиции также потребовали в коалиционном соглашении отвода ядерного оружия, но при этом им не приписали ни приверженности к «особому пути», ни нежелания выполнить свой долг союзника.

Пандемия отчетливо продемонстрировала всем, что вызовы будущего заключаются в создании разумной системы медицинского обеспечения, преодолении проблемы изменения климата и достижении целей устойчивого развития ООН, а не в модернизации или обновлении ядерного оружия. Новая гонка ядерных вооружений поглотила бы не только огромное количество денег, которые сейчас нужны в другом месте. Она создала бы новые, опасные угрозы, которые могли бы повлечь за собой катастрофические последствия.

⌚ **Д-р Рольф Мютцених** (Rolf Mützenich) с сентября 2019 года – глава фракции СДПГ в бундестаге. С 2013 по 2019 год он был заместителем председателя фракции по внешней политике, обороне, правам человека и экономическому сотрудничеству, а с ноября 2009 по декабрь 2013 года – спикером фракции СДПГ по внешней политике.

«Направить страх и гнев против общего образа врага»

Пандемия – звездный час для теорий заговора. Эксперт по проблемам экстремизма о потере контроля и угрозе эскалации.

Юлия Эбнер

В период коронавирусной пандемии наступил звездный час для теорий заговора. Какие из них обрели особую популярность в социальных сетях и за их пределами?

Здесь можно выделить различные направления. В право-радикальном спектре используются уже известные конспирологические теории и идеологии в сочетании с коронавирусным кризисом. С ним, прежде всего в кругах правых и идентаристов, очень тесно ассоциируется проблема миграции. Распространяются теории заговора и фейки, возлагающие вину на мигрантов. На них якобы лежит ответственность за вспышку и распространение коронавируса в Европе. За последние недели вдобавок к этому появились утверждения, что мигранты и мусульмане не придерживаются карантина или же существуют целые кварталы мигрантов, на которые не распространяются правила о карантине. Так или иначе в фокусе внимания оказывается тема, связанная с мигрантами.

Очень часто по неонацистским или еще более экстремистским каналам утверждения подобного рода дополняются еще и антисемитскими теориями заговора: ответственность за вспышку эпидемии якобы следует возложить на так называемые глобальные еврейские элиты. Эта конспирологическая теория также не нова. На евреев и прежде взваливали вину за эпидемии и медицинские катастрофы, как это было во времена чумы. Сегодня эти обвинения звучат в связи с широко распространенными теориями заговора, направленными против Билла Гейтса и ВОЗ.

Так, теория некоторых правых радикалов гласит, что Билл Гейтс имеет еврейское происхождение и будто бы возглавляет всемирное еврейство в обстановке искусственно созданной пандемии, из которой извлекают экономическую выгоду эти элиты.

Существуют и еще более склонные к насилию праворадикальные каналы, в которых обсуждается тема возможности использования коронавируса в качестве биологического оружия против мигрантов путем, например, нанесения слюны на ручки дверей в приютах для мигрантов или полицейских участках.

А какова ситуация в других экстремистских кругах?

В исламистских кругах распространяются теории заговора против Запада. Прежде всего речь идет об использовании возникшего хаоса для приближения так называемого часа X.

Также существуют теории заговора, согласно которым вирус был создан искусственным путем, чтобы обрести тотальный контроль над всем населением или же ввести социальный контроль и тоталитарные системы. Эти теории заговора пронизывают весь спектр идеологических течений. Это, кстати, касается и теорий заговора по теме ВОЗ. А еще есть очень много теорий заговора антикитайской направленности, в соответствии с которыми

Китай искусственно создал вирус в качестве оружия в своей лаборатории. В одной из наиболее абсурдных теорий заговора утверждается, что вину за распространение вируса и вызванную им смертность следует возложить на китайскую технологию 5G. Не корона-вирус, а вышки сотовой связи якобы являются причиной смертей. По всей Европе были зафиксированы случаи поджога этих вышек.

И, наконец, все более широкое распространение находит теория заговора, согласно которой пандемии, как и смертей от нее, вообще не существует, а соответствующие сообщения не более чем фейк. Поскольку эта опасность невидима для человека собственно нигде, даже столь абсурдная теория получила относительно широкое распространение: все, что нам говорят – неправда. Демонстрации в США показали, что некоторые люди и впрямь думают, что вируса нет.

Некоторые из теорий заговора определенно несут прямую угрозу, так как подстрекают к насилию

И этими теориями заговора пропитано все общество?

Да, причем в США даже в онлайн-режиме вполне можно убедиться в том, что им скорее подвержены консерваторы, люди, близкие к лагерю сторонников Трампа, а не демократы. В Европе приверженцы этих теорий также скорее являются представителями правого политического спектра, а не левых либеральных кругов.

Можно ли считать это в основном безобидной выдумкой, или же от таких теорий исходит реальная угроза демократии и обществу?

Некоторые из теорий заговора определенно несут прямую угрозу, так как подстрекают к насилию. С одной стороны, мы уже наблюдали акты вандализма, я упоминала о поджоге вышек сотовой связи 5G. С другой стороны, в теориях заговора происходит демонизация, а частично и дегуманизация целых групп людей. В прошлом мы уже видели, что это может привести к террористическим актам и преступности на почве ненависти.

Вначале мы довольно часто наблюдали проявления антикитайского расизма и растущее число преступлений на почве ненависти, совершенных прежде всего против азиатов. Возможность роста преступности на почве расовой ненависти после ослабления карантина представляет большую опасность. Это может дать толчок террористическим атакам.

Насколько подобные теории действуют за пределами соответствующих групп? Не становятся ли более восприимчивыми к ним в сегодняшней ситуации люди, которые обычно не желают иметь ничего общего с экстремистами?

В нынешней ситуации все мы становимся более уязвимыми для теорий заговора, неправдивой информации, которая заполняет гигантский информационный вакуум и предлагает ответы в условиях неопределенности. Причем предлагаются простые решения, к которым мы столь восприимчивы просто из-за неудовлетворительного освещения фактического положения вещей и большого неведения.

К тому же большинство людей сегодня проводят намного больше времени в режиме онлайн. Когда много часов подряд ты находишься в эхо-камере, начинаешь сильнее верить в подобные идеологии и теории заговора. Они часто повторяются, и в разных местах

можно видеть контент, который лишний раз подтверждает их мнимую достоверность.

Как вы оцениваете на фоне такого развития событий роль политики, науки и средств массовой информации?

Даже политики и другие влиятельные люди временами распространяют ложные сообщения или же поощряют их. Возьмите, например, Трампа, который остро критикует ВОЗ, или Болсонару, полностью ставящего под сомнение существование вируса или же по крайней мере не воспринимающего всерьез угрозу, которую он несет. Влиятельные личности развязали травлю против Билла Гейтса и ВОЗ. К этим людям часто многие прислушиваются, а потому такие теории заговора достигают сознания тех, кто раньше оставался невосприимчив к ним. Это стало возможным из-за широкого присутствия этой темы в информационном пространстве, а также большого знака вопроса, зависшего в воздухе: а что же стоит за всем этим? С чем нам вообще приходится иметь дело? Так много вопросов, на которые нужно дать ответы в столь короткое время и с ответом на которые наука, как всегда, отстает, а ложные сообщения распространяются быстрее самого вируса.

В нынешней ситуации все мы становимся более уязвимыми для теорий заговора, неправдивой информации, которая заполняет гигантский информационный вакуум и предлагает ответы в условиях неопределенности

Почему в настоящий момент экстремистам так легко вести свою игру?

Тут, во-первых, играет свою роль неопределенность и страх, которые, наверное, еще никогда не обретали такого широкого размаха, как сегодня. Очень важно видеть и связь с социальными сетями. Речь идет о первом глобальном кризисе, при котором существует возможность столь быстрого распространения ложной информации на глобальном уровне. Этим обстоятельством с огромным успехом могут воспользоваться в своих целях экстремисты. Они получили возможность выстраивать комбинации и проводить связь между своими теориями заговора и коронавирусом таким образом, что все это вдруг приобретает смысл в рамках их картины мира. У них появилась возможность селективного отбора ложных сообщений и информации, усиливающих правоту их идеологий.

Такие теоретики конспирологии, как Алекс Джонс, многие годы требуют закрытия границ и предостерегают от апокалипсиса. Они все активнее внушают страх в сообщества выживальщиков, к числу которых принадлежат и добропорядочные граждане. Теперь они по праву могут заявить: мы ведь предупреждали вас все это время. Эти люди в условиях нынешнего кризиса обретают большее доверие, и это становится еще одной проблемой. Экстремистские группировки могут ловко воспользоваться тем, что отныне все подвергается сомнению: от правительств и служб безопасности до средств массовой информации. Доверие падает все больше, и это падение только усугубляется экономическим кризисом. Многие теряют работу или боятся потерять ее. Использовать эти опасения и направить их против общего образа врага – этой способностью очень хорошо владеют экстремисты. К тому же они относительно ловко сумели выстроить большинство своих онлайн-кампаний.

В странах правые партии, не представленные в правительстве, оказались в условиях кризиса отодвинутыми на задний план. Их рейтинг снижается. Существует ли для них возможность все же извлечь из таких тенденций выгоду для себя в среднесрочной перспективе?

Предсказать это чрезвычайно сложно. Все будет зависеть от дальнейшего развития ситуации и от того, насколько население и впредь будет доверять своему правительству. Или же развитие событий будет таким же, как и во времена миграционного кризиса, когда Меркель сначала хвалили, а затем шаг за шагом накапливалось все больше ненависти и злости из-за ощущения утраты ею контроля. Как только правительства потеряют контроль над ситуацией, развитие очень быстро может пойти в другом направлении, а партии с периферийным значением или экстремистские настроения могут обрести еще большую убедительность и легитимность.

Иными словами, у вас нет оптимизма и надежды на то, что теории заговора поутихнут по мере угасания пандемии?

Я испытываю двоякие чувства. С учетом коллективного глобального кризиса, во время которого мы испытываем одинаковые лишения, можно было бы рассчитывать на укрепление солидарности и доверия к демократии. Бывают дни, когда я настроена на оптимистический лад. Повсюду в мире можно было видеть примеры человеческого сострадания в собственном окружении, а также наблюдать и солидарность на уровне всего общества. Но все может пойти в совершенно ином направлении. Прошлые показали, что очень часто как кризисы в сфере здравоохранения, так и экономические кризисы могут способствовать еще большему разжиганию ненависти и еще более сильному обострению напряжения в обществе, а правительства и прежде всего радикальные партии могут воспользоваться этим в своих целях. То же касается и движений экстремистского характера.

Мы имеем дело с первым глобальным кризисом, при котором существует возможность столь быстрого распространения ложной информации на глобальном уровне. Этим обстоятельством с огромным успехом могут воспользоваться в своих целях экстремисты.

Еще одну большую угрозу я усматриваю в возможности избрания на политическом уровне националистического или же основанного на современных технологиях тоталитарного или авторитарного пути развития. Думаю, в некоторых странах уже можно наблюдать подобную тенденцию. Такие авторитарные системы, как в Венгрии или Китае, совсем необязательно сталкиваются с имиджевыми проблемами. То, что они делают, кажется эффективным, к тому же это отвлекает людей и усыпляет их бдительность.

Что бы вы посоветовали прежде всего политикам, а также гражданскому обществу и средствам массовой информации, каких ошибок нужно было бы избежать, чтобы лишить подобные тенденции питательной среды?

Чрезвычайно важна прозрачная и последовательная коммуникация относительно происходящего. Любая дополнительная путаница или неопределенность могут вызвать огромную отдачу. Самое худшее, что может сделать в настоящий момент правительство, – это создать ситуацию еще большей неопределенности. Необходимо укреплять чувство

уверенности в том, что все находится под контролем и все делается для максимальной минимизации экономических последствий.

Не менее важно вселять надежду и указывать на свет в конце тоннеля, в том числе и с целью укрепления умственного и психического здоровья людей, которые особенно сильно страдают от одиночества или ощущения огромного страха.

А есть ли возможность влияния у самих социальных сетей?

Безусловно. Коронавирус продемонстрировал, что высокотехнологичные платформы типа Facebook и Twitter очень быстро отреагировали и смогли оперативно удалить ложные сообщения. Правда, за прошедшее время они приобрели еще больший размах и контролировать их стало труднее. Но мы стали очевидцами очень быстрого реагирования в случаях необходимости удаления ложной информации о мнимых лечебных средствах или регулирования работы социальных сетей. Это свидетельствует об их способности с высокой степенью последовательности справляться с радикальным контентом или кампаниями радикалов. До сих пор для конкретных шагов требовалось больше времени. Оказалось, что большие высокотехнологичные предприятия, похоже, намного сильнее контролируют содержание своей информации, и существует возможность сделать намного больше для блокирования контента и кампаний экстремистского характера.

Настроены ли вы оптимистично относительно возможности перемен устойчивого характера в распространении ненависти в Интернете после окончания пандемии?

Это сложный вопрос. Не всегда нам приходится иметь дело со столь очевидной угрозой, как в случае с ложными лекарственными средствами, которые реально могут убить человека. Исполненная ненависти информация экстремистского характера часто балансирует на грани дозволенного. Думаю, что поэтому и впредь будут вестись дискуссии о необходимости или допустимости удаления соответствующей информации. И даже после принятия новой редакции закона о защите прав на сети останется непочатый край работы. Особенно это касается небольших альтернативных платформ, на которых и ныне продолжают распространяться теории заговора в связи с коронавирусом. Там, к сожалению, делается слишком мало для вмешательства в такое положение дел.

Интервью провела Клаудия Детч

На периферии общественной памяти

Воспоминания о национал-социализме в Германии сконцентрированы на Холокосте. Пора возродить в памяти опыт пережитого в Восточной Европе.

Маркус Мекель

75 лет назад была одержана победа над национал-социализмом. Сегодня, в отличие от эпохи коммунизма, весь мир единоклубен в осуждении тоталитарной диктатуры нацистской Германии и ужасов развязанного ею геноцида. Это ежегодно особенно ярко проявляется 27 января, в день освобождения ла-

геря смерти Аушвиц (Освенцим) в 1945-м.

После 1945 года Германия оказалась перед вызовом критического осмысления этих ужасов и преступлений. В ГДР коммунисты поступили просто: вся ГДР, вставшая на сторону Советского Союза, то есть победителей, была провозглашена антифашистской. Вина была возложена на других. А вот Федеративной Республике пришлось пройти длительный путь, прежде чем общество и государство нашли наконец в себе силы посмотреть правде в глаза, признать вину и взять на себя ответственность. Отдельные граждане и общественные группы, выступавшие именно за это, долго находились под большим давлением: для первого процесса по Освенциму понадобилось почти 20 лет, для признания факта освобождения от национал-социализма в 1945 году – 40 лет, а до урегулирования 25-летнего спора о западной границе с Польшей в рамках международного права – 45 лет. Сегодня осознание ответственности, возникшее на основе этого прошлого, глубоко укоренилось в нашем, немецком, общественном сознании. Оно стало частью национальной культуры памяти и внешней политики Германии.

Многие за рубежом считают Германию «чемпионом мира по осмыслению уроков истории» именно в силу этого многолетнего критического анализа обществом феномена национал-социализма, впрочем, как и коммунизма. И все же есть существенные недостатки. Воспоминания и память, связанные с национал-социализмом, мировыми войнами, бегством и изгнанием вследствие Второй мировой войны, часто существуют параллельно друг другу и поддерживаются разнообразными общественными группами. Важно более пристально всмотреться в эту историю XX столетия во всех ее взаимосвязях.

Показательно, что пакт Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 года, заключенный незадолго до нападения на Польшу, который находится в фокусе внимания некоторых из наших восточных соседей, в Германии, как правило, вытеснен на периферию общественной памяти. Воспоминания о национал-социализме сконцентрированы в основном на преступлении против человечества – Холокосте, в то время как другие категории жертв и измерения этой тоталитарной диктатуры оказались на заднем плане. Очень медленно они возвращаются в поле зрения и появляются дискуссии, например, о том, как почтить память миллионов убитых в результате войны на истребление на востоке: в Польше и государствах – преемниках Советского Союза – России, Беларуси, Украине, Грузии и т.д. Почти никому в Германии не известно о трех миллионах погибших советских военнопленных, миллионе жертв среди гражданского

населения вследствие блокады Ленинграда или о судьбе миллионов подневольных рабочих. С Холокостом у нас связаны преимущественно представления о больших лагерях, ставших настоящими фабриками смерти, созданными нацистской Германией в Польше. В то же время в общественном сознании немцев отсутствует представление о тысячах других неизвестных нам мест, расположенных дальше на восток, где были расстреляны, уничтожены или обречены на смерть от голода советские граждане, представители многих национальностей. К сожалению, предложение о том, чтобы в память об этих жертвах оккупации и войны на уничтожение создать специальный Центр документации, пока не нашло одобрения большинства в бундестаге. В таком центре в дифференцированной форме можно было бы информировать о практически забытой истории со всеми ее ужасами. Люди, в том числе и молодые поколения разных национальностей, могли бы познакомиться с историей стран своего происхождения и поговорить между собой на эту тему.

В Германии воспоминания о национал-социализме сконцентрированы в основном на преступлении против человечества – Холокосте, в то время как другие категории жертв и измерения этой тоталитарной диктатуры оказались на заднем плане

То, каким образом рассказывается история, что умалчивается или искажается и как связывает себя рассказчик с опытом других людей, ведет либо к доверию и ощущению достоверности, либо к раздражению, напряжению, а то и страху. Это касается как отдельных взятых людей, так и народов. Но в случае с нациями и государствами существует важное дополнение: повествование истории должно создаваться в результате дискуссий и борьбы, ведь различные общественные группы и даже меньшинства часто имеют очень разные точки зрения и опыт, которые могут стать основой для солидарной позиции или спровоцировать конфликт.

Отношение к истории на государственном уровне всегда в определенной степени диктуется и политическими мотивами. В диктаторских режимах и авторитарных государствах картина истории пишется «сверху». Всем известно министерство истории из романа Джорджа Оруэлла «1984» или ретушированные фотографии Сталина раннего периода большевизма. В открытых демократических обществах метанарратив о собственной истории возникает в процессе общественного диалога и дискуссии. И с течением времени он меняется. Ведь общественная память и общественные представления могут изменяться под влиянием новых познаний и различных точек зрения.

Государства и народы в Восточной Европе после 1990 года начали по-новому трактовать свою историю, освобождая ее от бетонных оков коммунистической тюрьмы. То, что было оттеснено на задний план, заиграло новыми красками и стало определяющим элементом сознания. Прорвались наружу и обрели новую жизнь старые противоречия. В большинстве случаев это происходило и происходит в соответствии с национальными принципами. В Советском Союзе государство и общество объединились в общем нарративе «Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», который несет в себе ощущение

победы и славы, четко различает и раскладывает по полочкам добро и зло. При этом отошли на задний план или были забыты преступления коммунистического режима, унесшие миллионы жертв в 1920-е и 1930-е годы.

Однако с конца 1980-х годов вырвались наружу и иные точки зрения, а также другой опыт, обнажились линии разлома. Народы, пострадавшие от тайного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, настаивают на том, чтобы отныне никто больше не имел права замалчивать события в период с 1939 по 1941 год: оккупацию, войну, депортации и политические преследования. В странах и регионах, захваченных и оккупированных Красной Армией вследствие подписания этого пакта, уже тогда начался террор и насилие, сопровождавшие создание коммунистической диктатуры. После нападения на Советский Союз насилие приобрело невиданные масштабы, на голод были обречены миллионы мирных граждан, поскольку нужно было кормить армию своей страны. Славянские народы на востоке и Балканах должны были стать рабами, их элиты подлежали уничтожению. Евреи с самого начала были обречены на смерть.

Повествование истории должно создаваться в результате спора и борьбы, ведь различные общественные группы и даже меньшинства часто имеют очень разные точки зрения и опыт

Сегодня перед нами стоит задача возродить в памяти опыт пережитого людьми в Восточной Европе, который десятилетиями скрывался в угоду идеологии культуры памяти в Советском Союзе. Вне национальных границ нам предстоит научиться слышать друг друга и развивать эмпатию, налаживать диалог между носителями различного опыта. На каждом воспоминании лежит отпечаток нынешнего времени. Наша память должна нести на себе отпечаток не героизма и национального величия, а гуманизма, позволяющего вернуть многим жертвам их достоинство. Она должна быть пронизана ценностями, прописанными в Лиссабонском договоре, которыми мы руководствуемся при построении нашего общего будущего.

Ⓢ **Маркус Мекель** (Markus Meckel) - немецкий политик, председатель германо-белорусского общества, депутат бундестага (1990-2009), министр иностранных дел ГДР (1990).

Революция откладывается

Коронавирус остановил массовые протесты на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но порожденный им кризис лишь подливает масла в огонь.

**Яннис Гримм,
Тереза Ференбах**

Первые жертвы инфекции на Среднем Востоке были зафиксированы 19 февраля: за целых три недели до официального заявления ВОЗ о глобальной вспышке COVID-19 в священном городе Куме от вирусной инфекции умерли два иранца. С тех пор болезнь распространилась почти по всему региону: от Ирана до

Ливана и от Сирии до Ирака, а потом настигла Иорданию и Северную Африку. Новые очаги появились в Египте и странах Персидского залива.

В городских агломерациях распространению вируса способствовали стесненные условия проживания, разбалансированные структуры управления и полуразрушенные системы здравоохранения. Еще более ускорили проникновение инфекции частично запоздалые попытки ее обуздания. Там, где туризм является главным источником денежных поступлений, подчас медлили с ограничениями на въезд, чтобы отсрочить экономический обвал. В то же время экспансии коронавируса благоприятствовали и массовые поездки самих отдыхающих на побережье Красного моря, в столицы стран Персидского залива или священные города Саудовской Аравии. Замер туризм, обвалились рынки долгосрочных капиталов, а цены на нефть упали до минимального уровня. Остановилась экономическая жизнь. Зато истощенные политикой экономии общественные системы здравоохранения, невзирая на дефицит ресурсов и специалистов, работают на полную мощность с целью выявления, изоляции и лечения заразившихся коронавирусом пациентов.

В некоторых государствах главная заповедь – защита от инфекции – стала идеальным поводом для сворачивания революций

В отличие от других регионов мира коронавирусный кризис, похоже, сыграл на руку некоторым правительственным кругам в этой части света. Ведь в жертву мерам по предупреждению распространения инфекции были принесены не только концерты или футбольные матчи, но и публичные демонстрации, крупные сидячие забастовки и другие массовые собрания граждан. Закрытие границ, запреты на организацию мероприятий и другие ограничения, коснувшиеся общественного пространства, больно ударили прежде всего по гражданскому обществу в странах Ближнего Востока и Северной Африки и воспрепятствовали окрепшей было общественной активности.

Если в начале года на фоне целого каскада массовых протестов в этом регионе еще преобладала перспектива второй «арабской весны», то нынче процесс демократиче-

ских преобразований пока что заморожен. Более того, в некоторых государствах главная заповедь – защита от инфекции – стала идеальным поводом для сворачивания революций. Правда, подавление инакомыслия вряд ли можно считать главным движущим мотивом мер, предпринимаемых в рамках борьбы с коронавирусом. Даже в таких репрессивных автократиях, как Египет, соответствующие расследования свидетельствуют о том, что официальные органы власти осознают серьезность этой проблемы. И все же для авторитарных правителей (кстати, не только на Ближнем Востоке), вне всякого сомнения, приятным побочным эффектом эпидемии стало явное затухание протестов из-за ограничений на передвижение.

Так, например, в Ливане, где в октябре 2019 года вспыхнули уличные протесты, вызванные катастрофической по последствиям экономической и фискальной политикой непотических элит. Страна оказалась на пороге банкротства, в то же время олигархические структуры блокировали необходимые реформы. Требования отставки правительства вывели на улицы в кратчайшие сроки сотни тысяч людей. Политический истеблишмент впервые после окончания гражданской войны оказался в оборонительном положении вплоть до того, как в стране разразился коронавирусный кризис, обусловленный тесными конфессиональными связями и интенсивным авиасообщением между Тегераном и Бейрутом. Решительная реакция на него продиктована в том числе и желанием снова вернуть себе дееспособность.

Ливан стал страной-первопроходцем на Ближнем Востоке: в целях сдерживания пандемии за несколько недель до аналогичных шагов в Европе здешнее Министерство образования закрыло школы и университеты, бары и торговые центры, кинотеатры и фитнес-студии. С середины марта действуют строгие ограничения на передвижение, военные патрулируют улицы. Под прикрытием защиты от инфекции органы власти предпринимают действия по борьбе с акциями протеста. 27 марта полиция ликвидировала последний палаточный городок в Бейруте, через несколько дней снова начались аресты участников массовых акций. С тех пор протестующих не покидает ощущение вполне оправданной тревоги, вызванной тем, что продолжающийся кризис может предоставить правительству свободу действий, необходимую для ограничения свободы собраний и массовых мероприятий на длительный период времени.

Аналогичная обеспокоенность наблюдается и в Ираке, еще одной республике, которая в октябре 2019 года оказалась охваченной второй волной «арабской весны». Эта страна больше всех пострадала от эпидемии в регионе после Ирана и Ирака. Кризис стал настоящим испытанием для еще действующего переходного правительства, имеющего незначительную общественную поддержку из-за внутренних конфликтов и множества неудачных попыток сформировать постоянное правительство. Когда вспыхнула эпидемия, парламент оказался даже неспособным принять бюджет на 2020 год. Не принесла успеха и попытка назначения именно в этот момент нового премьер-министра.

В результате органы власти воспользовались стандартными средствами обуздания коронавируса и ввели запрет на передвижение в Багдаде и других провинциях, а также запрет на поездки внутри страны. Они ощутимо ударили по протестному движению. А вот дальнейших шагов с целью смягчения социально-экономических последствий кризиса не последовало. Почти ни для кого не стал неожиданностью и рост обеспокоенности в Ираке из-за возможности использования кризиса для того, чтобы покончить со своими политическими оппонентами. Под прикрытием запрета на передвижение силовые орга-

ны в отдельных случаях целенаправленно осуществляют действия против активистов. В частности, во время одной из таких силовых акций 5 апреля погибла известная активистка движения протеста Умм Аббас.

Еще одним ярким примером того, как коронавирус может использоваться в качестве повода для ограничения свободы слова и собраний, является Алжир, где с 17 марта действует запрет на собрания и шествия. В то время как органы власти в Иране и Турции, осознавая удручающую ситуацию в своих переполненных тюрьмах, освободили десятки тысяч заключенных, чтобы предотвратить распространение вируса, в Алжире с начала запрета на свободу передвижения был зафиксирован рост количества вызовов и допросов критически настроенных журналистов и членов движения «Хирак». Симпатизирующие этому движению журналисты, например, репортер Халед Драрени, подвергают себя риску ареста или даже лишения свободы. Вдобавок алжирские власти – как и почти все страны этого региона – ужесточают контроль над местной прессой, чтобы помешать критическому освещению событий, связанных с официальной политикой борьбы с коронавирусом. Особенно очевидной является цензура в средствах массовой информации Египта, где известная журналистка газеты Guardian поплатилась своей аккредитацией из-за «ложного информирования» о количестве заболевших коронавирусом.

Во многих случаях реакция демонстрантов, отчасти даже сильнее, чем политика правительств, характеризуется высокой социальной ответственностью

Ввиду двойной игры многих правительств, которые, с одной стороны, ведут серьезную борьбу с COVID-19, а с другой – используют эту эпидемию как предлог для действий, протестные движения второй «арабской весны» оказываются перед почти неразрешимой дилеммой: продолжать демонстрации и тем самым способствовать распространению вируса, который является тяжелым испытанием для и без того полуразрушенных систем здравоохранения, или же пойти на риск затухания протестов во время пандемии и дать старым правительствам возможность снова повернуть ход событий в свою пользу.

Примечательно, что во многих случаях реакция демонстрантов, отчасти даже сильнее, чем политика правительств, характеризуется высокой социальной ответственностью. В большей части региона даже не понадобились государственные ограничения: протестующие по собственной инициативе покинули улицу. Осознавая, что справиться с COVID-19 можно лишь общими усилиями, многие движения используют свой социальный капитал для разъяснительной работы о болезни, а также для поддержки пострадавших и групп риска.

Например, протестное движение в Ираке, ослабленное из-за уничтожения Сулеймани в начале года, изначально считало вспышку коронавирусной инфекции меньшим злом, чем правительственный кризис и рост влияния Ирана в стране. Однако увеличение числа жертв в соседнем государстве заставило их поменять свои взгляды. Так, в начале марта активисты заявили о приостановке своей кампании до момента обуздания COVID-19 и в рамках просветительской кампании призвали к соблюдению социальной дистанции,

самоизоляции при наличии симптомов заболевания и дезинфекции мест общественного пользования.

Кроме того, они воспользовались своими контактами в социальных сетях, обратившись с призывом к солидарности с нуждающимися в помощи, сбору пожертвований для семей, занятых в неформальном секторе, дальнейшее существование которых уже сегодня оказалось под угрозой из-за ограничения свободы передвижения.

В Ливане и Алжире демонстранты сделали аналогичные выводы и сосредоточили свою активность в Интернете и социальных сетях. В виртуальном пространстве, в форме фото- и видеокампаний, хэштегов и акций по сбору подписей, они поддерживают жизнеспособность своего движения.

В ходе смены общественных протестов кампаниями в цифровом формате и акциями поддержки пострадавших, в частности, распределением дезинфицирующих средств, уходом за больными или созданием горячей линии психологической помощи для людей в условиях изоляции, воспроизводятся образцы поведения, которые можно наблюдать и в других регионах мира, что порождает надежды на выживание протестных движений после зимы, то есть в период, который наступит после коронавируса. Ведь в краткосрочной перспективе кризис может предоставить запятнавшим себя в глазах общества элитам шанс отвлечь внимание от провалов государства и проявить себя по-новому в качестве кризисных менеджеров. Но в средне- и долгосрочной перспективе он играет на руку протестующим и укрепляет основу под их требованиями о создании компетентных, ответственных и инклюзивных систем управления.

В краткосрочной перспективе кризис может предоставить элитам шанс отвлечь внимание от провалов государства и проявить себя по-новому в качестве кризисных менеджеров. Но в средне- и долгосрочной перспективе он играет на руку протестующим.

Коронавирусный кризис, как никогда прежде, обнажил наличие в арабском мире двух классов обществ. В то время как бенефициары этих систем пользуются доступом к первоклассному медицинскому обеспечению и благодаря наличию финансовой подушки могут позволить себе пересидеть период карантина, большая часть трудоспособного населения оказалась один на один с разрушенной из-за экономии средств общественной системой здравоохранения и экономикой. В Тунисе, где в конце 2010 года началась «арабская весна», уже прошли первые протесты обедневших рабочих против запрета на перемещение под лозунгом: «До того, как заболеть, мы умрем от голода».

Именно такое неравенство вывело на улицу в месяцы, предшествовавшие коронавирусу, часть населения региона. Движущей силой протестов стала главным образом потеря доверия к правящему политическому классу со стороны молодого поколения, лишенного большей частью возможности трудоустройства и перспектив. Утрата доверия может лишь обостриться в ходе коронавирусной пандемии. Вирус уже стал причиной крупных социальных раздоров, с которыми правительства почти не в состоянии совладать.

На горизонте уже проступают очертания кризиса, который последует после коронавируса. Правда, цепочки поставок и рынки после открытия границ будут возобновлены, а большая часть трудоспособного населения снова приступит к работе. При этом реальному экономическому выздоровлению после коронавируса препятствует неимоверная глыба частных и государственных долгов. Еще до пандемии общая задолженность таких стран, как Ливан или Судан, превысила соответствующие объемы валового внутреннего продукта. Финансовые кризисы поставили многие страны на грань банкротства. Некоторые режимы годами сидят на игле международных финансовых институтов или же держатся на плаву благодаря огромным финансовым вливаниям богатых нефтью стран Персидского залива.

В этой тревожной ситуации коронавирусный кризис стал для них дополнительным экономическим шоком: туризм как источник поступления валюты иссяк; цены на главные статьи экспорта – нефть и газ – обвалились. К тому же коронакризис раскручивает спираль обесценивания денег, инфляции и роста стоимости жизни. Долговой кризис в свою очередь влечет за собой опустошительные последствия для систем жизнеобеспечения, существовавших до сего времени благодаря крупным бюджетным дотациям.

Даже после быстрой (хотелось бы надеяться) победы над коронавирусом Ближний Восток и Северная Африка вряд ли успокоятся. Коронавирусный кризис может перерасти в государственный и системный кризис. После него, с учетом нынешних ограничений, скорее всего с новой силой вспыхнет борьба за свободу и равноправие, в повестке дня опять окажутся и социальные вопросы. Таким образом, коронавирус может лишь отсрочить, но никак не остановить революцию.

⊗ **Яннис Гримм** (Jannis Grimm) – координатор по вопросам профсоюзного движения в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки и референт по Ливии Фонда им. Фридриха Эберта. Защитил диссертацию по теме «Динамика развития протестного движения и государственные репрессии в Египте и Турции» в Берлинской высшей школе «Мусульманские культуры и общества» (BGSMCS) при Свободном университете Берлина.

⊗ **Тереза Ференбах** (Teresa Fehrenbach) с весны 2020 года – практикантка отдела по Ближнему и Среднему Востоку, а также Северной Африке в Фонде им. Фридриха Эберта, Берлин.

Рабочие моменты

Как пандемия COVID-19 способствует борьбе за трудовые права в Армении

Арусяк Капукчян

Пандемия COVID-19 стала своего рода «лакмусовой бумажкой» для рынка труда в Армении. Она не только подняла вопрос о неофициальном трудоустройстве и «скрытых» зарплатах, но и продемонстрировала реальную ценность сотрудников для работодателей.

Сокращение рабочих мест во время пандемии – лишь одно из нарушений трудовых прав. Официальные цифры по-прежнему не показывают реальную картину, что эксперты связывают с молчанием и недостаточной осведомленностью самих работников. И все же социально-экономические трудности, вызванные пандемией, заставили многих из них наконец-то заговорить.

В течение первых месяцев чрезвычайного положения десятки граждан, у которых из-за пандемии возникли проблемы с работой, с удивлением узнали, что их не было ни в одном списке антикризисных мер от правительства. Но проблема заключалась не в списках, а в отношениях между работодателем и работником – точнее, в их фактическом отсутствии.

«Правительство ввело новые антикризисные меры; люди ожидали, что их проинформируют, и задавались вопросом, почему они не получают помощи, почему их это не касается», — прокомментировала Тируи Назаретян, председательница Центра защиты социальных прав «Темпус» и эксперт по трудовым правам.

По ее словам, несмотря на то что трудовым правам в последние годы стали уделять больше внимания, осведомленность о регулировании трудовых отношений в обществе остается на очень низком уровне.

Работники в Армении не склонны думать, что осведомленность о трудовых правах влияет на их благополучие. Однако проблемы, вызванные пандемией, превратили защиту трудовых прав в необходимость.

«Люди поняли, что остались беззащитными. Многие из них узнали, что работают неофициально, или осознали последствия такой занятости. Многие поняли, что у них был не трудовой договор, а договор о предоставлении услуг», – сказала Тируи Назаретян, ссылаясь на посты на эту тему в соцсетях и публикации в прессе.

В то время как за весь 2019 год Офис Уполномоченного по защите прав человека (Офис Омбудсмена) получил 519 жалоб на нарушение трудовых прав, за первые четыре месяца 2020 года уже поступило более 220 жалоб. И даже это не вполне соответствует реальной ситуации.

Когда уволенный гражданин подает заявление в государственный орган, чтобы узнать, почему ему не поступает помощь, жалобу включают в статистическую таблицу заявлений, связанных с антикризисными мерами. Однако, по словам представительницы Офиса Омбудсмена, содержание этих заявлений четко указывает на нарушение трудовых прав.

«Они тесно связаны с трудовыми правами», – объяснила Татевик Тохян, глава департамента защиты социально-экономических и культурных прав Офиса Уполномоченного по правам человека (интервью проводилось до того, как она перешла на другую должность. – Ред.).

Татевик Тохян отметила, что жалобы относительно нарушений трудовых прав, вызванных ограничениями, введенными из-за чрезвычайного положения, преимущественно касались работодателей из частного сектора.

Совершенно недопустимый вариант, по ее мнению, – отправлять сотрудников в неоплачиваемый отпуск, что случалось даже в некоторых государственных учреждениях.

«По факту человек не работает, его не уволили, и он из-за этого не может получить какую-либо помощь. Например, в аэропорту Звартноц есть поликлиника, которая предназначена для оказания медицинской помощи всему персоналу. Оттуда людям тоже пришлось уйти», – рассказала Татевик Тохян.

Даже зная о своих правах, большинство граждан не применит эти знания на практике

По словам представительницы Офиса Омбудсмана, сотрудникам ничего не платили, к тому же, будучи фактически трудоустроенными, они не участвовали ни в каких социальных программах, даже если у них были несовершеннолетние дети. «На самом деле в некоторых случаях было даже лучше, чтобы человека уволили, тогда ему по крайней мере полагалась бы финансовая помощь», – подчеркнула она.

Эксперт по трудовому праву Тируи Назаретян за последние несколько месяцев проконсультировала немало граждан, у которых возникли проблемы на работе. Она не уверена, что даже зная о своих правах, большинство из них применит полученные знания на практике.

Первая и главная причина – рабочих мест не хватает. Второе – в некоторых случаях люди рассматривают свою нынешнюю работу просто как способ заработка, а не как начальную точку для будущего карьерного продвижения.

«Людям часто трудно найти какую-либо работу или работу по специальности. Они работают и понимают, что спрос на их профессию невысок. Естественно, даже если сотрудник хорошо понимает свои права, он/она не станет о них заявлять», – отметила она.

Есть и другие причины, в частности – человеческий фактор. «От сослуживца, который подал жалобу и пошел против системы, могут отвернуться другие члены команды. Даже если вы добьетесь успеха в суде, вам будет трудно вернуться на работу», – добавила эксперт.

По словам Тируи Назаретян, армянское законодательство обеспечивает защиту трудовых прав, но этого недостаточно. Чтобы защитить свои права в Армении, приходится идти в суд, а это долго, дорого и часто бесполезно.

«Поскольку Трудовой кодекс недостаточно хорошо защищает интересы работника, многие не верят, что у них вообще есть права. Они советуются с юристами и сдаются, понимая, насколько трудно отстоять свои права», – говорит Тируи Назаретян, рассматривая такой вариант решения проблемы, как создание Офиса трудовой медиации.

Вопросы нарушения трудовых прав в Армении не поднимаются даже тогда, когда нарушают права десятков работников.

«Но если проблемы озвучить руководству сообща, это станет проблемой всего учреждения и не приведет, например, к массовым увольнениям. Профсоюз будет выступать в качестве посредника на переговорах, будучи структурой с большими правами (по законодательству получается, что у коллектива больше прав, чем у отдельного человека)», – пояснила Тируи Назаретян.

Если в организации нет профсоюза, то работники могут обратиться в Конфедерацию профсоюзов с просьбой поднять этот вопрос и получить как поддержку в переговорном процессе, так и помощь с поиском правового решения проблемы.

Чтобы защитить свои права в Армении, приходится идти в суд, а это долго, дорого и часто бесполезно. Но проблему можно решить, если с ней обратиться к правильному адресату.

Тируи Назаретян уверена, что, если бы у профсоюзов было немного больше полномочий по закону, они бы чудесно справились с ролью посредника, а решать проблемы было бы проще.

Эксперт по трудовым правам напоминает, что проблему можно решить, если с ней обратиться к правильному адресату.

«В случае проблем на работе не следует обращаться в правительство, в Министерство труда и социальных дел, к Уполномоченному по правам человека. Вы можете обратиться в Инспекцию здравоохранения и труда Республики Армения, а также проконсультироваться с юристом или какой-либо правозащитной НПО, которая занимается такими вопросами. Важно, что сама жалоба должна быть адресована в первую очередь ответственному лицу, например, директору фабрики», – рассказала она.

С 1 июля 2021 года вступает в силу Положение о государственном контроле за соблюдением трудового законодательства, согласно которому соответствующий контролирующий орган в этой сфере привлекает уполномоченных лиц к ответственности в случаях, предусмотренных законом.

При этом в связи с увеличением числа жалоб из-за пандемии 29 апреля законодатели предоставили Инспекции здравоохранения и труда Республики Армения право осуществлять надзор за соблюдением трудовых прав на основании письменных заявлений. Кроме того, были внесены поправки в Трудовой кодекс, более четко регулирующие правовые отношения между работодателем и работником в контексте пандемии.

Сейчас Инспекция здравоохранения и труда Республики Армения осуществляет усиленный контроль. Но пресса сообщает, что нарушения, зарегистрированные Инспекцией, в основном касаются отказа от ношения масок и перчаток или от измерения температуры, а также нарушения установленного порядка дезинфекции.

Ожидается, что для усиления надзора Инспекции за трудовыми правами премьер-министр Республики Армения примет соответствующее решение в июне.

Данная статья впервые вышла на сайте Ampr.am, ее перевод публикуется с разрешения правообладателя.

➤ **Арусяк Капукчян** (Arusyak Kapukchyan) – журналистка Ampr.am. Изучала журналистику в Ереванском государственном университете.

Поперек пути

Азиатские сверхдержавы Китай и Индия стремятся к большему и при этом все чаще вступают в конфликт

Герберт Вульф

Несмотря на длившиеся десятилетиями переговоры, обе сверхдержавы азиатского континента Индия и Китай не смогли согласовать общую линию границы в Гималаях. Нынче дело снова дошло до пограничного конфликта и военного столкновения с жертвами обеих сторон. Ни одна из них не желает сдвинуться со своей позиции, обе они твердо намерены защищать каждый сантиметр спорной территории. Спор идет за три района, расположенных вдоль границы длиной в почти 4 тыс. км, а именно: за западную часть региона Аксайчин, восточную часть индийского штата Аруначал-Прадеш, которую Китай называет Южным Тибетом, и центральный сектор, менее оспариваемый и практически неформально признанный Китаем «штатом Сикким Республики Индия».

Пограничный конфликт уходит истоками к колониальному периоду. После провозглашения независимости Индии Великобритания оставила этот регион как «участок границы между Индией и Китаем с неопределенным статусом». Индия и Китай по-разному толкуют разнообразные конвенции, в частности, Симлскую конвенцию 1914 года, а обе стороны то и дело пытаются укрепить свои позиции, обмениваясь колкостями в адрес друг друга. Разногласия привели в 1962 году к войне, когда армия Индии понесла ощутимое поражение, которое и поныне воспринимается в Нью-Дели как позорное.

Активность Китая в отличие от Европы и США рассматривается Индией не только как глобальное соперничество. Разворачиваясь в непосредственном географическом соседстве с Индией, она способствует нагнетанию напряжения и затрагивает вопросы безопасности.

За прошедшие десятилетия правительства обеих стран вели переговоры и создавали комиссии по урегулированию приграничного конфликта. Тем не менее в 2017 году разразился спор вокруг продвигаемого Китаем строительства дороги, поставивший обе армии на грань войны. Сегодня с индийской стороны из-за строительства дороги дело дошло до такой же ситуации. Армия Индии скорбит о 20 убитых военнослужащих, а горячие индийские головы требуют отмщения.

Противостояние между Индией и Китаем глубоко проникло в сознание и наложило свой отпечаток также на отношения с «ярым врагом» Индии Пакистаном. Китай оказывает политическую и экономическую поддержку этой стране и усиливает позиции пакистанских военных, что вызывает раздражение и обеспокоенность в Индии. Ее попытки нормализовать отношения с Пакистаном постоянно терпят неудачу из-за спора вокруг

Кашмира, возникшего более 70 лет назад после обретения независимости. Четыре войны между двумя ядерными державами Индией и Пакистаном привели к отношениям, характерным признаком которых стали враждебность и недоверие. Нерешенный конфликт из-за Кашмира, территориальные притязания обеих сторон, призыв к автономии в самом Кашмире, а также терроризм пакистанских военизированных формирований почти не оставили места для дипломатии. Пока что обе стороны угрожают друг другу применением конвенциональных средств ведения войны, но у тех и у других в запасе имеется вполне пригодный к использованию ядерный арсенал.

В этом индийско-пакистанском конфликте китайское правительство однозначно встало на сторону Пакистана. Китай со значительным отрывом является самым крупным поставщиком оружия в Пакистан, который в свою очередь оказывает всяческую поддержку политическим и дипломатическим усилиям Китая в обмен на поддержку последним Пакистана. Между тем проблемы на границе стали источником дестабилизации как для Индии, так и для Пакистана с Китаем.

Китайский проект Нового шелкового пути еще больше нагнетает обстановку. «Экономический коридор между Китаем и Пакистаном», связывающий беспокойный Синцзянь-Уйгурский автономный район с пакистанским глубоководным портом Гвадар, стал бельмом на глазу индийского правительства. Хотя проект носит название «экономического коридора», его стратегическое значение очевидно.

Активность Китая в отличие от Европы и США рассматривается Индией не только как глобальное соперничество. Разворачиваясь в непосредственном географическом соседстве с Индией, она способствует нагнетанию напряжения и затрагивает вопросы безопасности. Проект строительства железной и автомобильных дорог проходит через район, находящийся под управлением Пакистана, на который выдвигает претензии и Индия. Индийское правительство противится планам создания Нового шелкового пути и еще в 2015 году объявило этот замысел Китая «неприемлемым».

Глобальные амбиции Индии подкрепляются как ядерной программой, так и крупными инвестициями в программу космических исследований с возможностью использования в военных целях. Впрочем, желания Индии часто блокируются Китаем.

Индия давно стремится к усилению своего глобального влияния и готова брать на себя ответственность. Она не желает и впредь увязать в региональной политике и хочет стать глобальным игроком. Один из опытейших специалистов в области внешней политики этой страны Раджа Мохан выдвигает в качестве аргумента мощь Индии, позволяющую «занять подобающую ей по праву позицию на мировой арене». Сам премьер-министр Моди в 2015 году без обиняков заявил: «Прошли времена, когда Индия вынуждена была просить милостыню. Теперь мы хотим того, на что имеем право. Индия заслуживает место постоянного члена Совета Безопасности ООН».

Постановке столь амбициозных целей способствовал феноменальный рост Индии с 1990-х годов. Глобальные амбиции Индии подкрепляются как ядерной программой, так

и крупными инвестициями в программу космических исследований с возможностью использования в военных целях. Впрочем, ее желания часто блокируются Китаем, например, в вопросе реформирования Совета Безопасности ООН. Вместе с правительствами других стран Китай воспрепятствовал приему Индии в эксклюзивный клуб «Группы ядерных поставщиков», контролирующей трансфер ядерных технологий. Постоянные дипломатические подножки Китая оскорбляют чувство собственного достоинства индийской элиты.

Несмотря на нормальные дипломатические и экономические отношения между Китаем и Индией, а также ряд встреч между Нарендрой Моди и Си Цзиньпином, соперничество между двумя странами усиливается. «Братские» китайско-индийские отношения времен Неру и Мао Цзэдуна давно прошли. В 2005 году США и Индия заключили так называемую ядерную сделку, в которой США де-факто признали статус Индии как ядерной державы, невзирая на то, что она не присоединилась к Договору о запрещении ядерного оружия. Тем самым эта страна была признана стратегическим партнером США в глобальной конкурентной борьбе с Китаем.

Если бы нынешние хрупкие и напряженные отношения между Индией и Китаем можно было укрепить за счет кооперационных связей, это имело бы колоссальные положительные последствия для экономики и безопасности не только этого региона, но и далеко за его пределами.

По военным затратам Индия теперь занимает третье, а Китай второе место в мировом рейтинге, опережая Россию и уступая лишь США. Ежегодно Китай тратит на свои военные цели свыше \$260 млрд, а Индия к настоящему моменту – более \$70 млрд. Таким образом, военный бюджет Китая почти вчетверо больше военного бюджета Индии, тогда как два десятилетия назад обе страны тратили примерно поровну. Невзирая на нерешенные социальные и политические проблемы, их правительства ощущают себя центрами влияния в Азии и стремятся обрести ведущие политические, экономические и военные позиции.

В Индии смотрят на дипломатическую, экономическую и военно-морскую активность Китая в Индийском океане как на растущую угрозу для себя. Не считаясь с затратами, Китай инвестирует в проекты по строительству портов в различных странах: от Шри-Ланки до Пакистана, от Мьянмы до Бангладеш и Джибути. Индийские эксперты по вопросам безопасности говорят о «кольце» в виде «ожерелья» из таких опорных баз и требуют модернизации вооружения Военно-морских сил Индии. Китайское правительство, конечно же, опровергает военные намерения любого рода, однако портовые мощности двойного назначения не оставляют сомнений в возможности их использования как в гражданских, так и в военных целях.

В свою очередь Китай обеспокоен партнерством между США и Индией. Правительства в Нью-Дели и Пекине то и дело предпринимали попытки укрепления взаимного сотрудничества. Вопреки призывам премьер-министра Моди к региональному со-

трудничеству прибрежных государств бассейна Индийского океана в Нью-Дели растет обеспокоенность растущим влиянием Китая и его стратегией, нацеленной на изоляцию Индии. Ввиду большого потенциала этих двух азиатских государств существующий уровень сотрудничества между ними никак нельзя назвать достаточным. Если бы нынешние хрупкие и напряженные отношения между Индией и Китаем можно было укрепить за счет кооперационных связей, это имело бы колоссальные положительные последствия для экономики и безопасности не только этого региона, но и далеко за его пределами. И все же пока что на повестке дня – стремление к наращиванию вооружений. Обе страны играют мускулами, чтобы в случае необходимости быть готовыми к военному конфликту.

➤ **Профессор, доктор Герберт Вульф** (Herbert Wulf) с 1994 по 2001 год возглавлял Боннский международный центр по конверсии (BICC). Он остается ведущим научным сотрудником BICC, а также старшим научным сотрудником института проблем развития и мира в университете Дуйсбург – Эссен, исполнительным директором которого был ранее, а в 2012 – 2013 годах работал в должности старшего научного сотрудника в исследовательском центре Käte Hamburger Kolleg.

Вышли из класса...

... но не все перешли в онлайн. Государство должно обеспечить равный доступ к полноценному дистанционному обучению.

Александра Горчинская

В связи с пандемией коронавируса COVID-19 многие страны столкнулись с вызовом – необходимостью перейти на дистанционную форму обучения в школах и вузах. Как подсчитало издание The Economist, еще в марте из-за пандемии закрылись школы для миллиарда детей в мире. В такой ситуации оказались, к примеру, Италия, Франция, Япония, 43 штата в США, а также Северная Африка, Южная Америка и другие. Некоторые страны внедрили лишь частичный карантин – так поступила, к примеру, Бразилия.

Готовы к этому были не все. Если у одних уже была готовая модель для работы, то другим приходилось ставить процесс на рельсы с нуля.

К примеру, для Украины такой опыт оказался совсем новым, ведь ранее необходимости полностью переходить на дистанционную форму не было. Новую систему обучения пришлось фактически формировать с нуля общими усилиями: властей, учителей, родителей и активистов в сфере образования.

Украинские власти со своей стороны предложили инновационное решение – проект «Всеукраинская школа онлайн». Его разработали по инициативе Офиса президента и запустили на базе одной из киевских школ. Для онлайн-школы специально отобрали группу учителей – они проводили уроки и в записи, и в прямых эфирах.

Многие участники образовательного процесса не имеют доступа к Интернету, у них нет персональных компьютеров и ноутбуков. А значит, они попросту лишены возможности полноценно обучаться онлайн.

Этот формат оказался палкой о двух концах. С одной стороны, «Всеукраинская школа онлайн» дала возможность и учителям, и школьникам опробовать инновационные подходы и методы в обучении. С другой же стороны, выяснилось, что многие участники процесса – и педагоги, и ученики – не имеют доступа к Интернету, у них нет персональных компьютеров и ноутбуков. А значит, они попросту лишены возможности полноценно обучаться онлайн. Еще одна не менее важная проблема – низкая цифровая грамотность населения.

За время своей работы «Всеукраинская школа онлайн» успела оказаться в центре сразу нескольких скандалов: учителя несколько раз допускали ошибки в ходе уроков в прямом эфире, а накануне Пасхи рассказать ученикам о праздничных традициях украинской диаспоры пригласили преподавательницу английского из США Елену Марченко. Она провела урок на фоне радужного флага ЛГБТ, что и вызвало большой резонанс.

Бурную реакцию среди украинцев спровоцировало и заявление властей о возможной отмене Внешнего независимого оценивания (ВНО), которое традиционно проводится в июне. ВНО – это обязательная оценка знаний для абитуриентов, которые хотят стать студентами украинских вузов. Отменив ВНО, Украина рисковала вернуться к коррупционным схемам во время вступительных экзаменов. По состоянию на текущий момент независимое оценивание все-таки решили проводить офлайн, как и всегда.

В отличие от школ, какой-либо единой платформы для обучения в украинских вузах не придумали. Поэтому каждый университет путем проб и ошибок подбирал наиболее оптимальные для себя форматы: видеоконференции в Zoom, лекции в видеозаписи, чаты в мессенджерах и т.д.

Частично перешла на удаленное обучение и Беларусь. В этой стране выбор в пользу удаленки носит рекомендательный характер, поскольку президент Александр Лукашенко так и не ввел жесткий карантин. Он считает, что смертность от коронавирусных пневмоний в Беларуси мала для таких радикальных шагов.

В Армении во время карантина уроки транслировали онлайн на Facebook-странице Единого информационного центра и специальном канале в YouTube.

В ведущих университетах мира для преподавателей разработали единые инструкции: как готовить онлайн-лекции, записывать видео, где размещать материалы онлайн и какие приложения лучше использовать

Грузинским школьникам достойно завершить учебный год помог проект «Телешкола», по сути напоминающий «Всеукраинскую школу онлайн». Обучение проводилось не только на грузинском, но и на армянском и азербайджанском языках, чтобы захватить негрузиноязычные сегменты населения. Министр образования Грузии Михаил Чхенкели принял участие в первом саммите трансформации виртуального образования, организованном компанией Microsoft. Там он рассказал о проблемах, с которыми столкнулась грузинская система образования в условиях карантина. В связи с тем что уже осенью в мире ожидают вторую вспышку коронавируса, Грузия готова начать новый учебный год все так же – дистанционно, если это будет действительно необходимо.

А в Молдове на дистанционном обучении оказались и школы, и вузы: педагоги использовали, в основном, формат видеоконференций, групповые чаты со студентами в мессенджерах типа Viber и онлайн-лекции через Zoom. Однако и здесь преподаватели столкнулись с неожиданными препятствиями. С одной стороны, у них отпала необходимость тратить время на дорогу в университет и обратно. С другой – больше времени стало уходить на проверку и расшифровку домашних заданий, ведь выяснилось, что многим студентам легче выполнить задание от руки, письменно, сфотографировать его и переслать преподавателю в чат, рассказала в интервью молдавскому изданию NewsMaker Анжела Колацки, преподаватель факультета международных отношений Молдавского госуниверситета. Этот университет также использует для обучения платформу для управления курсами и онлайн-обучением Moodle.

В ведущих университетах мира, таких как Гарвард или Принстон, все совсем по-другому. В этих вузах для преподавателей разработали единые инструкции: как готовить

онлайн-лекции, записывать видео, где размещать материалы онлайн и какие приложения лучше использовать. Для организации онлайн-занятий в режиме аудио- или видеоконференций там рекомендуют Zoom, а для курсов – платформы Canvas и Blackboard.

Удачная интеграция онлайн-обучения в общую образовательную программу поможет сделать учебу более разнообразной, интерактивной и гибкой, адаптированной к разным внешним условиям

Полноценное дистанционное обучение совершенно не является новинкой, например, для Китая. Университет в Цинхуа разработал собственную онлайн-платформу для удаленного обучения Rain Classroom еще в 2016-м. Приложение быстро завоевало популярность среди студентов и профессоров других китайских вузов. Особенно актуальной программа оказалась в разгар эпидемии COVID-19.

И Украина, и другие страны также могут последовать китайскому сценарию: быть готовыми использовать формат дистанционного обучения в дальнейшем. Удачная интеграция онлайн-обучения в общую образовательную программу может стать одним из удобных, инновационных форматов обучения в школах и вузах по всему миру наряду с очным аудиторным обучением. Это поможет сделать учебу более разнообразной, интерактивной и гибкой, адаптированной к разным внешним условиям.

Полноценное дистанционное обучение заработает лишь тогда, когда все участники образовательного процесса будут иметь равный доступ к такому формату

Но на полную силу все заработает лишь тогда, когда все участники образовательного процесса – и педагоги, и ученики – будут иметь равный доступ к такому формату. Персональные ноутбуки для каждого школьника, компьютерные классы в каждой школе, быстрый Интернет в региональных учебных заведениях и, конечно же, технически подготовленные учителя, которые умеют работать с новым форматом, – вот на что стоит сделать ставку правительствам уже сегодня. Не секрет, что от качества образования во многом зависит благосостояние каждого государства.

Именно сейчас, во время летних каникул, наступило время для активной подготовки, ведь никто не дает точных прогнозов, какой будет эпидемиологическая ситуация в мире осенью и как начнется новый учебный год.

☞ **Александра Горчинская** (Oleksandra Horchynska) — журналист сайта НВ. Ранее она работала в таких украинских изданиях, как Update, Weekend и Detector Media. Посвящает свои материалы социальным проблемам и табуированным в обществе темам, включая ЛГБТК+, сексуальные услуги, гендерная дискриминация, домашнее насилие и многое другое.

Робин Гуд или Аль Капоне?

Преступные банды, наркокартели и мафия умело используют пандемию, чтобы изобразить из себя благодетелей и укрепить свою власть

Янина Павелц

Коронавирусная пандемия изменила расклад сил во всем мире. Организованная преступность также ощутила на себе ее влияние. Закрытие национальных границ, ограничение свободы передвижения и авиаперелетов, оборвавшие международные цепочки поставок организованных преступных группировок и синдикатов, поставили под угрозу их существование. Наркокартели терпят убытки на рынках сбыта. У них возникли трудности с импортом химических составляющих из Китая, необходимых для изготовления наркотиков. Меры, предпринятые из-за эпидемии, нарушили и сложившиеся каналы контрабанды по проверенным маршрутам, а также подкупа лиц, играющих ключевую роль в торговле наркотиками и людьми.

С введением ограничений на передвижение в некоторых странах Латинской Америки и Карибского бассейна значительно снизилось количество убийств. Радостная новость для этих стран. Но с учетом того, что такое снижение объясняется временными ограничениями на свободу передвижения, оно продлится недолго. Напротив, в Колумбии вооруженные формирования даже воспользовались ограничениями мобильности жителей страны в своих целях: с начала кризиса зафиксировано 28 покушений на активистов, борющихся за права человека. Преследования и убийства активистов в Колумбии явление не новое, но отныне террористам, благодаря ограничениям на передвижение, хорошо известно, где можно настичь свои жертвы – дома.

В условиях коронавирусной эпидемии преступные банды активизировали сотрудничество с растерявшимся и оказавшимся под угрозой экономического краха населением. Это может повлечь за собой далекие идущие последствия в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем уголовники, преступные группировки и картели благодаря инновациям, высокой приспособляемости и стремлению к выживанию не хуже, чем у бизнесменов, быстро открыли для себя новые возможности. Они ловко пользуются кризисом, чтобы преподнести себя в качестве благодетелей-альтруистов и укрепить структуры власти на местах. Организованная преступность в долгосрочной перспективе, скорее всего, извлечет для себя выгоду из кризиса.

Способность к быстрому и эффективному приспособлению стала дарвинистским кредо преступных банд. Дух предприимчивости представителей уголовных организаций в условиях коронакризиса проявился, например, в кражах и торговле такими материалами

медицинского назначения, как маски, дезинфекционные средства и тесты на COVID-19. Об этом же свидетельствует и производство дезинфекционных средств, не содержащих действующих веществ, а также торговля препаратами, которые якобы могут быть применены для борьбы с коронавирусом. Инновационные предложения по оказанию услуг типа доставки на дом дают возможность продолжать торговлю наркотиками. Быстро были найдены или возрождены новые контрабандные маршруты, например, на севере Колумбии, сквозь территории, покрытые девственными джунглями, в направлении Панамы.

В условиях коронавирусного кризиса банды уголовников активизировали сотрудничество с растерявшимся и оказавшимся под угрозой экономического краха населением. Это может повлечь за собой далеко идущие последствия в долгосрочной перспективе. Так, во многих странах Латинской Америки банды и наркокартели учредили неформальные программы оказания помощи, чтобы поддержать людей, оказавшихся из-за пандемии на грани банкротства и получивших мизерную помощь от официальных властей, а то и вообще лишенных ее. В Мексике, Бразилии, Сальвадоре наркокартели и банды ввели комендантский час и воплощают его в жизнь под угрозой насилия. Через социальные сети они рассылают информацию о правилах соблюдения своих предписаний.

Во многих случаях преступные банды, мафиозные структуры и картели правят свой бал вовсе не в отсутствие государства или вместо него. Напротив, она находятся с ним в амбивалентной и тесной внутренней взаимосвязи.

В Интернете распространяются фотографии продуктов питания и предметов повседневного пользования, распределяемых мексиканскими наркокартелями среди населения. В некоторых частях Италии мафия предлагает свою финансовую поддержку ресторанам и предприятиям, оказавшимся на грани разорения. В Неаполе и Палермо мафия поставляет продукты питания жителям прямо на дом. Таким образом она завоевывает расположение тех, кто страдает от ограничений в связи с мерами по борьбе с коронавирусом и не в состоянии обеспечить себя сам. Члены преступных кланов используют закупки продуктов питания, чтобы обозначить свое присутствие в контролируемых ими кварталах и продолжить торговлю наркотиками. Одновременно они предлагают финансовую поддержку лицам и магазинам, существование которых оказалось под угрозой, а государственная помощь к ним поступает с опозданием. В Японии преступные организации наподобие якудза также используют шанс на повышение социального имиджа, передавая в дар маски, дезинфекционные средства и туалетную бумагу аптекам и детским садам.

Предложения по оказанию помощи со стороны организованных банд имеют последствия на многих уровнях. Согласно исследованиям, могут появляться банды, способные приспособливаться к новым экономическим реалиям и брать на себя социальные функции в своих общинах. Они считают себя защитниками местного населения, равно как и его работодателями. В рамках неформальных правовых систем они совмещают функции правоохранителей и судей. Когда преступные банды пользуются возможностью брать на себя заботу о местном населении, этот феномен часто связывается со слабостью го-

сударства или несостоятельностью его институтов. Но во многих случаях преступные группировки, мафиозные структуры и картели правят свой бал вовсе не в отсутствие государства или вместо него. Напротив, она находятся с ним в амбивалентной и тесной внутренней взаимосвязи.

Часто банды уголовников находятся в отношениях пособничества, а то и симбиоза с важными государственными чиновниками, сосуществуя и сотрудничая с ними в разных формах. Правда, нарратив сопротивления несостоятельности государства может оказать и мобилизующее влияние. Об этом свидетельствует пример президента Бразилии Жаира Болсонару с его приумножением угрозы пандемии, играющим на руку преступникам. Однако в других случаях банды воплощают в жизнь и распоряжения правительства. Преступные группировки типа гангстерских шаяк и мафии получают возможность преподнести себя в качестве благодетелей-альтруистов и оказать реальную помощь людям, попавшим в беду.

Преступные группировки и наркокартели могут извлечь для себя пользу и вне рамок нынешней пандемии. Во-первых, стремление к экономическому выживанию толкает их на новые изобретения для освоения новых источников доходов, которые могут обрести прочную основу в долгосрочной перспективе. Прогнозируемый экономический кризис также может сыграть на руку организованной преступности. Банды уголовников могут извлечь для себя пользу из всеобщего недовольства и раздражения, преподнося себя союзниками местного населения и легитимируя свою функцию самопровозглашенных представителей жилых или городских кварталов. Они попытаются втянуть в свою (социальную) систему безработных или выходцев из социально незащищенных семей. При этом в некоторых случаях они ведут себя как работодатели, не говоря уже о многообразии возможностей сделать карьеру в уголовном мире – торговле наркотиками, проституции или рэке, и заманивают работой в легальных неправительственных организациях и фирмах, строящих дома или улицы.

При этом они пользуются возможностью поставить в зависимость от себя местное население. Ведь контроль за соблюдением ограничений на передвижение в целях защиты населения и распределение гуманитарной помощи, продуктов питания, а также финансовые вливания продиктованы далеко не альтруистскими целями. Банды втягивают семьи и предприятия в свои махинации. Позже они потребуют плату за свои услуги, в том числе и с применением насилия. Одновременно преподнося себя в качестве заботливых Робин Гудов, они получают возможность повысить свой социальный престиж. Это может способствовать набору новых членов и готовности населения покрывать преступные деяния банд. Если возникнет структура власти, базирующаяся как на распространении страха и угрозах применения насилия, так и на социальной активности, банды и картели смогут относительно беспрепятственно вести свою деятельность. Они плетут сети, сотканые из взаимной зависимости, солидарности и форм социального влияния. Обычные граждане станут пособниками. Ведь, невзирая на помощь преступных банд, мафии или наркокартелей людям, оказавшимся в беде, все они есть и остаются волками в овечьей шкуре.

⊗ **Д-р Янина Павелц** (Janina Pawelz) работает научным сотрудником Института исследований мира и политики безопасности Гамбургского университета. Она изучает формы политического, коллективного и урбанистического насилия, а также вопросы общественного мира и радикализации.

Смертельный подарок

Перед коронавирусом все равны? Миф. Вирус, завезенный богатыми в Латинскую Америку, с особой силой ударил по бедным.

Свенья Бланке

Клеониче, Рамона и Соня умерли от коронавируса. В судьбе этих трех женщин отразилась трагическая история распространения смертельного вируса в Латинской Америке, которая отныне, по данным ВОЗ, стала новым эпицентром пандемии.

Клеониче Гонсалвес трудилась домработницей в Рио-де-Жанейро и лишь в выходные поехала домой. Двухчасовая дорога на работу оказалась для нее слишком длинной. Рамона Мендель вместе с дочерьми, мужем и другими родственниками жила в районе крупнейших трущоб Villa 31, расположенных в самом центре Буэнос-Айреса. Она ухаживала за одной из дочерей, прикованной к инвалидной коляске. Соня Санчес работала таксисткой в компании Uber и часто возила прибывающих в международный аэропорт Боготы гостей в город, так как на этом более длинном маршруте можно было больше заработать. Она заразилась от одного из пассажиров, который привез вирус из Европы. Клеониче подхватила инфекцию от своей работодательницы, которая провела летний отпуск (в Бразилии, Аргентине и Чили это январь и февраль) в Италии.

В случае с Рамоной цепочку распространения инфекции установить не удалось, но ее смерть особенно трагична с учетом того, что за несколько недель до этого она то и дело пыталась обратить внимание на опасную для здоровья ситуацию в знаменитых на всю Аргентину трущобах. В то время как правительства всех стран и городов объявили кампании по соблюдению гигиены для защиты от инфекции, у многих из 40 тыс. жителей Villa 31 в апреле не было водопроводной воды, а значит, у них не было возможности соблюсти элементарную меру предосторожности – помыть руки.

Смерть трех женщин безжалостно обнажила социальные язвы этого субконтинента. Разносчиками вируса в данном регионе, как и в Европе, стали туристы-бизнесмены и отдыхающие. Однако государственные системы здравоохранения в Латинской Америке оказались слишком слабыми для оказания эффективной помощи большому числу внезапно заболевших людей. А вирус не признает границ и не останавливается ни перед кем. Да и сама по себе эпидемия ведет себя далеко не демократично. Она особенно больно бьет по определенным категориям населения. В Латинской Америке к группам риска, помимо стариков и людей с перенесенными ранее заболеваниями, относятся прежде всего бедняки. Первые случаи заболевания были зафиксированы в зажиточных кварталах таких латиноамериканских мегаполисов, как Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Сан-Паулу, Мехико, Богота или Сантьяго. Но сегодня, почти три месяца спустя, инфекция переместилась из шикарных кондоминиумов и охраняемых высоток в продуваемые насквозь фавелы.

Люди из разряда Клеониче, Рамоны или Сони, имеющие минимальную медицинскую страховку, а то и вовсе лишенные ее, слишком поздно обращаются к врачам из-за страха перед большими расходами. Государственные или коммунальные больницы часто не располагают необходимой инфраструктурой. В свою очередь, более зажиточные граж-

дане спасаются в частных, хорошо оснащенных клиниках. Смерть рассказала о многом. Она вскрыла считавшееся ранее абстрактным социальное неравенство и связанные с ним неравные шансы на выживание: работодательница Клеониче не считала нужным разъяснить своей домработнице потенциальную угрозу заражения. А ситуация в трущобах Рамоны наглядно продемонстрировала, насколько сложно придерживаться элементарных правил гигиены и соблюдать карантин в густонаселенных бедных кварталах с плохой инфраструктурой. В Лиме и пригородах, например, треть из проживающих там 10 млн человек не имеют доступа к проточной воде.

Над социальным миром, который в Чили или Бразилии еще до коронавируса был на грани развала, нависла реальная угроза

Коронавирус пришел в Латинскую Америку с определенной задержкой во времени. Почти во всех странах практиковалось сочетание различных форм социального дистанцирования с государственными мерами по гарантированию минимального дохода или смягчению наименее худших социальных и экономических последствий. Но в каждой стране пандемия повлекла за собой различные политические последствия: в Чили до недавнего времени поутихли даже социальные протесты, в других странах поляризация и радикализация среди политиков и в обществе возросли, а в Аргентине, например, произошла скорее деполяризация. Но общим для всех является то, что вирус стал огромной угрозой для слабых систем здравоохранения. В средне- и долгосрочной перспективе последствия для экономики этого региона могут оказаться катастрофическими. Над социальным миром, который в Чили или Бразилии еще до коронавируса был на грани развала, нависла реальная угроза.

Еще в марте ответственные чиновники из сферы здравоохранения в различных странах обращали внимание на то, что Южная Америка может понести самые большие жертвы вследствие инфекции COVID-19 в мире. В принципе – это только вопрос времени. Пик по числу инфицированных с учетом ограничений на передвижение и связанного с ним сокращения случаев заражения будет достигнут лишь в конце мая или июня – по крайней мере, в странах, которые приняли решение пойти на такие меры на национальном уровне. Бразилия стала большим исключением, а потому и возглавила печальную статистику смертей от коронавируса в Латинской Америке. Следом за ней идут Чили, Мексика и Перу. Во всех странах региона индекс заболеваемости составляет 1,1 или 1,2; в Чили за последнюю неделю этот показатель взлетел до отметки 1,9.

Если произойдет смягчение карантинных мер, робкие попытки чего уже можно наблюдать, то этот показатель снова вырастет во всех странах. А пострадают главным образом жители бедных кварталов, в частности, и обитатели трущоб Villa Azul. На этой южной окраине Буэнос-Айреса в конце мая было подтверждено 84 случая заражения коронавирусом. После этого квартал был заблокирован. Три тысячи его жителей были отправлены на групповой карантин, чтобы защитить соседние жилые районы и избежать последующей вспышки массовых заболеваний.

В большинстве случаев жители таких селений теряют свои доходы из-за сворачивания или полной остановки экономической активности. Многие заняты в теневом секторе, кормятся ручным трудом, работают на строительстве, торгуют на улице, собирают метал-

лолом или макулатуру; сбережений нет, слово «домашний офис» звучит так, как будто оно пришло с другой планеты. Тот, кто имеет постоянное рабочее место, вынужден довольствоваться работой по сокращенному графику. Действует закон: если ничего не продать, придется голодать. Страхование на случай безработицы существует лишь в таких южных странах, как Аргентина, Уругвай или Бразилия.

Вирус, проникающий в фавелы или бедные кварталы латиноамериканских мегаполисов, сталкивается там с миром нищеты, хронического голодания, больших инфраструктурных проблем и уже существующих угроз для здоровья: туберкулеза, лихорадки денге или диабета. Организованная преступность проникает во все ниши, оставшиеся без внимания государства. Банды берут на себя распределение лекарств и продуктов питания.

Вирус, проникающий в фавелы или бедные кварталы латиноамериканских мегаполисов, сталкивается там с нищетой, хроническим голоданием, большими инфраструктурными проблемами и уже существующими рисками для здоровья

Пандемия COVID-19 обрушилась на Латинскую Америку в момент ее большой экономической уязвимости. С 2010 по 2019 год темпы роста ВВП стран этого региона снизились с 6 до 0,2 процента; к тому же период с 2014 по 2019 год стал, начиная с 1950-х годов, самым низким по темпам экономического роста, составившим 0,4 процента. Динамика, с которой развивается пандемия, ввергнет этот регион в глубочайший экономический и социальный кризис за многие десятилетия. Зависимость от продажи нефти, других видов сырья или туризма во времена глобальной рецессии означает отрицательный рост и дальнейшее углубление социального неравенства. По предварительным оценкам, число новых безработных составит более 11,5 млн человек. Но больше всего пострадает неформальный сектор. Уже сейчас, согласно оценке Международной организации труда (ILO), 54 процента южноамериканцев заняты в неформальном секторе. По данным Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL), к концу 2020 года 34,7 процента (214,7 млн) человек будут проживать в бедности, а 13 процентов (83,4 млн) – в условиях крайней нищеты.

80 процентов населения Латинской Америки живет в городах. В свою очередь, каждый четвертый городской житель обитает в нелегальных, густонаселенных кварталах с неясной картиной отношений собственности и отсутствием таких базовых инфраструктурных услуг, как водопроводная вода, электричество или канализация. Несмотря на различия между странами, вся Латинская Америка из-за коронавирусного кризиса дрейфует в сторону очень нестабильной и опасной реальности. Никаких признаков региональных инициатив пока не видно. Каждый в данный момент занят тушением своего собственного пожара.

Ⓢ **Д-р Свеня Бланке** (Svenja Blanke) является руководителем отдела в Фонде им. Фридриха Эберта по вопросам Латинской Америки и стран Карибского бассейна. Ранее она была издателем научно-социального журнала *Nueva Sociedad* в Буэнос-Айресе. С 2005 по 2009 год возглавляла представительство Фонда в Мексике.

Амбиции Турции в Северной Африке

Османское наследие: Турция наращивает свое присутствие в восточном Средиземноморье и активно вовлекается в конфликт в Ливии

Расим Марц

С момента свержения диктатора Каддафи силами НАТО в 2011 году Ливия стала ареной гражданской войны и столкновения геополитических интересов. При этом конфликт из-за большого числа участвующих в нем государств обрел новый масштаб.

Сейчас он превращается в огромный пожар, угрожающий всей системе европейской безопасности на ее южном фланге. Турецкие беспилотники, системы противовоздушной обороны и военизированные формирования изменили ход событий в ливийском конфликте и обеспечили выживание правительства Файеза ас-Сарраджа в Триполи, которое уже все списали со счетов. Теперь на местах работают турецкие военные советники.

Турция при президенте Эрдогане поставила перед собой цель создать военную базу на североафриканском побережье. В течение нескольких лет ей удалось занять лидирующие позиции на рынке боевых беспилотных летательных аппаратов и наладить продажу своих систем динамично развивающимся странам третьего мира. Во внешней политике Турции появились новые акценты, которые должны помочь ей обрести столь желанный статус глобального игрока и по-новому сформулировать свои гегемонистские устремления.

Однако обозначились и признаки сопротивления турецкому присутствию в Ливии: Египет, Франция, Объединенные Арабские Эмираты, наиболее активно поддерживающие мятежного генерала Халифу Хафтара, после провалившейся блокады Триполи решили отказаться от пассивной позиции в конфликте и активно вмешаться в происходящее. Турция не только решительно отвергает требования Франции, адресованные Европейскому союзу, о применении к ней санкций за несоблюдение эмбарго на поставки оружия сторонам конфликта. Она обвиняет Францию в том, что та сама усилила боевую мощь генерала Хафтара посредством поставок военных гуманитарных грузов и тем самым подорвала позиции признанного ООН правительства Сараджа в Триполи. Возникшая на днях угроза столкновения турецких и французских фрегатов у побережья Ливии положила начало новому «ледниковому периоду» в отношениях между Анкарой и Парижем.

Неопределенность Европейского союза при поиске общей внешней политики и политики безопасности нашла свое отражение в серьезных расхождениях позиций отдельных европейских государств. Это особенно ярко проявилось в случае с Ливией. Попытка Германии добиться перемирия и улучшить ситуацию с беженцами посредством проведения берлинской конференции по Ливии потерпела неудачу не только из-за позиции сторон конфликта, но и в силу расхождений между национальными интересами таких государств ЕС, как Франция, Греция и Италия.

Визит министра обороны Италии в Анкару стал еще одним подтверждением того, что в Европейском союзе нет единства по этому вопросу. Бывшее колониальное государство

Италия в лице нефтяного концерна ENI – крупнейший иностранный игрок в области разведки и добычи нефти и газа в Ливии. Италия оказывает поддержку Турции, чтобы воспрепятствовать расширению влияния Франции в Сахеле и не допустить французский концерн Total на ливийский рынок нефти. Турция дала правительству в Триполи гарантии военной безопасности нефтяных месторождений. Министр Турции по энергетике и ресурсам Фатих Дёнмез в сотрудничестве с ливийским концерном NOC планирует добычу и поставки нефти на турецкий рынок.

Неопределенность Европейского союза при поиске общей внешней политики и политики безопасности нашла свое отражение в серьезных расхождениях позиций отдельных европейских государств. Это особенно проявилось в случае с Ливией.

Ливия для Турции – хорошо знакомая территория: свыше 350 лет эта страна была частью Османской империи. Кемаль Ататюрк, человек, возродивший из руин павшей империи новую Республику Турция, в 1911 году в чине майора воевал против итальянцев в ливийской пустыне. Он овладел приемами партизанской войны бедуинов, которые позже успешно применил в национально-освободительной войне Турции с крупными европейскими державами. Османское правление и 100 лет спустя отчетливо дает о себе знать в обществе и культуре Ливии. Теперь правительство этой страны собирается назвать большой бульвар в Триполи именем самого известного из всех османских султанов – Сулеймана Великолепного. При нем османцы в 1551 году захватили Триполи у Мальтийского ордена, получившего эту территорию в качестве земельного надела от династии испанских Габсбургов. Наряду с Алжиром и Тунисом Триполи принадлежал к числу самых важных военных морских опорных пунктов Османской империи. Эрдоган стремится продолжить эту традицию.

Важный с геостратегической точки зрения город-порт восточного Средиземноморья стал доходным местом пиратского промысла, поддерживаемого на государственном уровне, и работорговли. Отсюда осуществлялась координация грабежей городов, расположенных на европейском побережье, в связи с чем крупные державы того времени Испания, Генуя и Венеция даже спланировали совместную военную экспедицию с целью обратного захвата Триполи. Этот замысел в конце концов привел к катастрофе в сражении у острова Джерба. Османцы под предводительством паши Триполи, адмирала Тургут-реиса одержали убедительную победу и нанесли тяжелые потери значительно превосходящим силам христианского альянса. Адмирал по сей день пользуется славой национального героя, о чем с 1986 года напоминает памятник в Стамбуле. Торжественное открытие провел премьер-министр, а затем президент Тургут Озал, имеющий исламистские и консервативные убеждения. Его внешняя политика была нацелена на сферу бывшего влияния Османской империи и легла позже в основу турецкой доктрины при Реджепе Тайипе Эрдогане.

Османское наследие в Северной Африке может послужить прочной основой для формирования альянсов с целью реализации интересов Турции. Три года назад уже покойный президент Туниса Эс-Сейси и турецкий президент при включенных камерах заверяли всех в дружбе между обеими странами. «У нас общий флаг», – заявили главы

государств, что было воспринято как сигнал, выходящий за рамки национальной символики и общей истории. Ответвление мусульманского братства – Партия возрождения – до сегодняшнего дня является наиболее многочисленной фракцией тунисского парламента, а в лице Рашида аль-Ганнуши имеет и своего спикера. Она пользуется репутацией про-турецкой политической силы и в тлеющем конфликте в этом регионе ищет союза с Турцией. Светский глава тунисского государства Каис Саид хотя и выступает за дальнейшее соблюдение строгого нейтралитета в конфликте, но его страна имеет общую границу с Ливией протяженностью свыше 400 км. Обвинения в равнодушии к ситуации, когда горит дом соседа, ежедневно влекут за собой репутационные потери Саида, что идет только на пользу мусульманскому братству и особенно Анкаре.

Египетский диктатор аль-Сиси назвал Турцию врагом и уже озвучил угрозы начать войну в случае, если Анкара направит в Ливию сухопутные войска

Египетский диктатор аль-Сиси назвал Турцию врагом и уже озвучил угрозы начать войну в случае, если Анкара направит в Ливию сухопутные войска. Удар с воздуха, нанесенный две недели назад по авиабазе аль-Ватия, которая используется турецкими военными, приписывают Объединенным Арабским Эмиратам и Египту. Аль-Сиси является важнейшим сторонником генерала Хафтара и опасается мусульманского братства в собственной стране, все еще пользующегося поддержкой значительной части египетского населения и хранящего политическое наследие покойного президента Мухаммеда Мурси. Его составной частью являются также особые отношения с Турцией и Эрдоганом, который до сих пор в знак солидарности со своими союзниками в Египте эффектно использует приветствие в форме символа «Рабаи». Поэтому режим аль-Сиси прилагает особые усилия для достижения быстрого решения по Ливии, чтобы окончательно отодвинуть турецкое влияние в регионе Средиземноморья. При этом делается ставка на помощь со стороны государств, имеющих серьезные расхождения с Турцией в вопросе ресурсов Средиземноморья или конфликта в Сирии.

И тут Греция – желанный для него партнер. Турция усматривает в угрозе расширения зоны греческого побережья до 12 морских миль попытку объявить Эгейское море «греческим». В 1995 году из-за этого вопроса возникла угроза войны между двумя государствами – членами НАТО. Основание Восточно-Средиземноморского газового форума без участия Турции побудило Анкару договориться с правительством в Триполи о создании морского коридора между территориальными водами Ливии и Турции. Этот коридор не признается Афинами, а потому после открытия генерального консульства Греции в Бенгази можно ожидать совместных действий со стороны Греции и генерала Хафтара. Решение турецкого правительства о повторном превращении важного символа православного христианства Святой Софии в мечеть нужно воспринимать и с этой точки зрения. Ливия станет для Европейского союза и НАТО испытанием на прочность.

☞ **Расим Марц** (Rasim Marz) – историк, публицист и эксперт по истории Османской империи и современной Турции.

На ее плечи

В Украине социальные сокращения компенсируются за счет женщин. Неолиберальную парадигму должна сменить политика гарантии прав человека.

Нина Потарская

Последние годы население Украины находится в ситуации кризисного реагирования и поиска стратегий для выживания в новых, стремительно ухудшающихся условиях: политический кризис; вооруженный конфликт на Востоке Украины; новый цикл мирового экономического кризиса и его усугубление, вызванное последствиями карантинных ограничений, связанных эпидемией COVID-19.

Разрушение социальной инфраструктуры в результате вооруженного конфликта на Востоке Украины в первую очередь затронуло интересы женщин. Согласно данным Министерства социальной политики, с 2013 года в Украине среди получателей пособия по уходу за ребенком мужчины составляют лишь 1%, остальные 99% получателей – женщины. Следовательно, репродуктивный труд по уходу за детьми и взаимодействие с образовательными и медицинскими заведениями практически полностью на плечах женщин.

Женщины компенсируют сокращение социальных услуг за счет увеличения своей неоплачиваемой работы по уходу. Это, среди прочего, сокращает их время на оплачиваемую работу и участие в социальных, политических, экономических и культурных сферах. Замещение социальной инфраструктуры женским трудом по уходу за членами семьи истощает его, а кумулятивный эффект от такой эксплуатации женщин может иметь критические последствия в различных сферах социальной жизни, в том числе и в построении устойчивого мира. Как правило, женщины играют значимую роль в своих общинах по достижению устойчивого мира.

Политика социальных сокращений и жесткой экономии ведет к стремительному ухудшению качества жизни женщин. Карантинные меры, связанные с COVID-19, умножили вышеперечисленные проблемы.

Карантинные меры, связанные с COVID-19, умножили вышеперечисленные проблемы, добавив еще больше репродуктивной нагрузки: обучение детей и уход за пожилыми родственниками.

Эта череда вызовов и угроз правам женщин формировалась задолго до коронакризиса и конфликта. Еще в 2010 году, при рассмотрении седьмого периодического отчета Комитет CEDAW (Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) выразил обеспокоенность тем, что «осуществление либеральных реформ привело к появлению массовой бедности, которая сделала почти невозможным, особенно для женщин, использование большинства конституционных прав».

Спустя семь лет на 66-й сессии Комитета CEDAW был представлен совместный те-невой отчет от имени Международной женской лиги за мир и свободу совместно с украинскими общественными организациями. В частности, в отчете обращается внимание на результаты интервенций международных финансовых институтов, в первую очередь МВФ, которые посредством кредитования украинской экономики в каждом следующем меморандуме ужесточают свои требования по отношению к социальным статьям бюджета, чем увеличивают нагрузку на население.

К примеру, согласно требованиям МВФ, планируется сокращение 20% рабочих мест государственного сектора. Женщины составляют более 75% госслужащих, соответственно, такое сокращение диспропорционально влияет на них. Занятость в государственном секторе и структурах управления действительно нуждается в реорганизации, однако сокращение рабочих мест должно проводиться параллельно с программами профессиональной переподготовки для работников, попадающих под сокращение, чтобы они могли найти работу в других секторах экономики.

МВФ в каждом следующем меморандуме о кредитовании украинской экономики ужесточает свои требования по отношению к социальным статьям бюджета, чем увеличивают нагрузку на население

Почти по всей территории Украины проходит «оптимизация» школ и больниц. В Украине более 20 тыс. школ, ежегодно закрываются 200-300 учебных заведений. Эта «оптимизация» в первую очередь влияет на женщин, поскольку они составляют почти 80% общего числа сотрудников. Даже если заработная плата в этих секторах является самой низкой, женщины могли рассчитывать на стабильный доход и социальные гарантии, в том числе пенсии, оплачиваемый отпуск, отпуск по беременности.

Проследив результаты последовательных социальных сокращений, не сложно оценить всю драматичность нынешнего года, когда ко всем вышеперечисленным проблемам добавился коронакризис и глобальная экономическая рецессия. Согласно результатам мониторинга «Влияние пандемии коронавируса на жизнь женщин и девушек, проживающих в населенных пунктах вдоль контактной линии (в Донецкой области)», многие проблемы оказались не новыми, но их негативный эффект значительно усилился и стал тревожно ощутимым, что в свою очередь значительно ухудшило качество жизни женщин. Больше всего жители районов вдоль контактной линии нуждаются в финансовой, медицинской и психологической помощи.

По информации респонденток, после внедрения карантинных мер существенно повысились цены на продукты, что в условиях ограниченных возможностей для заработка, связанных с продолжающимся конфликтом и карантинными ограничениями, является непосильной нагрузкой на домохозяйства. Самой большой трудностью является отсутствие или ограничение транспортного сообщения между населенными пунктами. Плохая логистика влечет за собой проблему ограниченного доступа к медицине и медикаментам, дезинфицирующим средствам и средствам гигиены. Жители сел без персонального транспорта остались отрезанными от больниц и амбулаторий, это также отразилось на качестве работы больниц.

В связи с пандемией обострились проблемы домашнего насилия. Повысилась потребность в психологическом консультировании, поскольку вследствие пандемии большинство (две трети) опрошенных чувствуют тревожность, имеют расстройства сна или депрессию.

Отдельной проблемой является совмещение воспитания детей и работы. Когда многие учебные заведения, педагоги и ученики оказались не готовы к переходу на обучение онлайн ввиду отсутствия стабильного выхода в Интернет и технических средств, большая нагрузка по поддержанию и контролю за обучением легла на родителей, в основном на женщин.

Кроме того, нарушился привычный уклад домохозяйств, где также присутствует распределение ролей по гендерному признаку, и в связи с этим можно говорить об увеличении домашней нагрузки на женщин.

Перспективы долгосрочной глобальной рецессии вызывают серьезную обеспокоенность по поводу того, как будут устранены эти пробелы в защите прав человека и, в частности, прав женщин. Политика социальных сокращений и жесткой экономии ведет к стремительному ухудшению качества жизни женщин, оказывает кумулятивный эффект на истощение женского репродуктивного (уходового) труда, а также негативно влияет на возможности развития экономики страны в целом.

Хотелось бы надеяться, что для восстановления после пандемии будут использованы рекомендации Генерального секретаря ООН, аналитических центров и женских правозащитных организаций, где речь идет о смене неолиберальной парадигмы в сторону заботы и гарантий защиты прав уязвимых групп населения. И восстановление после пандемии приведет к расширению прав и участию женщин в государственных делах с тем, чтобы мы были более устойчивыми к таким кризисам в будущем.

Выборы без выбора?

Лукашенко не допустил главных конкурентов к выборам. Беларуси угрожает новая изоляция со стороны ЕС и США и усиление зависимости от России

Арсений Сивицкий

14 июля Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Беларуси огласила список кандидатов на пост президента, выборы которого намечены на 9 августа. В итоге конкуренцию действующему президенту Беларуси Александру Лукашенко составят: Анна Канацкая, бывший депутат нижней палаты белорусского парламента – Национального собрания; Сергей Черечень, председатель партии «Белорусская социал-демократическая Грамада»; Андрей Дмитриев, сопредседатель общественного объединения «Говори правду»; Светлана Тихановская, супруга популярного Youtube-политического блогера Сергея Тихановского.

Как и предсказывали многие эксперты, главные альтернативные претенденты и по совместительству наиболее популярные соперники – экс-глава «Белгазпромбанка» Виктор Бабарико и бывший дипломат, экс-глава белорусского Парка высоких технологий Валерий Цепкало – не были зарегистрированы из-за формальных оснований. Первому из них, который к тому же находится сейчас под арестом из-за обвинений в отмывании денег и уклонении от уплаты налогов, отказали в регистрации из-за несоответствия декларации о доходах и имуществе, а также участия иностранной организации в его избирательной кампании. Второй – не смог собрать необходимые 100 тыс. подписей для выдвижения, а также в связи с существенным несоответствием сведений в декларации его супруги.

Весьма вероятно, что незарегистрированные кандидаты попробуют реализовать стратегию так называемого умного голосования, позволяющую консолидировать протестное голосование вокруг одной фигуры, выступающей против Александра Лукашенко.

Пожалуй, главной интригой до последнего момента оставался допуск к следующему этапу избирательной кампании Светланы Тихановской, супруги изначально третьего после Виктора Бабарико и Валерия Цепкало наиболее популярного кандидата Сергея Тихановского. На момент подачи заявлений на регистрацию инициативных групп в самом начале избирательной кампании он находился под административным арестом и не смог присутствовать лично, в этой связи вместо него в гонку решила вступить его жена.

С первого взгляда список кандидатов на пост президента Беларуси для действующей власти и лично Александра Лукашенко кажется безопасным. Это следует в том числе из выводов, содержащихся в недавно «слитом» секретном документе Оперативно-аналитического центра (ОАЦ) – спецслужбы, подчиняющейся президенту Республики Беларусь.

В документе утверждается, что рейтинг президента сейчас составляет 76 процентов, а всех альтернативных претендентов в совокупности – около 16 процентов. Также утверждается, что «Дмитриев, Черечень и Канопацкая идут на выборы исключительно для повышения собственной узнаваемости в качестве политических деятелей».

Более того, согласно докладной записке ОАЦ, уровень доверия президенту Республики Беларусь способен в ближайшей перспективе достичь 80 процентов, что «практически исключает серьезные электоральные риски в ходе избирательной кампании, а также сводит к минимуму возможность иных негативных проявлений».

Вместе с тем первые негативные реакции как на международной арене, так и внутри Беларуси не заставили себя долго ждать сразу же после оглашения решения ЦИК. Первым забил тревогу Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель, указав на тот факт, что отказ в регистрации Виктора Бабарико и Валерия Цепкало ограничивает возможность белорусского народа выражать свою волю, а также подрывает честность и демократичность выборов. Евросоюз также ожидает от Беларуси уважения прав граждан на свободу выражения мнений и мирных собраний в течение недель, предшествующих выборам.

Непропорциональное применение насилия со стороны белорусских силовиков приводит к обратному эффекту – к усилению и консолидации протестных настроений в белорусском обществе

Однако практически сразу после того, как Брюссель озвучил этот предостерегающий меседж официальному Минску, белорусские власти провалили и этот тест. Вечером 14 июля на улицах городов Беларуси начались стихийные протестные акции людей, недовольных итогами регистрации кандидатов в президенты. Уже по традиции власти ответили на них задержаниями с применением силы, а кое-где даже произошли ожесточенные стычки с милицией. По данным белорусских правозащитников, только в Минске вечером 14 июля было задержано более 150 человек, а в ночь на 15 июля сообщалось как минимум о 215 задержанных по всей стране.

Судя по всему, это не последняя протестная акция. Уже вечером 15 июля штабом Виктора Бабарико запланирована массовая подача жалоб в ЦИК на решение о регистрации. На 3 августа, за неделю до президентских выборов, намечена генеральная репетиция «пробной общенациональной забастовки» продолжительностью 2,5 часа для выражения требований об освобождении так называемых политических заключенных, а также обеспечения справедливости избирательного процесса. Главная забастовка-протест запланирована на 10 августа, то есть на следующий день после выборов президента. Более того, весьма вероятно, что незарегистрированные кандидаты попробуют реализовать стратегию так называемого умного голосования, позволяющую консолидировать протестное голосование вокруг одной фигуры, выступающей против Александра Лукашенко. И таковой может стать Светлана Тихановская, вокруг которой может произойти консолидация протестного электората. Но белорусские власти, судя по всему, от нее не ждут никаких сюрпризов, используя арест ее мужа в качестве инструмента давления.

С самого начала политическое руководство избрало жесткий сценарий проведения избирательной кампании. Точечные репрессии и задержания белорусских оппозиционных политиков и блогеров, способных выводить протестующих на улицы, начались еще во время первого этапа избирательной кампании – в конце мая.

Тактический расчет белорусских властей понятен: силой подавить протестные настроения в их самом зачатке и попытаться удержать ситуацию под контролем, избегав масштабных протестных акций. При этом последние события указывают на то, что непропорциональное применение насилия со стороны белорусских силовиков приводит к обратному эффекту – к усилению и консолидации протестных настроений в белорусском обществе.

Хотя и без этого для протестов хватает причин, главными из которых выступают экономический кризис и падение уровня жизни белорусских граждан, особенно в малых и средних городах, а также негативные последствия эпидемии коронавируса, на которую белорусские власти не смогли сформулировать эффективный ответ, поставив под угрозу жизнь и здоровье собственных граждан. Противоречивый подход белорусских властей в борьбе с коронавирусом самым непосредственным образом ударил по ядерному электорату Александра Лукашенко и нескольким столпам системы, включая пенсионеров, жителей сельской местности и малых городов, медиков, учителей и военнослужащих, испытавших на себе и своих близких негативные последствия эпидемии. Социологические опросы показывают, что 86% белорусских граждан считают меры, предпринятые властью, недостаточными. Эти значения очень легко могут конвертироваться в протестные настроения.

Если спираль насилия и эскалации раскрутится, Беларусь ждет новый период изоляции со стороны ЕС и США, что автоматически усилит зависимость Беларуси от России

Судя по всему, белорусские власти бесповоротно сделали ставку на жесткий сценарий проведения президентской кампании. Такое развитие событий чревато не только риском потери внутривнутриполитической стабильности, особенно если спираль насилия и эскалации раскрутится до случайного или намеренного кровопролития, но и угрозами утраты легитимности на международной арене в глазах Запада, падением интереса Китая к сотрудничеству с Беларусью, а также внешним вмешательством со стороны России во внутренние дела.

Хотя ЕС и США заявляют, что выступают за независимость и суверенитет Беларуси, но права человека и демократия останутся определяющими для них при формировании внешней политики в отношении страны. И пока что Минск сам сужает своими репрессивными действиями поле для маневра.

В негативном сценарии при чрезмерно непропорциональной жесткости белорусских силовиков против политической оппозиции, гражданского общества и независимых медиа в ближайшие недели с последствиями в виде роста числа политических заключенных, массовых задержаний и риска кровопролития Беларусь ждет новый период изоля-

ции со стороны ЕС и США, что автоматически усилит зависимость Беларуси от России. Но прежде всего это сделает позицию Минска более слабой и уязвимой в глазах Москвы, которая не отказывается от амбициозных геополитических планов углубления интеграции между Беларусью и Россией в рамках Союзного государства, несмотря на отказ Александра Лукашенко от этой сделки.

Собственно говоря, вмешательство Кремля во внутренние дела Беларуси в рамках предвыборной кампании идет полным ходом. По крайней мере, именно так оценивает ситуацию официальный Минск. Не так давно стало известно, что в Беларуси были задержаны несколько сотрудников российской военной разведки (ГРУ ГШ ВС РФ). И судя по всему, в этот раз Москва не будет удовлетворена исходом в виде внешнеполитической изоляции и новых западных санкций против Беларуси, как это было в период между выборами президента в 2010 году и началом российско-украинского конфликта в 2014-м. Кризис внутренней и внешней легитимности белорусской власти рискует создать благодатную почву для продвижения Кремлем российских стратегических интересов в Беларуси, но без учета национальных интересов белорусского общества и государства.

Ⓢ **Арсений Сивицкий** (Arseny Sivitsky) – сооснователь и директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований, руководитель программы исследований проблем региональной и международной безопасности, магистр философских наук.

Тревожно, но не безнадежно

Есть ли место для стран «Восточного партнерства» в повестке дня председательства Германии в ЕС?

Сергей Герасимчук

Германия остается экономическим локомотивом Европейского союза, а ее председательство в Совете Европы, особенно в период формирования бюджета ЕС на следующие семь лет, будет влиять на определение приоритетов развития Европы на среднесрочную перспективу. Для стран «Восточного партнерства»

это было довольно ожидаемым событием. Предполагалось, что период председательства Германии совпадет с проведением саммита «Восточного партнерства», а, следовательно, была надежда, что в обсуждении будущего этого проекта Берлин будет принимать активное участие.

Однако события последних месяцев внесли свои коррективы. Все-таки саммит «Восточного партнерства» прошел в формате видеоконференции в июне (период председательства Хорватии), и было принято решение, что долгосрочные цели «Восточного партнерства» будут окончательно утверждены лишь в начале 2021 года на саммите в Брюсселе.

Кроме того, борьба с распространением COVID-19, а также восстановление экономики стали приоритетными вопросами внутриевропейской и международной повестки дня, они определенно затмевают вопросы отношений с соседями.

Найдется ли для восточных соседей ЕС – стран «Восточного партнерства» место в повестке дня немецкого председательства?

Чем больше смогут предложить и продемонстрировать Европе страны «Восточного партнерства» в сфере защиты климата, цифровизации и политики безопасности, тем более привлекательными партнерами они будут

Первичные признаки указывают на то, что восточноевропейское направление не является приоритетом Программы председательства. Восточные соседи упоминаются в документе наряду с Западными Балканами, южными соседями и Африканским континентом, а «Восточное партнерство» – лишь в контексте необходимости имплементации решений саммита. Об Украине же говорится наряду с Сирией, Ливией и регионом Сахель.

Если же вчитаться в текст внимательнее, то можно заметить, что программа не так равнодушна к Восточной Европе в общем и к Украине в частности. В части, которая касается России, документ гласит: «Германия поддерживает высокого представителя, который вовлечен в активное формирование отношений ЕС – Россия, на основании пяти принципов ЕС и отчета об их имплементации». Речь идет о решении министров иностранных дел ЕС и высокой представительницы Федерики Могерини от 14 марта 2016

года. Три из пяти принципов крайне актуальны для стран Восточной Европы. Во-первых, ЕС настойчиво требует полного выполнения Россией Минских договоренностей: только это может стать предпосылкой для снятия санкций. Во-вторых, ЕС стремится развивать и углублять отношения с постсоветскими республиками, включая Украину. В-третьих, Европа будет укреплять свои позиции по отношению к российским угрозам в сфере энергетической безопасности, гибридных угроз и дезинформации.

Для усиления присутствия стран Восточной Европы во время немецкого председательства нужно учитывать и другие приоритеты Германии. Так, один из ключевых вопросов нынешнего председательства – защита климата. Чтобы оставаться в поле зрения немецкого истеблишмента, странам «Восточного партнерства» следует занимать в этом вопросе более активную позицию.

То же касается цифровизации и общей политики безопасности. Чем больше страны «Восточного партнерства» смогут предложить и продемонстрировать Европе, чем больше усилий приложат к тому, чтобы следовать европейским напутствиям и оставаться стратегически мыслящими, амбициозными, гибкими и инклюзивными, тем более привлекательными партнерами они будут.

Странам «Восточного партнерства» следует обратить внимание на отношения ЕС с важными мировыми игроками и задуматься о том, как не попасть в жернова их конкуренции

Кроме того, странам «Восточного партнерства» следует обратить внимание на отношения ЕС с важными мировыми игроками, ведь в ближайшие полгода будут заложены основы развития Евросоюза на следующую декаду.

Прежде всего на повестке дня остро стоит вопрос трансатлантического диалога. Не секрет, что отношения канцлера Германии Ангелы Меркель и президента США Дональда Трампа не сложились. И речь не только в личных разногласиях. Своей политикой «Make America Great Again» США продемонстрировали некоторое пренебрежение традиционным европейским партнерам. Настойчивость Трампа в попытках заставить европейских партнеров увеличить расходы на оборону, символическое требование к Германии оплатить счета «за обеспечение безопасности» и, наконец, решение вывести американские войска с территории Германии продемонстрировали, что внешняя политика США меняется.

Конечно, выборы в США, которые состоятся как раз во время немецкого председательства в ЕС, могут изменить ситуацию. Но в Берлине, похоже, пришли к пониманию: отношения с Вашингтоном уже не будут прежними. Европе придется больше рассчитывать на себя.

Страны «Восточного партнерства», подписавшие с ЕС Соглашение об ассоциации, должны учитывать этот фактор. Для них сотрудничество с Вашингтоном в сфере безопасности является основополагающим, а вызовы, связанные с трансатлантическими разногласиями, являются особо острыми. В этом контексте крайне необходимо настаивать на сохранении и усилении трансатлантического сотрудничества в сфере безопасности (к слову, здесь можно полагаться на позицию стран Центральной Европы, которые разделя-

ют такой подход), а также развивать сотрудничество в области безопасности непосредственно между ЕС и «Восточным партнерством» – до нынешнего момента этот компонент не отличался эффективностью.

Следует также принимать во внимание, что председательство Германии в ЕС совпало с обострением отношений с КНР. Германия рассчитывала, что саммит ЕС – КНР в Лейпциге осенью станет одним из главных событий председательства. Между тем саммит перенесен, подготовка Договора о взаимных инвестициях, похоже, зашла в тупик. Изменения в китайское законодательство, усиливающее влияние Пекина в Гонконге, актуализировали вопрос о правах человека в Китае. Если раньше Европа рассчитывала на партнерство с КНР, то теперь в Берлине и Брюсселе осознают: Китай – сложный партнер, и противостоять его растущему влиянию можно лишь при условии сплоченности внутри ЕС. Странам «Восточного партнерства», в частности Грузии, подписавшей в 2017 году с Китаем Договор о зоне свободной торговли, и Украине, которая сейчас формирует свою новую политику в отношении с Азией, необходимо обратить внимание на такую динамику. И если отношения ЕС и Китая пойдут путем эскалации, для стран нашего региона может встать вопрос о том, как избежать потерь и не попасть в жернова их конкуренции.

В конце концов, и с Россией все непросто. Позиция Ангелы Меркель относительно Москвы накануне председательства Германии в ЕС стала жестче. Она не исключает санкций из-за атак «российских хакеров» на бундестаг, а Федеральная прокуратура Германии выдвинула против правительства России обвинение в заказном убийстве бывшего чеченского полевого командира Зелимхана Хангошвили. И хотя диалог Берлина и Москвы продолжается, но Европе надо усиливать свои позиции в этом диалоге: время наивности в двусторонних отношениях – в прошлом. Для стран «Восточного партнерства», подписавших Соглашение об ассоциации с ЕС, это скорее позитивный сигнал, а вот для Армении и Беларуси – повод задуматься, смогут ли они «усидеть на двух стульях».

Таким образом, ситуация для «Восточного партнерства» не безнадёжна. О нем не забыли, а российские аппетиты в ЕС намерены сдерживать.

Ⓢ **Сергей Герасимчук** (Sergiy Gerasymchuk) – заместитель председателя правления Совета внешней политики «Украинская призма», в прошлом – консультант аппарата Верховной Рады Украины, стипендиат программы им. Лейна Киркланда (2011-2012), Эстонской школы дипломатии (2014-2015) и программы Think Visegrad (2017).

Власть улицы

За последнее десятилетие массовые протесты изменили мир, и этой волне не видно конца

**Тобиас Дебиель,
Йоханнес Вюллерс,
Ирене Вайперт-Феннер**

Массовые протесты после смерти Джорджа Флойда показали, насколько хрупким является мир даже в промышленно развитых западных странах. Кроме того, они обладают потенциалом к изменениям в политике. К тому же в них воплотилась еще и широкомасштабная тенденция последнего десятилетия к распространению массовых движений протеста во всем мире, лишь временно прерванная ограничительными мерами, принятыми государствами вследствие коронавирусной пандемии. Вопреки распространенному мнению, 2019 год стал не исключением, а продолжением этой устойчивой тенденции.

Мы были очевидцами десятилетия чрезвычайно разнообразных протестов: начиная с массовых протестов в арабском мире, наложивших свой особый отпечаток на 2011 год, акций протеста против движения ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада) в Германии (с 2014-го), волнений в Турции 2013 года и вплоть до таких транснациональных феноменов, как «Захвати Уолл-стрит» в 2011 году или демонстраций в защиту климата.

Из-за резких ограничений свободы передвижения и собраний, введенных во всем мире с целью нераспространения коронавирусной пандемии, волна протестов временно утихла. Но нынешние демонстрации против расизма и полицейского насилия в США и других странах показали, что конца этой волны ожидать не стоит. На такую же мысль наводит и анализ более глубоких причин массовых протестов, ставших характерной особенностью 2019 года.

В ряде стран с авторитарным правлением, например, Судане, России, или Иране, в 2019 году люди массово вышли на улицу, невзирая на прямую угрозу своему здоровью и жизни

Изучение сообщений СМИ, находящихся в общем доступе, которое провели ведущие немецкие институты исследований мира с целью предоставления отчета о ситуации в данном вопросе, дает представление о размахе этого явления в 2019 году: в целом в 45 странах состоялось 65 акций протеста, в которых приняли участие по меньшей мере 50 тыс. человек. Почти половина акций протеста принесла хотя бы частичный успех. Решающими факторами в его достижении была поддержка протестов широкими слоями населения и длительная кампания по повышению активности населения.

Показательным примером здесь является Алжир. В середине февраля 2019 года состоялись первые протестные акции из-за повторного выдвижения кандидатом на должность президента действующего главы государства Бутефлики, которые быстро охватили всю страну. Помимо широкой поддержки этого протестного движения, важным фактором достижения успеха оказалась стойкость и непоколебимость демонстрантов. Другим

протестным движениям (например, протестам в защиту климата в Австралии или за реформу авторского права в Германии) не удалось добиться подобного влияния на законодательство в своих странах или же они были попросту проигнорированы правительствами, как это произошло в случае с антиправительственными протестами в Сербии.

Примечательны высокие шансы на успех, так как демонстрации охватили политические системы всех окрасок. Преимущественное большинство протестов – 48 процентов – прошло в демократических странах. Примерами тому – массовые демонстрации в Чили, Индонезии и Тунисе, протесты, связанные с Брекситом, в Великобритании, а также протесты в защиту климата во многих странах. Но и в целом ряде стран с авторитарным управлением, в частности в Судане, России или Иране, в 2019 году люди массово выходили на улицу, невзирая на прямую угрозу своему здоровью и жизни.

В прошлом году важную роль в движениях протеста сыграли социально-экономические требования. Волну массового возмущения в Чили вызвало повышение цен на проезд в метро, в Эквадоре – отмена субсидий на горючее, в Ливане – налог на телефонные разговоры по WhatsApp, а в Судане – аннулирование дотаций на хлеб. То, что толчком к широкой активизации масс могут стать меры довольно специфического характера, свидетельствует о глубоко засевшем в сознании большей части населения недовольстве итогами деятельности «своих» правительств. Соответственно протесты быстро наполнялись новым содержанием и продолжались и после отзыва мер, вызвавших критику. Это касается политических систем всех оттенков: в Чили, которую длительное время восхваляли как образцовую демократическую страну, главным стало требование создания учредительного конституционного собрания. В Судане демонстранты вышли на борьбу за свержение диктатора Омара аль-Башира и за переход к созданию гражданского правительства.

Для повышения легитимности процессов преобразования важно, чтобы люди быстро ощутили на себе «дивиденды от революции»

Международное сообщество (особенно в редких случаях успешных антиавторитарных протестов и начала процессов демократизации) должно оказывать политическую и экономическую поддержку этим процессам. Для повышения легитимности процессов преобразования важно, чтобы люди быстро ощутили «дивиденды от революции». Внешнее вмешательство всегда должно сочетать диалог с правительством, с одной стороны, и с оппозиционными силами, а также представителями гражданского общества – с другой.

Большинство людей в 2019 году выходили на мирные протесты, но иногда дело доходило до вспышек насилия в виде репрессий со стороны государства или применения силы со стороны определенных групп демонстрантов. Силы безопасности главным образом в авторитарных режимах, например, в Египте в 2019 году пытались задушить в зародыше попытки активизации масс. Однако и в демократических странах, в частности в Чили или Колумбии, а сейчас и во время акций протеста в США в качестве реакции можно было наблюдать несоизмеримо высокий уровень применения силы государством, что стало предметом острой критики правозащитных организаций.

Могут ли внешние игроки способствовать предотвращению эскалации протестов в насилие? Вполне. Так, в 2019 году в Судане Африканский Союз, с одной стороны, пригрозил при-

менением санкций, а с другой – сделал ставку на посредничество в урегулировании конфликта и диалог, причем достиг успеха. Из этого могут извлечь урок ЕС, а также Германия. Соответствующие стратегии не должны ограничиваться лишь осуждением репрессий со стороны государства, но должны включать в себя широкий спектр мер. Именно целенаправленная поддержка процессов диалога, программ подготовки по неприменению насилия, а также контроль со стороны правового государства за силами безопасности могли бы внести решающий превентивный вклад в достижение мира. Демократические реформы, начатые в результате протестов, должны также получать политическую и финансовую поддержку без особых условий.

В случае непропорционального применения силы государством вполне законным средством является и угроза применения санкций. Впрочем, следует избегать шагов, которые полностью загоняют в тупик государственные элиты. Ведь тогда ряды сторонников режима смыкаются еще плотнее («эффект вагенбурга») и усложняется решение задачи мирного урегулирования конфликта. Пример тому – курс Запада, открыто направленный на поддержку партии, оппозиционной режиму Мадуро в Венесуэле и способствовавший консолидации рядов режима. Проблематичное признание многими странами Хуана Гуайдо президентом Венесуэлы сыграло на руку нарративу правительства о том, что протесты управляются «Западом / из-за границы». В конечном счете была сведена к нулю возможность будущих посреднических международных усилий по урегулированию конфликта.

Спад массовых протестов, обусловленный пандемией коронавируса, похоже, явление временное, о чем свидетельствуют последние демонстрации в США, Франции или Бразилии. А потому Федеральному правительству Германии следовало бы уделить большее внимание этому вызову в дипломатических мерах и политике, осуществляемой в целях развития. На дипломатическом уровне оно призвано занять более активную позицию, как это уже делается в случае с процессами преобразований в Судане. Составной частью инклюзивного процесса демократизации после антиправительственных протестов должно стать вовлечение в него всех общественных групп. Но Федеральное правительство может нарастить свои усилия и по оказанию помощи в целях развития, а также предпринять целенаправленные и быстрые меры для того, чтобы гарантировать успех реформ благодаря прогрессу движений за демократизацию.

Текст написан в соавторстве с Яннисом Заальфельдом (INEF)
и Ионасом Вольфом (HSFK)

⊗ **Профессор, д-р Тобиас Дебиель** (Tobias Debiel) является директором Института исследований развития и мира (INEF) Университета Дуйсбурга – Эссена и содиректором Käte Hamburger Kolleg / Центра по исследованиям в области глобального сотрудничества.

⊗ **Д-р Йоханнес Вюллерс** (Johannes Vüllers) – старший научный сотрудник Института исследований развития и мира (INEF) Университета Дуйсбурга – Эссена. Занимается главным образом исследованием социальных движений.

⊗ **Ирене Вайперт-Феннер** (Irene Weipert-Fenner) – научный сотрудник и руководитель проекта Института им. Лейбница при Гессенском фонде исследований мира и конфликтов во Франкфурте-на-Майне (HSFK).

Во избежание тотального конфликта

Текущее перемирие между Арменией и Азербайджаном нельзя принимать как должное. Диалог важен как никогда.

Лоуренс Броерс

Новая вспышка насилия между Арменией и Азербайджаном может вновь нарушить хрупкий баланс, предотвращающий начало новой войны на Южном Кавказе. И хотя конфликт был исчерпан буквально через несколько дней после его начала, а баланс сил не изменился, новая динамика в очередной раз показывает, что текущее перемирие ни в коем случае нельзя принимать как должное. Учитывая повсеместную радикализацию всех аспектов отношений между этими странами, Баку и Ереван должны срочно вернуться за стол переговоров, дабы достичь функциональных договоренностей по наименее противоречивым вопросам.

Конфликт, разразившийся 12 июля, отнял жизни 18 человек, включая одного гражданского – это стало крупнейшей вспышкой насилия со времен «четырехдневной войны» в апреле 2016 года. И хотя конфликт был исчерпан спустя пять дней, эта эскалация четко продемонстрировала появление новых или усугубление старых тенденций, подвергающих риску хрупкое равновесие, благодаря которому поддерживается мир между Арменией и Азербайджаном.

Во-первых, насилие произошло на де-юре международной границе между Арменией и Азербайджаном, в 200 км от центра спорной территории Нагорного Карабаха. Во-вторых, хоть эта тенденция и не нова, в этот раз поддержка Азербайджана Турцией имела еще более откровенный, активный и агрессивный характер, чем в 2016-м. В частности, сразу же после конфликта было проведено множество встреч между представителями оборонных ведомств обоих государств. Вдобавок к этому во всем мире представители диаспоры и общин эмигрантов из Армении и Азербайджана мгновенно мобилизовались, что во многих случаях привело к стычкам, дракам и вандализму.

Ереван и Баку скорее могут влиять на процессы на основе консенсуса, а не используя авторитарные модели, практикуемые государствами-соседами

В целом июльские столкновения в очередной раз продемонстрировали всю природу давнего конфликта, из-за которой любой спорный вопрос и любой регион (даже расположенный далеко от печально известного Нагорного Карабаха) могут послужить импульсом для новой вспышки насилия между Арменией и Азербайджаном.

Июльская вспышка насилия подвела черту под 36-месячным периодом «подготовки народов к миру». Эта фраза – цитата непосредственно со встречи министров иностранных дел Азербайджана Эльмара Мамедъярова (недавно покинувшего свой пост) и Армении Зограба Мнацаканяна, состоявшейся в январе 2019 года. Действи-

тельно, до июльских событий на передовой царили мир и спокойствие, благодаря чему общественные обсуждения могли касаться не только безопасности, но и множества других тем.

Тем не менее несмотря на широкий спектр предложений, выдвинутых гражданским обществом, «подготовка народов к миру» так и осталась лишь пустым обещанием. После одного-единственного визита журналистов каждой из стран по обмену в ноябре 2019 года Армения и Азербайджан предпочли начать новый цикл символических наступлений.

На протяжении многих лет позиции Армении и Азербайджана касательно ключевых политических вопросов – статуса Нагорного Карабаха, перемещения населения, доступа к региону и обеспечения безопасности на его территории – разительно отличались друг от друга. Увы, после июльских стычек этим странам, похоже, будет как никогда сложно достичь конструктивного диалога касательно Основных принципов или же найти достойную альтернативу.

Примечательно, что возобновление армяно-азербайджанского конфликта совпало с более широким кризисом многосторонней дипломатии. 18 июля, когда затихли последние выстрелы на армяно-азербайджанской границе, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) столкнулась с неожиданным кризисом: государствам-участникам не удалось прийти к согласию о продлении полномочий некоторых ключевых должностей, в том числе Генерального секретаря организации.

Чтобы множественные разногласия не переросли в тотальный конфликт, нужно разбить армяно-азербайджанское противостояние на более мелкие составляющие. Акцент при этом следует сделать на менее противоречивых темах.

И хотя данный поворот событий не окажет прямого влияния на Минскую группу (организацию, выступающую посредником в переговорах между Арменией и Азербайджаном), он является ярким симптомом упадка либерального мира и многосторонней дипломатии. С упадком же мультилатерализма на сцену выйдут более авторитарные модели разрешения конфликтов. Показательным примером таких моделей являются Ливия и многие страны Ближнего Востока.

Несмотря на то что обе стороны часто выражали свое недовольство Минской группой, факт остается фактом: Ереван и Баку скорее могут влиять на процессы на основе консенсуса, а не используя авторитарные модели, практикуемые государствами-соседями. Если же разногласия достигнут стадии тотального конфликта, существует риск потерять контроль над динамикой переговоров между сторонами. Что же можно сделать для разрешения конфликта в данном случае?

Крайне важно не допустить, чтобы множественные разногласия переросли в тотальный конфликт. Сделать это можно, разбив армяно-азербайджанское противостояние на более мелкие составляющие. Акцент при этом следует сделать на менее противоречивых темах. И Армения, и Азербайджан могли бы выиграть, разрешив не принципиальные для обеих сторон споры.

По сути, июльские столкновения стали результатом нерегламентированных событий на втором плане военных действий, не связанном с Нагорным Карабахом и не имеющем для обеих сторон никакого стратегического значения. Поэтому военный конфликт на данной территории не имел никакого смысла с точки зрения защиты интересов любой из сторон. Как раз наоборот: густонаселенные районы по обе стороны границы, как и наличие важной транспортной и энергетической инфраструктуры, являлись дополнительными рисками в случае нарастания конфликта в данном регионе. Поэтому обеим сторонам пошло бы на пользу принятие мер, нацеленных на борьбу с предрассудками и поддержку эффективной коммуникации между сторонами.

Международная антикризисная группа в своем крайне своевременном отчете выделила несколько подобных сфер для сотрудничества в регионе, где в июле произошла эскалация конфликта: сельское хозяйство, восстановление инфраструктуры водоснабжения и очистка территории от наземных мин. Более того, в данном регионе был прецедент инновационной работы организации Saferworld в 2010-2012 годах, целью которой было оказание поддержки механизму гражданского контроля за прекращением огня.

Азербайджан скептически относится к инициативе внедрения инфраструктуры по контролю за прекращением огня вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе. Баку считает данную позицию способом противника сохранить неприемлемый для них баланс сил в регионе. Однако на неспорной территории (на которой до сих пор не была произведена демаркация) инфраструктура по обеспечению перемирия позволила бы минимизировать потенциальные риски. Кроме того, это также помогло бы сделать более предсказуемыми отношения сторон на второстепенном плане боевых действий, где стабильность принесла бы пользу обеим сторонам.

Социальные проблемы и проблемы идентичности становятся не менее серьезным фактором, сдерживающим прогресс переговоров, чем ключевые разногласия

Помимо прагматического подхода к разрешению локальных и двухсторонних конфликтов, лучшие практики в сфере обеспечения мира требуют построения диалога на основе поиска решения для более широких социальных проблем и проблем идентичности. Как правило, такие вопросы не обсуждаются в контексте посредничества ОБСЕ. Между тем, как показывают июльские армяно-азербайджанские конфликты и последовавшая за ними ожесточенная поляризация армянских и азербайджанских общин во всем мире, такая проблематика становится не менее серьезным фактором, сдерживающим прогресс переговоров, чем ключевые разногласия. Дискуссии о национализме, несовпадение взглядов на справедливость, историю и политику памяти, последствия милитаризации и дегуманизации, а также влияние политического патриархата – все эти вопросы играют важную роль в потенциальном разрешении конфликта.

После всплеска насилия всегда очень сложно вернуться к прежнему положению вещей. На данном этапе армяно-азербайджанских отношений эта задача становится еще сложнее. Согласно исследованию 2019-го года, активность неформального диалога

между сторонами достигла самой низкой отметки со времен начала конфликта в далеком 1988 году. Как показали демонстрации в Баку, в подобных условиях реакцию общественности на события на передовой становится все сложнее контролировать и направлять в русло мирных перемен.

Именно по этой причине крайне важно возобновить неформальный диалог между Арменией и Азербайджаном как нормальный и лишенный всяких противоречий элемент взаимодействия между всеми сторонами конфликта.

Милитаризованные общества, замкнутые в собственных тесных мирах, неизбежно превратятся в арены, где лидеры легко могут попасть в ловушку собственного дискурса. Столкнувшись с новым тупиком в переговорах, к которому они же сами и привели, лидеры обоих государств должны наконец увидеть в представителях гражданского общества не очередную угрозу, а ключевых союзников и партнеров. Лишь подобный подход позволит обеим сторонам перейти на новый этап отношений.

🔗 **Лоуренс Броерс** (Laurence Broers) - британский политолог, директор кавказской программы в лондонской организации Conciliation Resources. Более 20 лет занимается исследованием конфликтов на Кавказе, автор и соавтор нескольких книг, среди которых *Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a Rivalry*.

Гонка лабораторий

Россия, Китай или США? Разработка вакцины становится геостратегическим сражением. Йоханнес Варвик о рисках и побочных эффектах.

Йоханнес Варвик

Гонка в разработке вакцины против коронавируса сегодня охватила весь мир. Россия стала первой страной, разрешившей использование такой вакцины. При этом все громче звучат предостережения о последствиях этой гонки. Можно ли объяснить критическую реакцию со стороны США и Европы

на созданный в России препарат исключительной озабоченностью собственной репутацией?

Безусловно, сегодня развернулась гонка за вакцину. Речь идет не только о национальном престиже, но и довольно ярко выраженных национальных интересах. Судя по тому, что стало нам известно, Россия при принятии решения о допуске вакцины не придерживалась стандартов Всемирной организации здравоохранения. Разрешение на применение средства для прививок на огромной территории без результатов клинических исследований в определенном смысле можно сравнить с опытами над людьми. Подобное может позволить себе только такая авторитарная система, которая существует в России, в демократических странах Запада такое немыслимо. Окажется ли ввиду такой предыстории российская вакцина, которой россияне собираются дать название «Спутник V», эффективной или же нанесет вред, сказать пока трудно.

Разрешение на применение средства для прививок на огромной территории без результатов клинических исследований в определенном смысле можно сравнить с опытами над людьми. Такое может позволить себе только авторитарная система, в демократических странах Запада подобное немыслимо.

Время покажет, принесет ли столь необычный российский подход ожидаемый успех. Если Россия станет первой страной, получившей эффективное средство защиты от COVID-19 и предоставившей его своему населению, то это действительно в некотором смысле произведет эффект «спутника», сравнимый с запуском Советским Союзом первого искусственного спутника вокруг Земли в 1950-е годы. В таком случае Россия могла бы получить преимущество в технологической гонке, сулящее ей престиж и экономические выгоды. Если же этого не произойдет, ущерб может оказаться не менее большим. Я не могу себе представить, что Россия сознательно идет на такой риск, а потому выскажу предположение, что она делает это, будучи целиком

убежденной в том, что находится на правильном пути. Но такое самовосприятие может оказаться обманчивым.

А почему разработка вакцины от коронавируса стала новым геополитическим сражением?

Разработка вакцины имеет стратегическое значение для преодоления кризиса столетия, на самом же деле речь идет о том, что все мы ранее называли «всемирным общественным достоянием»: о создании материальных и нематериальных ценностей, крайне важных для значительной части нашего мира, в частности, международной безопасности, свободных торговых путях, полноценной окружающей среде. Тот, кто задавал тон в отстаивании таких ценностей, традиционно определял международную политику и в иных отраслях. В известной степени это был рабочий инструментальный политических гегемонов.

Забота о собственном населении является первейшей задачей каждого правительства. Но умное политическое руководство не впадает при этом в крайности.

Итак, если вакцина – это новое всемирное общественное достояние, нет ничего удивительного в том, что за нее началась гонка на опережение. Однако здесь существует два различных нарратива. Одни утверждают, будто бы эта пандемия продемонстрировала нам необходимость мыслить глобальными категориями и потребность в глобальной структурной политике, когда речь идет о здоровье людей во всем мире. Контрнарратив гласит, что каждая страна в первую очередь должна заботиться о себе сама. Я не знаю, какой нарратив победит. Но в случае победы второго из них нам придется иметь дело с противостоянием национальных государств со всеми вытекающими последствиями. В долгосрочной перспективе выгоду из такой ситуации, наверное, не удастся извлечь никому.

В данный момент главными действующими лицами, похоже, являются Россия, США и Китай, а какое место в этом соперничестве занимает Европейский союз?

Более 150 перспективных разработок вакцины, зарегистрированных в ВОЗ, свидетельствуют об огромных усилиях на различных уровнях. Рано или поздно эффективное средство для прививки удастся получить. Об этом, кстати, человечество на любом другом этапе своего развития могло бы только мечтать. Но самый интригующий вопрос состоит в том, кто получит доступ к нему и кто извлечет выгоду. Все крупные страны, обладающие соответствующими финансовыми возможностями, в последние месяцы либо зарезервировали за собой права на использование прививочных препаратов, либо форсируют исследования, осуществляемые государственными предприятиями или фирмами с долевым участием государства. Власти Германии, инвестировавшие в фармацевтическую компанию CureVac в Тюбингене, в этом смысле не исключение. А выход фирмы CureVac на биржу в США – еще одно доказательство переплетения транснациональных интересов в этой сфере.

США имеют еще и договоренности с немецкой компанией Biontech, а также фирмами Johnsen & Johnsen, Sanofi и рядом других производителей. Такие же договоры заключи-

ли Австралия, Канада, Япония и многие другие государства. В Европе много подобных примеров. Так, например, альянс Германии, Франции, Италии и Нидерландов договорился с британским концерном AstraZeneca о поставке 400 млн доз. ЕС высказал желание присоединиться к механизму финансирования COVAX, созданному ВОЗ совместно с Глобальным альянсом по вакцинам и иммунизации GAVI. До 2021 года планируется закупка 2 млрд доз с целью их справедливого и глобального распределения.

Не является ли стремление европейских государств сделать вакцину общедоступной отчасти наигранным? В конечном счете такие страны, как Германия и Франция, вакцинируют собственное население, прежде чем вспоминают о странах Глобального Юга.

Если главным правилом этой пандемии остается принцип, что «никто не находится в безопасности до тех пор, пока не обеспечена безопасность всех», необходимо распространить его и на распределение вакцин. При этом первейшей задачей каждого правительства остается прежде всего забота о собственном населении. Оказалось, что в такие времена одним из главных показателей успеха или неудачи в деятельности правительства является его способность с минимальными потерями провести страну сквозь пандемию. Но умное политическое руководство не станет при этом впадать в крайности. Таким образом, нам нужен баланс между краткосрочными, сугубо национальными и среднесрочными глобальными интересами, которые на поверку также оказываются национальными.

Станет ли вакцина импульсом к созданию всемирных альянсов, предвестником нового мирового порядка? Какие государства предположительно извлекут пользу из ее создания?

Считаю такое мнение преувеличенным. Проблему в долгосрочной перспективе я усматриваю скорее в том, что международная солидарность для многих может стать в будущем предметом роскоши. Известный принцип «duties beyond borders» («обязанности за пределами границ») в последующие годы может оказаться под сильным давлением. По всей вероятности, каждое государство попытается, насколько это возможно, действовать по собственному расчету, а потому идея международной солидарности может оказаться в известной степени под сильным давлением. Очевидно, это проявится в снижении бюджетов на помощь в целях развития, выходе из международных миротворческих миссий, а также в сокращении средств, выделяемых на оборону. Возникает угроза оттеснения на периферию сначала в дискурсе, а затем и на практике идей космополитизма, международной солидарности и глобальной ответственности.

Как избежать того, чтобы жертвой подобного геополитического состязания не пали такие международные организации, как ООН?

К сожалению, в настоящий момент ООН не играет никакой роли. Хотя заседания Совета Безопасности проводятся, но его деятельность парализована из-за права вето со стороны Китая, России и США. Существуют отдельные структуры ООН, например, программы по развитию или оказанию гуманитарной помощи, действующие вполне эффективно. Это же относится и к Всемирной организации здравоохранения, которая продолжает делать хорошее дело, но в то же время оказывается под огнем политики. Это зашло так далеко, что США объявили о своем выходе, а растущее соперничество за влияние между США и Китаем нашло свое яркое отражение и в ВОЗ.

Итак, система ООН не утратила целиком своей эффективности, а вот мультилатерализм в известном нам смысле действительно испытывает большое давление. События в развивающихся странах исчезли из центра внимания общественности еще и потому, что нам неизвестны точные цифры. Там проводится слишком мало тестов, но если бы большинству стран Африки или конфликтных регионов, начиная от Сирии и заканчивая Ливией или Афганистаном, удалось пройти пандемию лучше, чем нам, это стало бы настоящим чудом. Статистика заболеваний будет расти и там, а это приведет к потере стабильности. Потому знаменитые «черные дыры» в мировой политике, вероятно, лишь увеличатся, и это не может не вселять тревогу.

Интервью провела Клаудиа Детч

➤ **Профессор Йоханнес Варвик** – политолог и преподаватель международных отношений и европейской политики Галле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера. С мая 2019 года – председатель Общества по вопросам политики безопасности (GSP).

«Беларусь входит в самый сложный политический кризис»

Рыгор Астапеня из Минска о том, что люди открыто ненавидят власть, но Лукашенко может уйти только через кровь

Рыгор Астапеня

Нынешнюю президентскую кампанию можно назвать самой конкурентной в истории Беларуси: сильные кандидаты, аресты, нестандартные формы протестов. На оглашенные Центральной избирательной комиссией 80% голосов в пользу Александра Лукашенко страна отреагировала массовыми

протестами. Что, по вашему мнению, дает основания сомневаться в легитимности выборов?

Я не знаю, что дает основания сомневаться в нелегитимности этих выборов. Многие вещи были, конечно же, очевидными, и никто не верил, что выборы будут демократичными. Но такой поток грязных действий со стороны власти в течение последних трех месяцев всех удивил: нерегистрация инициативных групп и кандидатов, десятки уголовных дел, возбужденных по политическим причинам, запреты легальных акций, которые должна была проводить Светлана Тихановская во время избирательной кампании, недопуск независимых наблюдателей на избирательные участки... Я могу продолжать очень долго. Результаты голосования, когда Светлана Тихановская набирает на одном участке 80%, а на другом 10% голосов, также очень явно говорят о том, что выборы сфальсифицированы. Беларусь – это компактная страна, такая разница в электоральной поддержке просто невозможна.

Светлана Тихановская, вокруг которой сплотилась оппозиция, считает себя победительницей и требует мирной передачи власти. Лукашенко же четко дал понять, что не собирается уходить и хорошо подготовлен к силовому подавлению протестов. Уже известно о жестоком обращении с людьми и первых жертвах. Как, по-вашему, могут развиваться события?

Такого в Беларуси никогда не было, и делать какие-то прогнозы пока сложно, но в любом случае страна входит в самый сложный политический кризис. Люди открыто ненавидят власть, они протестуют даже в маленьких городах, где вообще никогда не было протестных акций. Мы имеем очень низкую поддержку Лукашенко на выборах и готовность силовых структур жестоко защищать власть. Они не просто стреляют в оппонентов, они открыто зачищают все поле. Целенаправленно стрелять резиновыми пулями в журналистов – это какой-то очень новый уровень.

Мы наблюдаем беспрецедентную мобилизацию белорусов, которые, рискуя жизнью, решили не молчать. Что объединяет этих людей в первую очередь?

Все знают, что белорусы очень спокойный и мирный народ. Но сейчас люди доведены до отчаяния: система не слышит ничего, кроме того, она хочет репрессировать людей и защитить власть.

Самое ужасное то, что у нас нет пространства для мирного протеста. Ты не можешь мирно выйти на улицу и высказать свое мнение. Вот поэтому пошла волна радикали-

зации в обществе. Вчера появилось видео, как люди на машине таранили ОМОН. Они знают, что за это в Беларуси могут приговорить к смертной казни. Но если тебя забирают в милицию, когда ты стоишь в очереди в магазин, то какие есть варианты? Что ты можешь сделать в этой стране?

Стоит ли за протестующими какая-то политическая сила? Кого можно назвать их лидером и насколько большой у него потенциал?

На самом деле лидера как политического субъекта нет. Вся избирательная кампания была краудсорсинговая. Даже Лукашенко в недавнем интервью признался, что не понимает, с кем борется. Он думает, что есть какой-то политический субъект, но это просто народ, разные группы людей, которые мало чем между собой связаны. Если говорить о мобилизации, то мобилизатором этих протестов является блогер Степан Нехта. Он из Варшавы публикует планы протестов и мобилизует людей.

Какая программа и требования у оппозиции? Возможен ли второй тур выборов?

О втором туре выборов нет речи, потому что Лукашенко уже проиграл их в первом. Если мы верим подсчетам на участках, где подсчет бюллетеней был прозрачный, то Тихановская набирает более 50%. О втором туре речи быть не может еще и потому, что Светлана Тихановская находится вне страны и, может быть, даже вне политики вообще.

Нет никакой программы. В этом проблема краудсорсинг-кампании: все делают что хотят, показывая свое недоверие и недовольство. По большому счету, единственное четко определенное требование – Лукашенко должен уйти. Как это будет на практике, непонятно. Он может уйти только через кровь. Он может уйти только тогда, когда увидит, что силовые органы не способны разгонять акции и расстреливать людей.

В нескольких маленьких городах Беларуси милиция сложила щиты и решила не идти против людей. Есть ли надежда на такой вариант в масштабах страны?

Скорее надежда, но не прогноз или ожидание. Пока я не вижу, что белорусская милиция готова принимать решения в поддержку протестующих. Все, что они делают сейчас, говорит о том, что они готовы защищать Лукашенко всеми способами. Конечно, система может сломаться, но сейчас говорить об этом рано.

Решится ли Лукашенко на дальнейшие аресты, в частности, лидеров оппозиции?

Да, это неизбежно. Власть думает, что чем более brutally она будет действовать, тем больше шансов у этой системы сохраниться. Наверняка будут акции протеста и забастовки. Сейчас будут зачищать информационное поле – это большой вопрос, что делать с крупными сайтами, освещающими события в Минске и во всей стране. Но неизвестно, как долго это продлится, ведь все эти люди тоже белорусы и понимают, что Лукашенко проиграл. Как им разговаривать с соседями, водить детей в школу? Это серьезный тест на человечность.

Станет ли Россия использовать сложившуюся ситуацию в Беларуси в своих интересах или же Кремль наименее заинтересован в дестабилизации?

Россия в Беларуси уже бенефициар. Наверняка сейчас в Москве думают, какие уступки выбить у Лукашенко в обмен за поддержку его. Но там также понимают, что Беларусь стратегически, политически, экономически, культурно и медийно тесно связана с Россией, и не стоит бояться большой переориентации на Запад, если к власти придет нынешняя оппозиция.

ЕС, США и многие другие страны уже осудили насилие в Беларуси, а также призвали к честным выборам и немедленному освобождению всех задержанных. Какой должна быть дальнейшая реакция Запада?

Рычаги влияния Запада в Беларуси очень ограничены. Сейчас идут разговоры о санкциях и финансовой помощи пострадавшим, о поддержке независимых СМИ, юристов и правозащитников. Но повлиять на готовность спецподразделений расстреливать людей Запад вряд ли может.

Интервью провела Ольга Васильцова

➤ **Рыгор Астапеня** (Ryhor Astapenia) – политолог, директор по исследованиям Центра новых идей в Беларуси, научный сотрудник Chatham House в Британии.

Нет причин для паники

Эколог-активист Майкл Шелленбергер объясняет, почему ожидаемые последствия изменения климата преувеличены

Майкл Шелленбергер

В своей девятой и довольно спорной книге под названием: «Апокалипсиса не будет: Почему экологическая паника вредит всем» вы утверждаете, что последствия изменения климата слишком преувеличены. Почему вы пришли к такому выводу?

Вот уже 30 лет я – экоактивист. И предпочел бы слышать об изменении климата не больше, а меньше. Конечно же, с повышением температуры растет и угроза изменения климата. И все же мнения, высказанные в последние годы по этой проблеме, сильно преувеличены. Я полагаю, что они вредят человечеству, ибо способствуют распространению страха и депрессии. Каждый пятый ребенок в Британии уже сегодня страдает от кошмаров, связанных с изменением климата.

Одно из опасений вызвано мнением, что изменения климата ведут к росту стихийных бедствий. Согласно определению Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), понятие стихийного бедствия заключается во вредных последствиях экстремальных метеоявлений для человека и объектов его собственности. Ураган, который никому не вредит, не является в этом смысле стихийным бедствием. Исходя из этого, ситуация с природными катаклизмами, учитывая снижение числа вызванных ими смертей за последние 100 лет на 90 процентов, не ухудшилась, а улучшилась. Человечество стало намного более устойчивым к ним, что отчасти объясняется такими простыми технологическими решениями, как метеорологические прогнозы, ветрозащита и усовершенствование инфраструктуры, например, в Юго-Восточной Азии.

К тому же мы находимся в разгаре газовой революции – главным образом в связи с добычей газа на шельфе, а также производством посредством гидравлического разрыва пластов в Соединенных Штатах. А это означает, что у нас есть намного более выгодный природный газ, выделяющий в два раза меньше углерода по сравнению с углем. А потому маловероятно, что температура на нашей планете возрастет более чем на 3 °C. Кроме того, существует большая неопределенность в плане прогнозирования температурного режима. В принципе, все сходятся во мнении, что при двойном росте концентрации в атмосфере CO₂ от 280 до 560 миллионных долей произойдет повышение температуры в диапазоне от 2 до 4,5 градуса. Точный показатель неизвестен даже ученым.

Но все мы, конечно же, заинтересованы в менее резком повышении температуры, ибо оно порождает изменения, к которым вместе со всеми иными биологическими видами приходится приспосабливаться и нам. Я прочитал большинство отчетов IPCC об изменении климата. Ни в одном из них нет речи о жертвах. Это не означает, что изменение климата не остается без последствий, но трудно представить себе разворот, вызванный стихийными бедствиями, в сторону увеличения снижающейся в течение длительного периода смертности.

Единственной угрозой, способной вызвать массовый рост смертности, может оказаться падение производства продовольствия, однако благодаря индустриализации сельского хозяйства за последние 200 лет нам удалось существенно увеличить избыточные объемы производства продуктов питания. Для удержания этой тенденции крайне важно обеспечить доступ бедных стран к технологиям орошения, удобрениям, тракторам и другому сельскохозяйственному оборудованию. Определенное повышение температуры в мире не нивелирует преимущество модернизации сельского хозяйства в бедных странах. Вряд ли стоит ожидать отката от устойчивых тенденций развития в плане увеличения продолжительности жизни, уменьшения количества смертей, вызванных стихийными бедствиями, и перепроизводства продуктов питания.

Повышение температуры воздуха и рост количества периодов сильной жары означают уменьшение объемов урожая и более тяжелые условия труда под открытым небом, в частности для уязвимых групп населения глобального Юга. Не следует ли нам попытаться сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать этому?

Франция, например, в 2003 году пострадала от нескольких убийственных периодов жары, унесших жизни многих людей. В 2006-м последовала общественная кампания, и были предприняты другие меры для защиты тех, кто особенно восприимчив к жаре. Погибло меньше людей, чем предполагалось ранее. Если посмотреть на вещи с этой точки зрения, то оказывается, что мы не всецело пассивны по отношению к подобным катаклизмам. Мы в состоянии подготовиться к увеличению осадков, лесным пожарам и более мощным ураганам. Возможно, они станут не более частыми, а более интенсивными. И все же мы можем подготовиться к явлениям такого рода.

Чрезмерное внимание, уделяемое богатыми странами изменению климата, уводит в сторону от решения главной задачи – создания необходимой инфраструктуры во всем мире

А что со странами, не имеющими таких ресурсов, как Франция?

Часто в качестве аргумента в пользу активных действий против изменения климата у нас используют положение людей в бедных странах. Для меня очень важна борьба за освобождение людей от бедности. Это миссия моей жизни и моей организации. Я отправился в поездку по Конго, чтобы увидеть, как живут люди в этой стране. Там, например, нет систем защиты от затоплений. Я живу в холмистой местности, вблизи Беркли в Калифорнии. На случай проливных дождей существует система отвода дождевой воды от моего дома в целях его защиты от затопления. А вот в Конго, где бывают проливные дожди, дома людей то и дело оказываются подтопленными. В случае изменения климата можно ожидать ежегодного увеличения количества осадков от пяти до восьми сантиметров. Тем не менее для Конго такой рост осадков – не главная проблема. Решающее значение имеет то, что там вообще нет систем защиты от затоплений.

То же касается и сельского хозяйства. За день до моей встречи в Конго с крестьянкой, имеющей подсобное хозяйство, весь ее батат съели павианы. Уже сегодня люди, а также их урожай находятся там во власти капризов природы. Решающей для избыточного

производства продуктов питания в Конго является возможность использования людьми систем орошения, тракторов или удобрений, а также доступ к дорогам и иным вещам, необходимым для современного сельского хозяйства. Чрезмерно большое внимание, уделяемое богатыми странами изменению климата, уводит в сторону от решения главной задачи – создания необходимой инфраструктуры во всем мире. Не существует науки, исповедующей идеи о том, что изменение климата ведет к массовому дефициту продуктов питания. Производство продуктов питания в достаточных объемах, разрушительные последствия наводнений или смерти из-за сильной жары в бедных странах прежде всего зависят от их экономического развития, а для этого им необходима дешевая энергия.

Все богатые страны разбогатели благодаря вырубке леса под сельскохозяйственные угодья и использованию ископаемых источников энергии

Вы критикуете подход на основе «устойчивого развития», исповедуемый промышленно развитыми странами в отношении развивающихся стран. Так, например, Европейский инвестиционный банк (EIB) к 2021 году прекратит выдачу кредитов на проекты по ископаемым источникам энергии. Что же в этом плохого?

Вы спрашиваете, что плохого в том, что богатые страны лишают бедные государства основы их благосостояния? Большинство этических систем предполагают отказ от ущемления прав других людей. Германия, Франция и все другие наши страны зависят от ископаемых энергоносителей и современных видов энергии. И вот теперь EIB заявляет о прекращении финансирования производства электроэнергии из природного газа в таких бедных странах, как Мозамбик и Конго. Германия сама делает большую ставку на природный газ и уголь. Если бедные страны стремятся использовать свои дешевые и существующие в избытке ископаемые источники энергии, нужно предоставить им такую возможность. Европейцы не должны мешать им в этом.

Сегодня развивать экономику намного тяжелее по сравнению с XVIII или XIX веком. Представьте себе, что Конго или Мозамбик захотели составить конкуренцию Китаю, например, в производстве товаров. Нам не следовало бы усложнять им эту задачу, настаивая на использовании дорогой энергии. Такие организации, как Всемирный банк, направляют все деньги на семинары по демократии, экологическое сельское хозяйство, солнечные батареи на крышах или аккумуляторные батареи, не обеспечивающие необходимого для производства объема энергии, вместо того чтобы расходовать их, как ранее, на развитие, а именно, строительство дорог, энергосетей, защиту от затоплений, сооружение дамб. Если вы хотите, чтобы бедные страны оставались бедными, достаточно просто продолжать нынешнюю европейскую политику в целях развития. Я считаю ее противоречащей этике и явно лицемерной.

Была ли Европа вправе в период с 900 по 1900 год вырубать леса на европейском континенте? Все богатые страны разбогатели благодаря вырубке леса под сельскохозяйственные угодья и использованию ископаемых источников энергии. Нынче, после того как сами сделали это, мы выбиваем стул из-под ног других. При этом еще и говорим: «Быть такими богатыми, как мы, аморально».

Богатые люди часто путешествуют по беднейшим странам мира со своими фотокамерами стоимостью в несколько тысяч долларов и рюкзаками стоимостью в 500 евро, приговаривая: «Что ж, будем надеяться, эти люди не сделают ошибок, допущенных нами». Это верх высокомерия, и это звучит из уст людей в зажиточных странах. Мы можем летать на турбореактивных самолетах по миру. Я считаю это отвратительным проявлением некоего религиозного пыла людей. Мысль о том, что бедных людей нужно держать в узде, не имеет ничего общего ни с христианством, ни с просвещенностью. После Второй мировой войны все заговорили об отказе от колониального поведения. А потому и африканцам нужно дать возможность получить доступ к современной инфраструктуре.

Похоже, сегодня перспективным путем стала «зеленая трансформация экономики». ЕС внес на рассмотрение «Европейский зеленый курс», а Джо Байден представил свой план экологически чистых видов энергии. Вы сами в прошлом отстаивали идею возобновляемых видов энергии. Однако ваша книга скорее производит впечатление крестового похода против возобновляемых источников энергии. Чем объясняется такой скептицизм?

Возобновляемая энергия была топливом доиндустриальных наций. Европе удалось отойти от сжигания древесины лишь благодаря использованию ископаемых источников энергии. Без угля промышленная революция была бы невозможной. Проблема с современными регенеративными источниками энергии та же, что и с примитивными: энергоемкость носителей, в данном случае солнца и ветра, слишком низкая. Чтобы добыть объем энергии на солнечной электростанции, сопоставимый с электростанцией, работающей на природном газе или атомной энергии, необходима площадь в 400 раз больше. Промышленные ветросиловые установки вредны по иной причине: их лопасти уничтожают насекомых, летучих мышей и птиц, что порождает серьезные экологические проблемы. Если нам хоть немного дорога наша естественная окружающая среда, нужна более компактная организация выработки электроэнергии и ведения сельского хозяйства, чтобы избежать захвата ими все больших территорий.

Стремление к возобновляемым источникам энергии проистекает из романтического представления о природе. В основе его лежит предположение, что солнечные электростанции и промышленные ветросиловые установки более близки к природе, нежели газовые или атомные электростанции. Но это очевидная глупость, ибо солнечные панели или ветровые генераторы не менее искусственны и противоестественны. Развитие этих промышленных видов возобновляемой энергии поддерживалось под маркой охраны природы, но на самом деле оказывало разрушительное влияние на ландшафт и животный мир.

В своей книге вы критикуете путь, которым пошла Германия. Она планирует отказать от атомных электростанций до 2022 года, а от угольных – не позднее 2038-го. В прошлом году доля возобновляемых энергоносителей в чистой выработке энергии впервые превысила долю ископаемых источников энергии. При этом сохраняется положительное сальдо экспорта энергии. Невзирая на это, экономический рост составил 0,6 процента. В таком подходе я не вижу проблемы. А вы?

А я вижу. Возьмем Францию и Германию, которые легко поддаются сравнению. По интенсивности выбросов диоксида углерода немецкая электроэнергия в 10 раз превосходит французскую. Немцы платят за электроэнергию в 1,7 раза больше, чем французы. Франция ориентирована в основном на атомную электрогенерацию, в то время как Германия отказывается от атомной энергетики в пользу возобновляемых видов энергии. Ни

одна страна в мире не делает столь большой упор на возобновляемую энергетику, как Германия. Но за это время счета немцев за потребление электроэнергии возросли на 50 процентов. Предположительно к 2025 году страна будет расходовать свыше 500 млрд евро на поддержку развития возобновляемой энергетики и ее инфраструктуры.

Если бы такие средства потратить на атомные электростанции, то они полностью бы вытеснили ископаемые виды топлива из общей энергетической структуры и могли бы поставлять свободную от вредных выбросов электроэнергию для всей транспортной системы. В 2019 году Германия добывала 42 процента своей электрики из энергии ветра, солнца и биомассы. При этом расширение ветровой энергетики в сельской местности застопорилось. Причиной тому – сопротивление на местном уровне со ссылкой на национальный закон о защите редких видов растений и животных и довольно серьезные последствия эксплуатации ветросиловых установок. Из 7700 км новых линий электропередач построено всего 8 процентов. В прошлом году в журнале Spiegel впервые появилась первополюсная статья о том, что бум ветровой энергии миновал.

Полагаю, Германия является доказательством того, что развитие современного индустриального общества невозможно обеспечить лишь посредством использования возобновляемых видов энергии

Вацлав Смиль, один из величайших мировых экспертов по энергетике, подсчитал, что 100-процентный переход на возобновляемую энергию означал бы увеличение размеров площадей, используемых в целях электрогенерации в богатых странах, с половины процента до 25 или даже 50 процентов. Таким образом, существуют физические пределы мощности возобновляемой энергетики.

Германия, возможно, является крупнейшей в инженерном отношении страной мира. Если кому-то и суждено было реализовать идею возобновляемой энергетики на все 100 процентов, так это немцам, но ведь и они не смогли добиться этого из-за ненадежности таких источников, как ветер и солнце. Необходимы гигантские линии дальней электропередачи и огромные резервные мощности. В моду теперь вошел водород, но при каждом превращении электричества в водород и обратно приходится считаться с большими потерями. Причем это касается лишь электричества, которое составляет приблизительно одну треть первичной энергии. Остальные две трети используются для транспортировки, приготовления еды или обогрева. Полагаю, Германия является доказательством того, что развитие современного индустриального общества невозможно обеспечить лишь посредством использования возобновляемых видов энергии.

Большинство людей, в частности в Германии, считают атомную энергетику угрозой общественной безопасности. Возражая им, вы называете этот страх иррациональным. Неужели с учетом катастроф на Чернобыльской АЭС и станции «Фукусима-1», произошедшей менее 10 лет назад в промышленно развитой стране, вы не понимаете, что люди действительно испытывают страх?

Я думаю, что люди испытывают тревогу из-за иррационального страха перед атомной энергией. В своей книге я утверждаю, что иррациональный страх перед атомной

энергией порожден чувством совершенно иррациональной тревоги перед ядерным оружием. Бояться следует ядерного оружия. Так проявляется его действие. Поэтому оно оказалось столь эффективным средством предотвращения войны между такими странами, как Индия и Пакистан.

Отсюда возникло стремление к повсеместному запрету ядерного оружия, именно это влияет на восприятие нами ядерных реакторов и аварий на АЭС. От излучения на «Фукусиме» никто не умрет. И похоже, что от катастрофы на Чернобыльской АЭС за 80 лет умрет около 200 человек – что меньше, чем 50, умерших непосредственно во время катастрофы – остальные же погибнут от рака щитовидной железы, который хотя обычно и приводит к смертельным последствиям, но вполне излечим. Как правило, от него умирают люди в преклонном возрасте.

Собственно говоря, трудно поверить в то, что эти аварии оказали столь незначительный эффект на жизнь людей в отличие, например, от аварий на химических производствах. Например, вследствие катастрофы в индийском Бхопале сразу умерли тысячи людей. А при взрывах на нефтеперерабатывающих заводах или газопроводах тут же погибает множество людей. В случае с ядерной энергией мы сталкиваемся с интересным парадоксом: несмотря на то что мы имеем дело с намного более мощной формой энергии по сравнению со сжиганием нефтехимических энергоносителей, она и в самом деле вызывает не столь значительные последствия для жизни людей.

Если принять во внимание, что ядерная энергия является заменителем ископаемых видов топлива, которые из-за загрязнения воздуха сокращают длительность жизни, то она уже спасла свыше 2 млн людей, предотвратив такое загрязнение. Одно из ее преимуществ состоит в том, что благодаря ее использованию мы можем свести вредные экологические последствия электрогенерации почти к нулю.

Интервью провел Николаос Гавалакис

🔗 **Майкл Шелленбергер** (Michael Shellenberger) – автор публикаций по экологической политике. Недавно вышла его книга: *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All* (Апокалипсиса не будет: Почему экологическая паника вредит всем). В 2008 году журналом *Time* Шелленбергер был удостоен звания «Герой окружающей среды». Он – основатель и президент некоммерческой организации *Environmental Progress*.

Ответственная Европа

Центр тяжести глобальной политики смещается в Азию. Как Европа сможет остаться одной из основ мирового порядка?

Николай Капитоненко

Несмотря на все усилия последних лет, Европа все еще довольно опасное место – по крайней мере, по меркам тех высоких стандартов безопасности, что были установлены после завершения войн в бывшей Югославии. Продолжается конфликт на востоке Украины, остаются неразрешенными «замороженные»

конфликты постсоветского пространства, периодически напоминая о собственном дестабилизирующем потенциале. Российская политика ревизионизма дополняется ослаблением лидерства США, отсутствием достаточного единства между полюсами в самой Европе и усиливающимся фактором влияния Китая. В международной политике мало доверия и много неопределенности. В европейской – тоже.

Да и внутри европейских стран не все способствует безопасности. Внешние и внутренние проблемы стимулируют друг друга и создают общую спираль. Разрушение основ международной безопасности создает спрос на национализм, который в свою очередь сакрализует территорию и борьбу за нее, ставит себе на службу историю, консолидирует идентичности, противопоставляя их друг другу. Конфликты создают предпосылки для авторитаризма и бедности, бедность ослабляет государства, а в ослабленных государствах быстрее возникают новые внутренние конфликты. Безопасности это не добавляет, зато подрывает институции, делает уязвимой демократию и создает новые линии противостояния.

Ответственная Европа – это Европа, в которой все понимают ценность доверия и общих интересов

Последние 30 лет Европа постоянно искала концептуальную основу для решения головоломки в сфере безопасности. Ценности противопоставлялись интересам, мультикультурализм – национализму, а общее благо – эгоистическим устремлениям государств. Все вместе это кое-как работало, пока сохранялась уверенность в американских гарантиях безопасности, а Россия была не готова вести по-настоящему рискованную игру.

Сегодня многое изменилось, будет меняться дальше, и вряд ли в лучшую сторону. Проблема безопасности, как на региональном, так и на национальном уровне, будет требовать все больше внимания и ресурсов.

Один из путей поиска новой основы для улучшения ситуации с безопасностью может лежать через понятие ответственности. «Ответственная Европа» – именно так и называется проект, разработанный под эгидой Регионального офиса Фонда им. Фридриха Эберта

по вопросам сотрудничества и безопасности в Европе как один из возможных ответов на кризис безопасности. Он базируется на следующих соображениях.

Восприятие имеет значение. Неуверенность по поводу намерений других создает проблемы. Эволюция отношений между Европой и Россией после холодной войны служит тому иллюстрацией. Конфликт между ними не был неизбежен, как и российская агрессия против Украины, и «ловушки Фукидида» можно было избежать. В отношениях между ними есть много места для взаимовыгодного сотрудничества, но неуверенность в намерениях другого посеяла недоверие и привела к игре с нулевой суммой, в которой выигрыш одного возможен только за счет проигрыша другого. Конфликт стал вопросом времени. Ответственная Европа – это Европа, в которой все понимают ценность доверия и общих интересов.

Ответственная Европа – это Европа, в которой средние и малые страны не делятся на сферы влияния, но в которой учитываются их интересы

Страны «между» крайне важны. Речь, конечно, о пространстве между ЕС и Россией, о государствах, неслучайно охваченных проектом «Восточного партнерства». В некотором смысле эти страны выступают ключом к европейской безопасности. Их значение хорошо понимают и в ЕС, который стремится создать зону безопасности, демократии и процветания на своих границах; и в России, которая, правда, стремится обезопасить себя от угроз из ближайшего зарубежья другими методами. Ответственная Европа – это Европа, в которой средние и малые страны не делятся на сферы влияния, но в которой учитываются их интересы.

Диалог с Россией нужен, как нужны и санкции. Геополитические реалии таковы, что Россия есть и будет соседом как государств – членов ЕС, так и стран Восточной Европы, которые в ЕС не входят. Соседство создает взаимозависимость, а усложняющиеся процессы в глобальной политике могут ее усилить. В то же время нарушение правил и принципов общей безопасности не может проходить бесследно – в этом тоже смысл ответственности. Аннексия Крыма подорвала и парижские, и хельсинские основы безопасности в Европе и не может пройти бесследно. Но последние годы показали, что политические возможности Европы поддерживать порядок крайне ограничены. Санкции против России, промежуточный инструмент *between war and words*, оказались сомнительными с точки зрения эффективности. Россия вряд ли изменит свою политику под их давлением, а других инструментов практически нет. Как сделать так, чтобы Кремль вернулся к выполнению норм международного права и при этом не пострадала общая безопасность? Ответственная Европа – и об этом вопросе тоже.

Для ответственности в качестве основы безопасности очень важна взаимозависимость. Чем выгоднее сотрудничество, тем меньше вероятность насилия. Этот принцип не нов, но и не абсолютен. В истории Европы достаточно примеров, когда государства разрывали взаимовыгодное сотрудничество и выбирали войну, руководствуясь соображениями безопасности и будучи неуверенными в намерениях других. В то же время

взаимозависимость остается лучшей основой для построения доверия, а потому важно сохранение и диалога, и даже сотрудничества в тех сферах, которые представляют общий интерес. Это даст шанс на создание общей повестки дня и сделает возможными коллективные усилия по решению общих проблем. Но возврат к business as usual остается невозможным до тех пор, пока справедливость не будет восстановлена.

Для ответственности в качестве основы безопасности очень важна взаимозависимость

Ответственная Европа подразумевает коллективные усилия даже геополитических соперников, и направлены они на улучшение общего состояния безопасности. Слегка наивные представления о неделимости безопасности и общем понимании угроз, характерные для периода после окончания холодной войны, остались в прошлом. Сегодня речь идет о том, что хотя все воспринимают риски и вызовы по-разному, есть возможность уменьшить их для всех, сведя к минимуму действие дилеммы безопасности. Задача была бы проще, не случись аннексии Крыма в 2014 году.

В последнее время Европа стала особенно уязвима к вооруженным конфликтам, которые продолжаются на ее территории. Ими нужно учиться управлять. Многосторонние механизмы, опирающиеся на экономическую взаимозависимость и зависящие от способности сторон находить консенсус и доверять друг другу, могут лежать в основе более активных подходов к конфликтам на постсоветском пространстве, на сегодняшний день самым сложным по своей структуре и последствиям.

Умение решать конфликты во многом зависит от способности видеть интересы за позициями сторон

Умение решать конфликты во многом зависит от способности видеть интересы за позициями сторон. Понимание интересов партнера или соперника открывает путь к содержательному сотрудничеству даже в непростых условиях дефицита доверия. Если же понимание интересов заменять спекуляциями, лозунгами или исторической враждой, большинство конфликтов не удастся решить. Ответственная Европа – это Европа, где интересы друг друга понимают и уважают.

Повестка дня Европы не ограничивается конфликтами и вообще должна быть максимально широкой. Вопросы новых угроз, кибербезопасности, болезней, информационных и технологических вызовов, а также защиты окружающей среды должны находить ответы. Нацеленное в будущее понимание безопасности способно создать и поддерживать платформу для диалога.

Только ответственная Европа сможет оставаться центром нормативной силы в современном мире. Динамика силовых процессов такова, что центр тяжести глобальной

политики перемещается в Азию. Европа вряд ли сможет соперничать с большими динамичными экономиками Китая и, со временем, Индии в объемах ВВП. Дефицит военной силы и/или решимости ее использовать тоже стал характерной чертой стратегической культуры Европы. Для того чтобы продолжать играть активную роль в построении и поддержании мирового порядка, Европе нужна способность устанавливать стандарты и правила, в том числе правила международной политики. В условиях недостатка материальных ресурсов нужна будет мягкая сила, в том числе лидерство и привлекательность ценностей. От способности Европы защищать справедливость во многом зависит ее способность быть одной из основ мирового порядка.

В условиях недостатка материальных ресурсов Европе нужна будет мягкая сила, в том числе лидерство и привлекательность ценностей

Все это будет требовать поиска сразу нескольких состояний баланса, в частности баланса между интересами и ценностями, реалполитикой и либеральными установками, а также между геополитическими интересами крупных игроков: ЕС, США, России и Китая. Европе нужно будет заново учиться многосторонней дипломатии в более сложных условиях. Уважение к интересам других, умение сохранять доверие, способность отличать сиюминутную выгоду от стратегических целей – все это тоже составные части ответственной Европы.

🕒 **Кандидат политических наук Николай Капитоненко** (Nickolay Kapitonenko) – доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала UA: Ukraine Analytica, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.

Ложная тревога

В начале пандемии говорили, что коронакризис в Африке может достичь катастрофических масштабов. Пока что статистика приятно удивляет.

Юджин Нгуми

В начале августа Африканские центры по контролю и профилактике заболеваний (Africa CDC) сообщили, что число случаев заражения COVID-19 в Африке достигло миллиона. Однако с учетом того, что по состоянию на 28 августа было зафиксировано 30 тыс. жертв эпидемии, количество смертей здесь ниже, чем на любом другом континенте. Похоже, Африка на удивление хорошо переносит пандемию.

Когда в начале 2020 года коронавирус перерос в глобальную пандемию, существовали обоснованные опасения, что Африка может оказаться под особенно сильным ударом. Слабые системы здравоохранения, скудные ресурсы на случай чрезвычайной ситуации, а также длинная история вспышек эпидемий не обещали ничего хорошего.

Согласно майскому прогнозу регионального бюро ВОЗ по странам Африки, только в первый год пандемии следовало ожидать до 190 тыс. умерших и от 29 до 44 млн зараженных коронавирусом на этом континенте. Почему же такой сценарий не оправдался? Это можно объяснить только взаимодействием множества факторов, которые, с одной стороны, делают COVID-19 в Африке не столь видимым, а с другой – ослабляют его воздействие.

Несмотря на отсутствие достаточных возможностей для тестирования, на всем континенте работает огромное количество местных медицинских волонтеров, которые следят за распространением инфекции и агитируют население соблюдать правила поведения, чтобы обеспечить личную безопасность

Уровень регистрации случаев заболевания COVID-19 и борьбы с ним зависит прежде всего от тестирования, а в Африке существует дефицит тестов и проверок. Ресурсы для проведения тестирования совершенно недостаточны. ВОЗ рекомендует один тест на тысячу жителей в неделю, но в Африке в среднем делается только половина от этого числа. К тому же лабораторные мощности для тестирования в африканских странах совершенно разные: в Южно-Африканской Республике проводится много тестов, а в густонаселенной Нигерии их, напротив, мало.

За дефицитом тестов, вероятно, все же скрывается значительно большее количество людей, заболевших COVID-19. Тесты на наличие антител у доноров в Кении, про-

веденные Научно-исследовательским медицинским институтом Кении совместно с благотворительным фондом Wellcome Trust, показали, что в организме примерно каждого двадцатого кенийца в возрасте от 15 до 64 лет, в целом – 1,6 млн человек, есть антитела против SARS-CoV-2, то есть эти люди предположительно перенесли инфекцию. Но с 12 марта Кения сообщила лишь о 450 146 случаях заражений.

Ввиду отсутствия массового тестирования оценить уровень распространения вируса можно и по росту смертности, так называемой повышенной или избыточной смертности. В Южной Африке число смертей с начала мая до конца июня в четыре раза превысило обычный показатель. Но в других частях континента этот показатель определить трудно. Учет смертности во времена пандемии осложнен тем, что многие сотрудники системы государственного здравоохранения привлекаются к тестированию и отслеживанию цепочек распространения вируса или же в связи с ограничениями не могут свободно перемещаться.

Системы здравоохранения в Африке относительно слабы, но в недавнем прошлом страны этого континента накопили опыт действий в условиях пандемии

По мнению Международного комитета спасения, из-за огромных пробелов в тестировании и контроле над пандемией Африка борется с ней «втемную». И все же, судя по всему, медицинские учреждения не испытывают такой нагрузки, какую можно было наблюдать на пике пандемии в Европе или США. Тут действуют еще и факторы иного рода.

Одной из главных причин смертей в Африке являются инфекции верхних дыхательных путей, в частности, воспаление легких или бронхит, на которые по всему континенту приходится 10 процентов летальных исходов. COVID-19 и другие заболевания дыхательных путей вызывают похожие симптомы и могут стать причиной воспаления легких. Многие врачи, возможно, приписывают симптомы поражения дыхательных путей своих пациентов часто встречающимся инфекциям, а не вирусу нового типа, наличие которого они не могут проверить тестированием. Таким образом, из-за неправильной диагностики за привычными заболеваниями дыхательных путей может скрываться значительное количество случаев заражения COVID-19.

Африканское население молодо. Молодые люди хотя и не имеют иммунитета, но вероятность тяжелого протекания болезни или смерти от COVID-19 у них ниже, а потому пандемия проходит легче. 65 процентов населения Африки моложе 35, почти 50 процентов – моложе 19 лет. Для сравнения: в ЕС средний возраст составляет 42 года, в Африке – 19,7 года.

Молодой возраст населения Африки, а также особенно активное распространение вируса в городской местности, где живут люди еще моложе, могут дать ответ на вопрос, почему в большинстве случаев заражения в Африке протекают либо без симптомов, либо в легкой форме. Согласно оценке Министерства здравоохранения Кении, в 78 процентах случаев COVID-19 протекает или бессимптомно, или в легкой форме, а в

Гане, по данным службы здоровья этой страны, такое наблюдается и вовсе в 82 процентах всех случаев.

Хотя системы здравоохранения в Африке относительно слабы, в недавнем прошлом страны этого континента накопили опыт действий в условиях пандемии. После вспышки эпидемии Эболы в Западной Африке были созданы Африканские центры по контролю и профилактике заболеваний, призванные улучшить борьбу с эпидемиями на всем континенте и обеспечить координацию усилий разных стран.

Это может объяснить и столь быструю реакцию многих африканских стран на пандемию COVID-19. Они ввели разные формы ограничения передвижения и другие ограничительные меры, чтобы поберечь мощности своих систем здравоохранения, справиться с вирусом и замедлить его распространение. Кроме того, государства не только поощряли соблюдение правила социальной дистанции, гигиены рук и ношение защитных масок, но во многих случаях сделали их обязательными, а люди с готовностью придерживались их. Несмотря на нехватку возможностей для тестирования, на всем континенте работает огромное количество местных медицинских волонтеров, которые следят за распространением инфекции и агитируют население соблюдать правила поведения, чтобы обеспечить личную безопасность. Это и могло способствовать нынешнему замедлению распространения COVID-19.

Какой из этих факторов больше всего противодействует распространению и отрицательным последствиям COVID-19, можно будет увидеть спустя месяцы, а может и годы, когда будут завершены соответствующие научные исследования и проведены опросы. Ясно лишь то, что глобальные пандемии проявляются на местном и региональном уровне в соответственно комплексной среде, которая влияет на тяжесть их протекания. С учетом дальнейшей борьбы с вирусом и подготовки к возможным будущим вспышкам для эффективного преодоления пандемии нам необходимо приводить наши механизмы в соответствие с этим комплексом взаимосвязей.

Африка и в дальнейшем будет продолжать идти своим собственным путем и сможет значительно быстрее вернуться к нормальной жизни по сравнению с другими регионами

А потому из опыта Африки определенные уроки для себя может извлечь и остальной мир. Во-первых, при появлении симптомов болезни нужны быстрые действия, даже если принимаемые меры окажутся несовершенными. Во-вторых, огромное влияние на сознание широких слоев населения могут оказать такие не требующие больших затрат решения, как использование медицинских работников на уровне общин и поощрение изменений в повседневном поведении людей.

Африка и в дальнейшем будет продолжать идти своим собственным путем и сможет быстрее вернуться к нормальной жизни по сравнению с другими регионами. В то время как почти во всем мире опасаются второй волны или роста числа случаев заболевания зимой, большинство африканских стран из-за отсутствия альтернативы делают ставку на коллективный иммунитет. Ввиду дефицита тестов нет возможности отследить цепочки

распространения инфекции среди значительной части населения Африки, что дало бы возможность остановить или замедлить ее.

Тем не менее благодаря сравнительно молодому населению во многих случаях болезнь протекает бессимптомно или в легкой форме, а потому вирус не имеет столь опустошительных последствий, как в других регионах. Вот почему большинство африканских правительств сейчас занимаются запуском и восстановлением своих экономик, серьезно пострадавших от пандемии. На континенте, большинство жителей которого едва сводят концы с концами, рецессия может стать не менее губительной напастью, чем коронавирус.

➤ **Юджин Нгуми** (Eugene Ngumi) окончил Школу восточных и африканских исследований Лондонского университета (SOAS). Он занимается вопросами экономики и африканской политики. В настоящее время работает консультантом правительства Кении.

«Опасно списывать со счета мультилатерализм»

Многие европейцы воспринимают безопасность как должное. Это опасное заблуждение, предостерегает Томас Греммингер.

Томас Греммингер

Господин Греммингер, нынешние веяния времени явно не в пользу мультилатерализма. В этом можно убедиться и на примере ОБСЕ. Сильная поляризация стран-членов в конце концев привела к утрате дееспособности этой организации. Вы сами стали жертвой этой поляризации: в июле вас не переизбрали на должность генерального секретаря. Неужели именно сейчас мы становимся свидетелями краха мультилатерализма?

Было бы опасно списывать со счетов мультилатерализм. Однако верно и то, что в настоящий момент подходы к решению проблем на основе мультилатерализма и сотрудничества вышли из моды. Важные действующие лица в хоре голосов влиятельных сил отдают предпочтение односторонним, в крайнем случае – двусторонним отношениям. Они не желают сделать ставку на более сложную мультилатеральную систему и связать себя определенными правилами игры в средне- или долгосрочной перспективе.

При этом проблемы, с которыми мы столкнулись, имеют наднациональный характер. Наиболее ярким примером стала пандемия коронавируса. Впрочем, транснациональными по своей сути являются и терроризм, и экстремизм, и последствия изменения климата, и резкий технологический сдвиг – все эти проблемы могут быть решены лишь посредством трансграничного сотрудничества. Реальной действенной альтернативы подходам, основанным на сотрудничестве, не существует даже вопреки тому, что в настоящий момент они не в моде.

Но как конкретно можно противодействовать утрате заинтересованности в достижении компромиссов и диалоге столь многими странами? Быть может, произошла недооценка общественного мнения, и слишком мало было сделано, чтобы убедить его в обратном? Должны ли правительства активизировать свои усилия в пользу мультилатерализма?

Конечно же, необходимы более активные усилия для привлечения внимания общественности к политике на основе сотрудничества, что, будем надеяться, впоследствии приведет к тому, что и у политиков все чаще будет возникать желание придерживаться именно такого подхода. За прошедшие годы достигнуты немалые успехи в этом направлении. И здесь речь о чем-то более важном, нежели наивные представления о будущем. Но нам и в самом деле не хватает людей в политическом руководстве, которые верят в такие подходы и готовы не только упоминать о них в своих торжественных речах, но и инвестировать в них свой политический капитал.

И здесь, во-первых, требуются ресурсы. Дееспособные мультилатеральные организации имеют свою цену. Но, похоже, мы жили в слишком комфортных условиях в течение трех последних десятилетий после окончания холодной войны. Опасность конфликта

с применением обычного оружия была ликвидирована и исчезла из поля зрения людей. Другие же вопросы, связанные с безопасностью, в частности терроризмом, экстремизмом, киберпреступностью, воспринимались общественным сознанием не так остро. Среди широких слоев населения по-настоящему так и не укоренилось сознание того, что эти вызовы можно одолеть только сообща. Для многих людей безопасность – это нечто само собой разумеющееся, не требующее усилий каждого из нас. И это опасное заблуждение.

А созвучны ли формат и стиль работы таких мультилатеральных организаций, как ОБСЕ, духу времени? Возьмем, например, принцип единогласного голосования – не в таких ли установленных на высокой планке принципах кроется причина провала?

Безусловно, мультилатеральным институциям и механизмам для сохранения своей значимости нужно постоянно развиваться, чтобы соответствовать требованиям времени. Это не подлежит сомнению. Но не могу не добавить, что у нас уже имеется много эффективных и результативных инструментов осуществления мультилатеральной политики, которыми просто-напросто нужно лучше и более систематически пользоваться. Сваливать вину на устаревшие институции и механизмы, на мой взгляд, – это слишком упрощенный подход.

Возьмем ваш конкретный вопрос о принципе достижения консенсуса. В идеально устроенном мире, конечно же, существуют вещи, в которых можно пойти на его ослабление. Я имею в виду, например, принятие кадровых решений или утверждение повесток дня конференций. Именно в этих вопросах ОБСЕ в течение последних лет столкнулась с неимоверно большими сложностями. Но в других случаях принцип консенсуса связан с очевидными преимуществами. Попробуйте представить себе Специальную мониторинговую миссию в Украине без консенсуса! Это было бы невозможно. То же касается и обязательств, принятых ОБСЕ: добиваться новых обязательств в условиях поляризованного мира стало сложнее, ведь ОБСЕ превратилась не в сообщество единомышленников, а определенно стала сообществом, исповедующим различные взгляды. Тем значимее и крепче становятся обязательства, достигнутые путем консенсуса.

Одна из проблем состоит в том, что многие государства – члены ОБСЕ недостаточно четко проводят различие между сутью обсуждаемого дела, где мнения вполне могут разойтись, и мерами по сохранению дееспособности организации. Здесь нужно было бы проявить умение преодолевать идеологические рвы и расхождения содержательного характера и поставить во главу угла работоспособность, а не доводить поляризацию до уровня, угрожающего функционированию организации. Это как раз то, что мы постоянно могли наблюдать в течение последних лет в ОБСЕ – не только при принятии решений о руководящем составе, но и в вопросе бюджета. Каждый год нам с огромным трудом удается принять весьма скромный бюджет. Полагаю, здесь необходимо проявлять большее благоразумие. Интересно, что это весьма успешно удается сделать в случае с главной полевой операцией ОБСЕ. При условии надлежащего обоснования не составляет проблемы, например, своевременное утверждение бюджета Специальной мониторинговой миссии по Украине или же выделение для этого дополнительных средств. Этой весной мы приняли бюджет, предусматривающий рост расходов более чем на 8 процентов. В случае со штатным бюджетом о таком приходится только мечтать.

Это, несомненно, связано и со значением конфликта на Востоке Украины. В этом году там действительно был достигнут важный для Украины прогресс. Но остальной частью Европы он практически не был замечен. Можно ли объяснить то, что подобные успехи не доходят до общественного сознания, лишь проблемами в коммуникации?

И то, и другое верно. Благодаря менеджменту конфликта в Украине ОБСЕ время от времени появляется на политических радарх столиц многих стран. Это, кстати, не касается Берлина. У Берлина комплексное и более дифференцированное восприятие ОБСЕ, но сказанное справедливо для многих других государств, где деятельность ОБСЕ чаще всего остается в тени иных политических событий. И это проблема. При столкновении мнений во время принятия решений по бюджету, когда речь заходит о необходимости реального инвестирования политического капитала, иногда не хватает осознания значимости организации. Поэтому зримость в связи с Украиной все же лучше, чем ничего. Но я вспоминаю времена, когда мы задавались вопросом: «Как снова добиться попадания нашей организации в поле зрения европейской политики?» Ответ неожиданно последовал в 2014 году.

Тем не менее прискорбно, что для этого понадобился такой конфликт.

Согласен. Вся работа по предупреждению подобных конфликтов слишком мало ценится, это проявилось и в данном случае. Теперь к вашему второму вопросу о прогрессе в Украине. Радует то, что с 22 июля там соблюдается режим прекращения огня на невиданном за предыдущие шесть лет уровне. Это важно, чтобы приблизиться к реализации Минских соглашений. Почему же этот факт не вызывает восприятия, соответствующего его значимости? В международном сообществе существует определенная усталость от Украины. Потому эта тема почти не поднимается на уровне широкой общественности. В то же время в столицах стран международного сообщества она продолжает оставаться одной из важных точек приложения усилий, благодаря чему уделяется и соответствующее внимание работе ОБСЕ.

Вас считают сторонником активного диалога с Россией и даже постоянно обвиняют в слишком дружеской позиции по отношению к ней. В Германии, похоже, постепенно распространяется мнение, что идея стратегического партнерства с Россией исчерпала себя или же в данный момент нереализуема. Стратегическое партнерство предполагает взаимодействие двух сторон, а сегодня есть сомнения в том, заинтересована ли в нем Россия вообще. Разделяете ли вы эту точку зрения?

Конкурентное преимущество ОБСЕ заключается в том, что Россия является частью организации и сидит с нами за одним столом. Я вообще-то не отрицаю, что в отношениях с Россией нужен целый набор разных политических инструментов. Я всегда очень внимательно следил за соблюдением баланса интересов различных стран. В Москве я бывал не чаще, чем в Вашингтоне. Но как меня принимают в той или иной столице, какое эхо это вызывает в средствах массовой информации, от меня не зависит.

Повторюсь: мы должны искать диалог со всеми, даже если это очень трудно и даже когда мы видим нарушение принципов и обязательств ОБСЕ. Это нужно сказать со всей ясностью. Функция ОБСЕ, как раз и заключается, с одной стороны, в привлечении государств-членов к ответственности, огласке их действий или бездействия, но с другой стороны, и в том, чтобы оставаться в диалоге, искать и находить его, задаваясь вопросом: «Где существуют возможности для улучшения положения дел, взаимопонимания и укрепления взаимного доверия?»

Отношения между Россией и Германией, а также большей частью Европейского союза недавно достигли своей низшей точки из-за случая с Навальным и применения нервно-паралитического отравляющего вещества «Новичок». Насколько реалистичной с учетом вашего опыта является вероятность ее преодоления?

В настоящее время наблюдается дальнейшее осложнение этих отношений, которые и в прошлые годы переживали определенные трудности. Для их преодоления должны быть

предприняты шаги всеми сторонами, в том числе, конечно же, и Россией. Доверие невозможно восстановить в одностороннем порядке. Выяснение всех обстоятельств нужно именно в случае с Навальным. Москва должна подать руку, иначе спираль доверия еще больше пойдет вниз.

В идеале целью ОБСЕ является поддержание стабильности и безопасности на пространстве «от Ванкувера до Владивостока». Вместо этого мы наблюдаем эрозию идеи трансатлантического и евроазиатского сотрудничества. С какими угрозами нам придется столкнуться в последующие годы, если не удастся добиться перелома в этом вопросе?

Во-первых, возрос риск непредвиденных происшествий, то есть вещей, которые совершенно неожиданно и помимо воли могут обусловить эскалацию напряжения. Этот риск усугубляется, например, растущим числом крупномасштабных учений вблизи границ. Другая же угроза, очертания которой в принципе просматриваются уже сейчас, заключается в сползании к гонке вооружений как в ядерной сфере, так и в области обычных вооружений, что влечет за собой огромные затраты и угрозу для безопасности.

Ну и не секрет, что существует целый ряд факторов невоенного характера, ставящих под угрозу безопасность и требующих совместных усилий. К ним, в частности, относятся меры по реагированию на изменение климата в области безопасности, противодействию терроризму, экстремизму с применением насилия, киберпреступности, а также реакция на появление таких новых технологий, как искусственный интеллект. При отсутствии воли к сотрудничеству возникает угроза выхода этих факторов риска из-под контроля.

☞ **Томас Гремингер** (Thomas Greminger) – швейцарский дипломат и бывший Генеральный секретарь ОБСЕ. Ранее он работал заместителем генерального директора Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству. В 2010-2015 гг. Томас Гремингер был постоянным представителем Швейцарии при ОБСЕ. Он автор ряда публикаций по вопросам военной истории, урегулирования конфликтов, миротворчества, развития и прав человека.

Дилемма Восточного Средиземноморья

Конфликт в Восточном Средиземноморье касается не только месторождений газа, Эрдоган преследует более высокие цели

Гарри Тзимитрас

Нынешняя ситуация в Восточном Средиземноморье является симптомом меняющихся международных и региональных реалий, но в то же время ее последствия выходят далеко за пределы непосредственного географического региона. Поэтому чтобы ее разрешить, также необходим более масштабный подход, так как решение существующей ситуации может оказать серьезное влияние на международном уровне. Чтобы справиться с трудностями в регионе, нужен реализм, нестандартное мышление, оперативное реагирование и конструктивное участие, которые выходили бы за рамки стандартных подходов, используемых в прошлом.

Главной характеристикой ситуации в Восточном Средиземноморье сейчас является явно ревизионистская, напористая внешняя политика Турции, в которой используются в том числе военные средства. Анкара демонстрирует силу в регионе. Это делается для того, чтобы четко сообщить ЕС и всему Западу, что Турция – важная средняя держава, которую нельзя игнорировать при развитии отношений с регионом. Эта позиция власти охватывает большую территорию, включающую зоны Эгейского моря, Кипра и Восточного Средиземного моря, а также Сирию и Ливию. Хотя последствия этой политики преимущественно ощущают Греция и Кипр, можно утверждать, что в конечном счете Турция не столько нацелена на них, сколько пытается воспользоваться ими, чтобы заявить о себе.

В нынешней ситуации часто упоминают или даже обвиняют энергетические ресурсы. Хотя залежи углеводородов, обнаруженные за последние десять лет, и могли сыграть свою роль в разжигании новой напряженности или обострении существующей, сегодня сложно утверждать, что это единственная причина. Сейчас более широким вопросом, похоже, является не то, есть ли газ в Восточном Средиземноморье – он там есть, к тому же в достаточном для торговли количестве, – а что с ним делать. Вследствие нескольких факторов, к которым относятся перепроизводство, теплая зима 2019 года и изменение ситуации с энергетикой в Китае, из-за чего уменьшился спрос на рынках Азии, предложение СПГ на международном рынке значительно превысило спрос, а цены упали до новых минимумов. Европа, которая была бы желанным направлением для газа из Восточного Средиземноморья, оказалась (и остается) переполненной дешевым газом, а из-за предложения, превышающего спрос, цены упали настолько, что с ними практически невозможно конкурировать. Такая ситуация сложилась еще до начала пандемии.

Почему речь идет не только о газе

COVID-19 усугубил ситуацию, подчеркнув существующие трудности, ускорив тенденции и добавив множество новых проблем. Международным нефтяным компаниям пришлось сделать паузу и подумать о своем будущем и перспективах в новых условиях. Теперь компании выбирают более крупные и безопасные проекты с высокой доходностью в

относительно короткие сроки. Однако такие проекты требуют значительных финансовых вложений, поэтому нефтяным компаниям приходится замораживать некоторые из своих более мелких отраслей. Это затронуло и Восточное Средиземноморье. В регионе работает почти половина из 12 крупнейших нефтяных компаний в мире, которые заявили об общих убытках в размере \$80 млрд по итогам первого полугодия 2020 года. Некоторые небольшие региональные компании обанкротились и их выкупили, а другие понесли огромные убытки. Даже таким странам, как Египет, пришлось заняться реструктуризацией вследствие уменьшения спроса на СПГ.

Несмотря на то что углеводороды из Восточного Средиземноморья нельзя будет использовать для экспорта в Европу, хотя первоначально планы и надежды были именно такими, у обнаруженных в регионе залежей все еще есть потенциал

Турция использовала месторождения как заявленную причину или, как полагают скептики и критики, как повод осуществлять свою политику демонстрации силы. Она воспользовалась новыми обстоятельствами, когда проекты крупных нефтяных компаний замораживались и сами компании уходили с рынка, а, следовательно, выходили и стоящие за ними государства. У действий Турции в Восточном Средиземноморье есть много причин и факторов, и энергетика (уже) к ним не относится, хотя и может служить неплохим оправданием.

Можно утверждать, что нынешний конфликт в регионе вызван не проблемами с энергетикой или конкретно с Грецией или Кипром; это все важные элементы общей картины, и их даже можно считать средствами для достижения тех или иных целей. Но они все же не отражают суть проблемы. Многие полагают, что основа конфликта – как Турция видит себя и свои отношения с ЕС в будущем, на что рассчитывает ЕС в сфере внешней политики, и в итоге, через призму существующего конфликта и с Турцией в роли катализатора, каким является Евросоюз на самом деле и каким себя представляет.

Энергетика все же может сыграть роль

Именно потому ЕС несет ответственность за решение этих проблем и одновременно заинтересован в этом. Урегулировав этот конфликт, Евросоюз показал бы, что ему удалось четко продемонстрировать, что является приемлемым, а что – нет, найти баланс между правами и интересами членов ЕС и важного третьего государства, а также заложить основу для будущих отношений между Турцией и ЕС. Таким образом, хотя причиной существующей напряженности принято считать проблемы в сфере энергетики, более глубокие истоки конфликта носят политический характер, и для них требуются политические решения.

Тем не менее энергетика, что интересно, может стать эффективным способом решения проблемы. Несмотря на то что углеводороды из Восточного Средиземноморья нельзя будет использовать для экспорта в Европу, хотя первоначально планы и надежды были именно такими, у обнаруженных в регионе залежей все еще есть потенциал. Газ из Вос-

точного Средиземноморья, возможно, уже не очень конкурентоспособен на международных рынках, но у стран в регионе огромные потребности в энергетике, которые и сможет покрыть этот газ. Это могло бы послужить прекрасной платформой для сотрудничества, а возможно, положило бы начало более широкому сотрудничеству в других сферах.

Европейский союз мог бы вдохновить и убедить другие страны региона присоединиться к такому сотрудничеству, выступая в роли честного посредника и лидера. Это было бы полезно для всех участников процесса, в том числе для стран региона и самого Евросоюза, и охватило бы целый спектр вопросов: от безопасности до экологии, экономики и политики. Важно и то, что в таком случае ЕС выступил бы единым фронтом, не продвигая интересы отдельных членов, успешно сформулировал бы стратегическое видение и действовал бы в соответствии с ним. В итоге это приведет к тому, что ЕС обретет столь необходимую легитимность и влияние. Как показало недавно начавшееся сближение Израиля и некоторых арабских государств, продолжающееся до сих пор, это трудно, но возможно. Если есть (политическая) воля, есть и возможности.

➤ **Гарри Тзимитрас** (Harry Tzimitras) — директор Кипрского центра PRIО Института Осло по исследованиям мира и старший научный сотрудник Atlantic Council.

Во всем виноват Трамп!

Если бы все было так просто... Недовольство демократией растет во всем мире, и левые партии также несут ответственность за это.

Шери Берман

В ноябре в Соединенных Штатах пройдут самые важные выборы за последние несколько поколений. Президентство Дональда Трампа обнаружило и обострило глубинные проблемы в американском обществе и демократии. Если Трамп и Республиканская партия одержат победу, стране может быть нанесен непоправимый урон.

Любому, кому безразличны Соединенные Штаты либо будущее демократии, стоит понимать, как самая богатая и могущественная страна в мире стала ассоциироваться с кризисами и упадком. В целом объяснения причин делятся на две группы.

Первая группа обоснований условно называется «снизу вверх», и в ней речь идет прежде всего о структурных экономических тенденциях. В этом подходе подчеркивается, как вызванные капитализмом последних десятилетий явления, например, растущее неравенство, снижение мобильности, усугубление нестабильности и расхождений между динамичными городскими регионами и ослабевающей сельской местностью, изменили предпочтения и приоритеты граждан, что привело к неудовлетворенности демократией и поддержке правого популизма.

Некоторые в этом лагере делают упор на социокультурные изменения. С этой точки зрения приток иммигрантов, мобилизация меньшинств и женщин, а также радикальные изменения в общественных настроениях привели к тому, что многие граждане – особенно белые, необразованные, верующие и живущие далеко от границ – начали ощущать себя «чужими на собственной земле» и презирать «элиты», которые якобы отвергают их ценности и традиции, а также иммигрантов и меньшинства, якобы отнимающих у них возможности и ресурсы, вследствие чего такие граждане начинают поддерживать популистов, критикующих нынешнее положение дел.

Другой же подход – «сверху вниз» – сосредотачивается прежде всего на решениях и поведении влиятельных политических игроков. В контексте США это значит исследование того, как (реальные) элиты, и в особенности богатые люди, превратили Республиканскую партию в инструмент защиты собственных интересов ценой глубокого раскола в обществе и подрыва демократии.

«Огромный сдвиг»

Джейкоб Хэкер и Пол Пирсон – одни из наиболее известных сторонников этой точки зрения. В их недавно опубликованной книге «Пусть едят твиты: как правые правят в эпоху крайнего неравенства» они развивают идеи, высказанные в их предыдущих работах и текстах других ученых. Вероятно, это самая разгромная версия аргумента.

Хэкер и Пирсон обращают внимание на давнюю предысторию правого популизма в США. По их словам, перед избранием Трампа произошел «огромный сдвиг», а самого президента США стоит считать «как следствием, так и катализатором» неуклонного перемещения его партии «вправо». Как и другие исследователи американской политики, Хэкер и Пирсон

подчеркивают, насколько более правых взглядов придерживается Республиканская партия США, чем ее «коллеги» в Европе. Она больше похожа на французское «Национальное собрание», чем на британских консерваторов (а вот демократы придерживаются характеристик достаточно типичной левоцентристской или даже центристской партии).

Экономические предпочтения плутократов, стоящих за этим сдвигом, значительно отличаются от предпочтений большинства избирателей, даже сторонников республиканцев: как и многие другие ученые, Хэкер и Пирсон подчеркивают, что у большинства американцев на самом деле левоцентристские экономические взгляды. Тем не менее за последние десятилетия Республиканская партия последовательно придерживается правой, «плутократическо-популистской» экономической повестки. Об этом свидетельствует и то, что две политические инициативы республиканцев, получившие наименьшую поддержку за последние годы: реформа 2017 года, которой сократили налоги на корпорации, и регулярные попытки разрушить Акт о доступной медицинской помощи, также известный как Обамасаре, – в большинстве поддержали только доноры партии с доходом более \$250 тыс. в год.

Как Республиканской партии удастся внедрять решения, настолько противоречащие «широким интересам американского общества», и при этом не сталкиваться с критикой этого самого общества? И как партия сочетает поддержку экономической системы, способствующей усугублению неравенства, с потребностью удержать избирателей, которым эта система вредит? Хэкер и Пирсон утверждают, что это просто давняя «консервативная дилемма»: как удержать привилегии элит, когда существует массовое избирательное право?

Отвлечь внимание

Для них ответ очевиден: чтобы получить необходимые голоса на выборах, элитам нужно перевести внимание избирателей от негативных последствий экономической политики, которую элиты поддерживают, на социальные и культурные вопросы. «Республиканцы, – утверждают Хэкер и Пирсон, – используют белую идентичность, чтобы оправдать финансовое неравенство. Они подорвали демократию, чтобы поддержать плутократию».

Эта стратегия включает нагнетание страха по поводу иммигрантов, разжигание неприязни к афроамериканцам и другие трюки, чтобы вызвать у белых избирателей, особенно из рабочего класса, ощущение, что их ценности, традиции и идентичности под угрозой. По словам Хэкера и Пирсона, «этот роковой поворот к племенному мировоззрению, которое основывается на расовых предубеждениях и постоянном нагнетании страха, значительно расширил возможности служения плутократам. Избиратели республиканцев готовы держаться своей команды, даже когда их команда отдает деньги налогоплательщиков богатым, сокращает программы, которые их же избиратели поддерживали, и не пользуется явными возможностями улучшить жизнь людей».

Организовать и мобилизовать разозленных белых избирателей республиканским элитам помогали «агрессивные узкие группы», специализирующиеся на «разжигании возмущения» и «политике недовольства», такие как Национальная стрелковая ассоциация США и правые христиане. Им также помогла быстрорастущая «индустрия негодования» правых медиа, которые оказались чрезвычайно эффективным средством «нагнетания чувства угрозы». И если даже этого не хватало, чтобы заручиться поддержкой большинства, Республиканцы прибегали к грязным трюкам, «таким как лишение избирательных прав, радикальный передел избирательных округов и внедрение законов и практик, которые открывали источникам больших денег возможности влиять на политику».

Таким образом, по мнению Хэкера и Пирсона, лучший способ понять глубокие проблемы американской демократии – сосредоточиться на том, как республиканские элиты намеренно «пользуются существующими предубеждениями для политической выгоды». Они утверждают, что без «манипуляций и разжигания возмущения со стороны элит» граждане США вполне могли бы быть «восприимчивы к более умеренным политическим взглядам и стратегиям».

Европейская перспектива

Книга «Пусть едят твиты» прекрасно объясняет, что происходит в США. Однако если посмотреть на ситуацию с точки зрения Европы, можно обнаружить некоторые пробелы.

Многие из тех факторов, которые подчеркивают Хэкер и Пирсон, в Западной Европе значительно слабее либо отсутствуют вообще, при этом результаты аналогичны. В Европе нет того же радикального неравенства, уменьшения социальной мобильности и ситуаций, вызванных плутократической политикой Республиканской партии, но при этом нарастают ксенофобия, нативизм, правый популизм и недовольство демократией. Западноевропейские популисты также не имели возможности пользоваться переделом избирательных округов, запугиванием избирателей либо огромными суммами, которыми распоряжаются их коллеги-республиканцы для манипуляции результатами выборов. При этом им все же удалось получить достаточно поддержки, а в отдельных случаях даже политической власти.

К тому же, поскольку в этом анализе отсутствуют левые, это скрывает некоторые критические аспекты динамики. Хэкер и Пирсон справедливо утверждают, что успех Республиканской партии и правых популистов в целом зависят от смещения внимания избирателей от экономических вопросов к неэкономическим и от классовых идентичностей к этническим. Но можно ли понять, как это произошло, не уделяя внимания и левым партиям – в частности, ослаблению их (левого) экономического профиля и сопутствующему смещению их внимания на неэкономические вопросы и неклассовые идентичности в течение последних десятилетий?

Более того, хотя правая экономическая политика, проводимая Республиканской партией, и отличается от левоцентристских экономических предпочтений большинства избирателей, справедливо и то, что у большинства американских избирателей взгляды на социальные и культурные вопросы отличаются от продвигаемых Демократической партией, что показывают те же исследования, которыми пользуются Хэкер и Пирсон. Такая же ситуация и с избирателями в Европе, взгляды большинства из которых по социальным и культурным вопросам «правее» взглядов социал-демократов и других левых партий.

Трамп и тот плутократический популизм, который он представляет, могут уничтожить американскую демократию. Но если мы хотим на самом деле понять проблемы, с которыми столкнулись США и другие демократические страны, нам нужен не только более точный анализ конкретных случаев, но и более масштабная сравнительная работа. Так можно будет выявить огромное количество факторов и разнообразных путей, приводящих к недовольству демократией и к популизму по всему миру.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal.

☞ **Шери Берман** (Sheri Berman) работает профессором политологии в Барнард-колледже при Колумбийском университете. Ее исследовательские интересы охватывают европейскую историю и политику, развитие демократии, популизм и фашизм, а также историю левых сил.

Большая релокация?

IT-отрасль Беларуси готовится к большому уходу. При негативном сценарии развития ситуации вести технологический бизнес будет невозможно.

Сергей Лавриненко

Развитый сектор экспорта IT-услуг – сегодня привычная картина для восточноевропейской страны. После развала инженерной кооперации в рамках оборонного заказа СССР во многих странах осталась масса хороших технических университетов и инженерных школ. Так и в Беларуси в 1990-е стихийно расцвел

IT-бизнес, изначально связанный с разработкой софта на заказ. К 2020 году отрасль достигла размера целых 5% ВВП, что является огромной цифрой для изначально индустриальной страны.

И сегодня, рассматривая IT-бизнес в Беларуси, мы говорим не только об аутсорсинге, но и о ряде всемирно известных продуктов родом из этой страны, таких как Viber, World of Tanks, MSQRD, Flo и сотни других. Строчки кода белорусских программистов есть практически во всех известных мировых продуктах.

На успех IT-сектора даже на фоне соседей повлияла не только хорошая инженерная база. В 2005 году государство организовало Парк Высоких Технологий (ПВТ) – особую экстерриториальную налоговую зону, где компании получали существенные налоговые льготы и работали легально, а самое главное – под защитой государства, практически не сталкиваясь с проблемами типичного белорусского частного бизнеса (силовики, контролеры, давление местных властей, коррупция и т.д.).

Белорусские разработчики создали себе на мировом рынке репутацию качественных и вдумчивых исполнителей, с европейским менталитетом, культурой и ценностями

Важно отметить, что Беларусь – небогатая страна без нефти и газа, а средний уровень зарплаты не превышает 500 евро. На этом фоне работа в IT-сфере – это чуть ли не единственный социальный лифт, который позволяет любому молодому человеку получить интересную работу и достойную по европейским меркам зарплату (около 2000 евро). Следовательно, на протяжении последних лет самые способные и думающие белорусы массово шли работать в технологический сектор. Белорусские разработчики создали себе на мировом рынке репутацию качественных и вдумчивых исполнителей, с европейским менталитетом, культурой и ценностями, что очень важно для отрасли.

Относительно высокий уровень дохода и участие в широкой международной кооперации привело к тому, что айтишники много путешествовали и знакомились с работой бизнеса в развитых странах Европы и США. Это определенным образом повлияло

на культуру и политические взгляды самих сотрудников. Благодаря льготам и защите от давления они жили во «внутренней эмиграции», не особо пересекаясь с государством и его структурами. Белорусский писатель Виктор Мартинович метко назвал эту ситуацию как «Сеул посреди Пхеньяна».

Но невозможно жить в государстве в состоянии вечного анклава, будучи все более значимой и растущей отраслью – на сегодня количество IT-специалистов в Беларуси составляет 60-100 тысяч. При этом спрос на IT-специалистов превышает предложение – айтишник не боится потерять работу и чувствует себя независимым, что отчасти заставляет компании идти на поводу настроения сотрудников. Все больше и больше IT-сектор вовлекался в общественную жизнь: сначала это были социальные хакатоны; в момент эпидемии COVID, когда государство по факту заняло позицию COVID-диссидента, был всплеск волонтерства и безвозмездных технических решений для врачей. На 3D-принтерах печатали защитные маски, жертвовали аппараты ИВЛ.

Первой ласточкой вовлечения IT в политику стало выдвижение первого главы ПВТ Валерия Цепкало. Сам он сделал карьеру профессионального дипломата, и этот факт уже создал определенное трение между IT-сообществом и властью. Айтишники активно участвовали в работе штаба Цепкало и другого кандидата – Виктора Бабарико.

Отрасль готовится к большому уходу. Речь идет о десятках тысяч людей, сотнях компаний. Все понимают, что при негативном сценарии развития ситуации в Беларуси будет невозможно работать спокойно, как раньше.

Для борьбы с непрозрачным подсчетом голосов на выборах айтишники решили создать платформы «Голос» и «Зубр», с помощью которых избиратель мог сфотографировать бюллетень, затем фотография обрабатывалась с помощью машинного зрения. В результате отчет платформы «Голос» показал, что официальные результаты абсолютно не соответствуют ни реальным фотографиям бюллетеней, ни даже опубликованным протоколам с участков.

После голосования много айтишников участвовали в массовых акциях протеста. Они независимы, не боятся остаться без работы и протестуют не ради куска хлеба, а ради гражданских прав и европейских ценностей, в противовес официальной советско-милитаристской эстетике и авторитарному государству, где у них нет права голоса.

Многие айтишники участвовали в различных фондах солидарности для пострадавших, были волонтерами. Несколько тысяч топ-менеджеров и сотрудников индустрии подписали открытое письмо с требованием осудить насилие в адрес протестующих, покарать виновных и провести повторные честные выборы. Была проведена многотысячная акция солидарности на территории ПВТ. Была запущена инициатива ByChange, где волонтеры переобучают силовиков в программистов, чтобы они не боялись остаться без дохода, потеряв профессию вследствие нежелания выполнять преступные приказы. Микита Микадо, основатель успешной компании PandaDoc, пошел еще дальше: он объявил о готовности помогать таким людям финансово. В день написания этого текста в его мин-

ской компании прошел обыск, директор и продукт-менеджер задержаны. Несколько известных предпринимателей и топ-менеджеров также вошли в состав Координационного совета, который был сформирован гражданским обществом с целью диалога.

В первые три дня после выборов в стране был практически отключен Интернет и заблокировано большинство популярных прокси-серверов и VPN. Интернет включили, но перебои с мобильным Интернетом случаются до сих пор в дни массовых акций протеста. Многих айтишников задерживали на протяжении всей политической кампании и жестоко избивали, многих задерживают до сих пор. Атмосферу в Минске сейчас сложно назвать продуктивной. Труд программиста требует креативности, спокойной и позитивной обстановки. Страх, тревога за будущее близких, беспокойство по поводу ситуации в стране, уничтоженный бизнес-климат и правовой дефолт – все эти факторы влияют на желание многих компаний и сотрудников релоцировать себя и семьи, уезжать. Сдерживающими факторами здесь являются, как ни странно, COVID, который закрывает границы в большой степени, а также надежда на то, что кризис разрешится в пользу протестующих и Беларусь станет правовым европейским демократическим государством.

Но если этого не случится, отрасли нужно готовиться к большому исходу. Речь идет о десятках тысяч людей, сотнях компаний. Все понимают, что при негативном сценарии развития ситуации в Беларуси будет невозможно работать спокойно, как раньше. IT-отрасль боится мести со стороны государства. Кроме этого, общий экономический упадок угрожает гуманитарной катастрофой в стране на фоне полного правового паралича, и это касается всех отраслей. Над страной нависает угроза дефолта и/или девальвации национальной валюты, центральный банк борется с ажиотажным спросом на валюту путем урезания ликвидности, а это в свою очередь создает риски для банковского сектора. Все компании готовят планы Б на случай экстренной релокации, многие компании уже релоцируют сотрудников. Пока нельзя говорить о массовости, так как крупным компаниям это довольно трудно сделать инфраструктурно, но более десятка небольших компаний уже запустили активный процесс.

Политических сценариев развития текущей ситуации так или иначе два: или происходит транзит власти в пользу демократически избранного кандидата (или парламента), либо в той или иной форме при поддержке России текущая власть сохраняется. Угрозы явного либо скрытого поглощения Россией многие компании тоже боятся: несмотря на то что российский авторитаризм во многом мягче во внутренней политике, для IT-специалистов Россия имеет имидж неправового государства, а санкции явным образом будут мешать вести технологический бизнес.

С верой в лучшее сотни тысяч людей вот уже месяц выходят на протесты. В обществе есть готовность к диалогу с государством, но пока идут задержания, надежда на продуктивный диалог тает на глазах. Никто не хочет уезжать, а многие уехавшие готовы вернуться, как только ситуация стабилизируется и в стране будет безопасно. Айтишники хорошо зарабатывают, и им нет нужды ехать за более высоким заработком в развитые страны, для большинства переезд – это не самая желанная перспектива и стресс.

Турция бросает вызов России на Кавказе

Москва попыталась играть с тяжеловесами мировой политики, но Анкара застала ее врасплох

Джаба Девдариани

Вот уже месяц, как в Нагорном Карабахе бушует полномасштабная война. В условиях продолжающейся пандемии, кризиса в Средиземноморье и внутренних проблем ЕС европейские наблюдатели не слишком обращают внимание на Южный Кавказ. Но по мере того, как азербайджанская армия продвигается впе-

ред, а Москва изо всех сил пытается закрепиться в качестве главного переговорщика, результаты краха международного порядка становятся все более очевидными.

С тех пор как президент Владимир Путин провозгласил «вставание России с колен», Кремль бросил вызов сложившемуся международному порядку, и олицетворяющему его государству – США, своему бывшему врагу в годы холодной войны, а также Евросоюзу. Но крах международного порядка также разрушил ограничения, сдерживавшие региональную вражду. Россия вынуждена признать, что Турция «изменила ситуацию на местах» в пользу своего регионального союзника, оставляя Кремлю все меньше приемлемых вариантов.

Многие наблюдатели отмечают, что Кремль «вернулся в глобальную политику» преимущественно как спойлер. Эта выгодная затея, требующая минимальных усилий, основывалась на предположении, что большинство соперников России – в Сирии, Украине или, например, Венесуэле – будут считать себя связанными теми же ограничениями и условностями, характерными для международного порядка, который стремится разрушить Россия.

Целью российской политики в отношении Нагорного Карабаха было сохранить баланс сил и удержать конфликт в замороженном состоянии

Новообретенный статус «великой державы» нужен был России, чтобы влиять на своих соседей, чем она и занималась. По всем правилам дипломатии великих европейских держав XIX века, которой Кремль, похоже, пользуется как методичкой для внешней политики, любая стоящая «великая держава» должна занимать доминирующую позицию в собственном регионе и бороться против любых попыток посягательства на эту позицию. Паранойя Кремля по поводу так называемых цветных революций и страх быть «окруженными» основывается на колониальной логике XIX века не меньше, чем на знаменитой «длинной телеграмме» Кеннана, в которой устанавливались принципы сдерживания СССР.

Если Москва и действовала за пределами своего реального экономического, дипломатического и военного веса, то это было преимущественно сделано для того, чтобы закрепить это региональное преимущество. Но по крайней мере один конкурент – Турция – похоже, увидел Россию в своем истинном свете – как региональную державу средней силы. Под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана Турция не меньше, чем Россия, ориентиру-

ется на времена еще до Первой мировой войны. Как и тогда, Россия и Турция могут быть ситуативными союзниками, но они постоянно пытаются получить преимущество друг над другом на приграничных территориях.

Анкара принимает и разделяет московскую формулу западного двуличия в применении проповедуемых стандартов. Как и Путин, президент Эрдоган склонен обращаться к имперскому прошлому и традиционным, религиозно окрашенным ценностям как противовесу либеральным и демократическим принципам. Однако само это сходство неизбежно ставит эти страны на позиции конкурентов.

Анкара, которую фантомная идея мирового господства заботит меньше, чем Москву, определила цели ближе к дому, и таким образом, похоже, застала Россию врасплох. Теперь Турция бросила России вызов, подначивая ее продемонстрировать свою великодержавную мощь в очень непростом регионе.

С каждым новым днем сражений Москва теряет позиции регионально-го обидчика

Сейчас часто говорят, что Нагорный Карабах – один из старейших вялотекущих конфликтов. Это действительно первый межгосударственный конфликт, с которым Россия столкнулась на постсоветском пространстве. Хрупкое равновесие, достигнутое на этой территории, закрепило геополитическую конфигурацию, в которой Армения стала главным союзником России в регионе. Оно также экономически сблизило Азербайджан с Турцией. До недавнего времени Азербайджан и Турция – последняя в качестве члена НАТО и западного союзника – являлись связующим звеном региона с более широкой Европой. Эта важная переменная, в частности, привлекла Грузию к сотрудничеству.

В то время как Турция брала на себя роль ключевого союзника США и партнера НАТО в регионе, ее участие в конфликтах на Южном Кавказе было ограничено этим статусом. Риторика Анкары о поддержке территориальной целостности как Грузии, так и Азербайджана носит в основном дипломатический характер. Военное сотрудничество с Азербайджаном – хотя и значительное – носило деловой характер: Анкара продавала оружие Баку, заваленному нефтедолларами, точно так же, как это делала Москва.

Но конфликт в Сирии и кризис беженцев отдалили Анкару как от Вашингтона, так и от Брюсселя. Теперь, не сдерживаемая этими союзами, Турция занимает гораздо более воинственную позицию, и ее военная роль, кажется, выходит за рамки того, что казалось возможным еще три года назад.

Целью российской политики в отношении Нагорного Карабаха было сохранить баланс сил и удержать конфликт в замороженном состоянии. Готовность Азербайджана пойти на военную операцию и громкая безоговорочная поддержка Турцией этой военной авантюры оставляют Москве крайне мало вариантов. Она может и, скорее всего, защитит собственно Армению от нападения Азербайджана. Но ей будет крайне сложно решиться на развертывание собственных войск для противостояния азербайджанским (и, возможно, турецким) силам. Выбрав такой курс действий, Кремль может испортить выгодные отношения с Баку и оттолкнуть страны Центральной Азии.

Это подводит нас ко второй проблеме, связанной с безопасностью. Выступая против западных институтов, Россия все же стремилась предложить собственную альтернативу этим институтам. ОДКБ копирует многие принципы НАТО, точно так же, как Евразийский экономический союз структурирован по схеме ЕС. Занимательно, что сейчас ОДКБ столкнулась с «дилеммой 5-й статьи» НАТО, и если Армения попросит ОДКБ о помощи и не получит ее, ценность альянса и доверие к его ведущему государству, России, значительно снизятся. При этом понятно, что государства Центральной Азии не будут принимать участия в конфликте в Нагорном Карабахе, а Беларуси сейчас не до того, чтобы отправлять на Кавказ свои войска.

Таким образом, Кремль оказался на стратегическом, даже философском распутье. Он может сохранить статус сильного игрока на международном уровне и вступить в альянс с западными субъектами, чтобы достичь мира в Нагорном Карабахе. Это соответствовало бы, например, концепции президента Франции Эммануэля Макрона о «диалоге по вопросам безопасности» с Россией и дало бы Москве шанс на этот раз выступить в качестве конструктивного игрока.

Тем не менее на региональном уровне такое решение будет противоречить доктрине Москвы о том, чтобы держать западных субъектов и международные организации подальше от своего региона. Действительно, после войны 2008 года в Грузии России удалось удерживать Южный Кавказ свободным от любого международного присутствия, остановив работу ООН в Абхазии и ОБСЕ в Цхинвальском регионе / Южной Осетии, не инициировав, но согласившись на закрытие офисов ОБСЕ в Баку (2015) и Ереване (2017).

Более того, участие в конфликте в роли партнера западных стран, вероятно, означало бы принятие самих принципов мультилатерального международного порядка, которые Россия в последние годы стабильно стремилась подорвать. Обязательства, которые Россия при этом взяла бы на себя, означали бы, что ей придется следовать правилам и в Украине, Грузии и других странах.

Все эти соображения, похоже, заводят Кремль практически в тупик, в то время как в Нагорном Карабахе продолжаются боевые действия. Москве остается надеяться, что натиск Азербайджана скоро ослабнет, открывая путь к переговорам. Но судя по риторической вовлеченности и Баку, и Анкары, разрядить обстановку без крупного военного успеха вряд ли получится.

С каждым новым днем сражений Москва теряет позиции регионального обидчика. В архитектуре региональной безопасности возникает прореха, которая влечет за собой возможную длительную нестабильность в регионе, характеризующуюся «горячим» опосредованным конфликтом и перераспределением союзничеств.

Это перевод обновленной версии оригинальной статьи, опубликованной на сайте civil.ge.

На этот раз без триумфа

«Слуге народа» Зеленского не удалось перезагрузить местную власть. Борьба с оппонентами обретает новые формы.

Богдан Ференс

В Украине завершается очередной избирательный цикл. Президенту Владимиру Зеленскому и его партии пришлось пройти испытание местными выборами, которые состоялись в прошедшее воскресенье, 25 октября. В штабе «Слуги народа» делали основную ставку на все еще высокий личный рейтинг президента, который, по их мнению, должен был помочь завести в местные советы максимальное количество своих депутатов. Даже до оглашения официальных результатов вполне очевидно, что повторить прошлогодний триумф партии власти не удалось.

Тема проведения местных выборов достаточно серьезно обсуждалась в Офисе президента еще год назад. В команде Зеленского понимали, что после мегауспешных президентской и парламентской кампаний логично было бы попытаться максимально оперативно перезагрузить местную власть. Но поскольку для проведения досрочных местных выборов на тот момент не было ни юридических оснований, ни соответствующего кадрового ресурса, имеющиеся силы были направлены на формирование собственной вертикали власти.

Тем временем местные элиты, постепенно оправившись от шока после парламентских выборов, готовились к ожесточенной борьбе за сохранение власти на местах.

Ни выстроенная президентом Зеленским вертикаль, ни его персональный рейтинг не смогли существенно помочь в борьбе за влияние на местах

И это им практически удалось. Предварительные результаты выборов иллюстрируют электоральную победу действующих мэров практически во всех больших городах. Еще 10 лет назад такое было бы сложно представить, ведь центральная власть с помощью административного ресурса практически всегда поглощала местных политиков и чиновников.

Но времена меняются. На этот раз ни выстроенная президентом Зеленским вертикаль, ни его персональный рейтинг не смогли существенно помочь в борьбе за влияние на местах.

Не на руку «Слуге народа» была и рекордно низкая явка избирателей (около 37%). Для сравнения: в 2015 году она составила порядка 47%. Это объясняется частично тем, что традиционно интерес к президентским и парламентским выборам намного выше, нежели к местным. Свою роль сыграло и вполне объяснимое желание людей избежать рисков, связанных с COVID-19.

Даже идея президента Зеленского провести одновременно с выборами всеукраинский опрос по некоторым вопросам социального и политического характера требовала более тщательной подготовки и качественной организации самого процесса. В итоге тема с эдакой демоверсией референдума нашла лишь частичную поддержку у сторонников президента.

Ни у кого не возникало сомнений, что предложения, связанные с сокращением народных депутатов, требованием безопасности и пожизненным заключением за коррупцию, народ одобрит. Открытым остается вопрос «А что делать дальше?». Ведь дальнейший механизм реагирования на полученные результаты до конца непонятен.

Зато региональным элитам было предельно ясно, ради чего они сражаются на местах. Именно благодаря реформе децентрализации у действующих мэров, чиновников и депутатов появились более серьезные возможности, в первую очередь финансового характера, проводить изменения. Справедливости ради нужно отметить, что в течение последних пяти лет многие областные центры качественно преобразовались: стала развиваться инфраструктура, начали открываться кафе и рестораны, создаются креативные пространства для молодежи. Соответственно с оседанием значительных финансовых ресурсов на местах интерес к местному самоуправлению существенно возрос. Многие региональные политики, которые ранее стремились получить министерскую должность или место в парламенте, отказались от этой затеи и занялись выстраиванием личного бренда, формируя вокруг себя группы влияния из бизнесменов, чиновников, силовиков и местной интеллигенции.

Оправиться от сокрушительного проигрыша годичной давности было непросто, но достаточно серьезная поддержка на местных выборах дает оппозиции надежду на изменение политической расстановки в свою пользу

Именно персональный рейтинг того или иного мэра (порой поддержка действующих мэров достигала 60-85 процентов), а также прямая коммуникация с избирателями послужили основными ресурсами для противостояния партии власти. Еще одним фактором, повлиявшим на электоральные симпатии, стала способность власти оперативно реагировать на угрозы, связанные со стремительным распространением COVID-19.

Именно грамотное позиционирование и оперативные действия во время пандемии позволили киевскому мэру Виталию Кличко существенно повысить свой рейтинг и лидировать на выборах. В то же время кандидате от партии «Слуга народа» Ирине Верещук не удалось получить даже 10% поддержки избирателей. Еще одной показательной неожиданностью на киевских выборах стало возвращение Александра Попова, занимавшего пост главы Киевской городской государственной администрации при Викторе Януковиче. Он баллотировался на кресло мэра от партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» и, по предварительным данным, занял второе место.

Впрочем, в некоторых регионах президентская сила все же сумела получить существенные электоральные симпатии, что позволит, как заявил ее глава Александр Кор-

ниенко, «формировать ситуативные коалиции с другими партиями, выступая при этом за деполитизацию местных советов».

Не секрет, что для основных политических игроков, которые находятся в оппозиции к действующей власти, местные выборы – это задел для будущих изменений в распределении власти. После оглашения первых результатов экзитполов многие эксперты заговорили о возможном расколе монобольшинства в Верховной Раде, а также о проведении внеочередных парламентских выборов уже в 2021 году. Чтобы избежать такого сценария, партии власти нужно будет усилить внутреннюю коммуникацию с депутатами, определить свои слабые места и попытаться сохранить имеющийся потенциал для дальнейшей борьбы с оппонентами. Эта борьба однозначно обретет новые формы.

Как минимум два основных политических антагониста – партия экс-президента Петра Порошенко «Европейская солидарность» (ЕС) и «Оппозиционная платформа – За жизнь» (ОПЗЖ) – будут искать любую возможность для изменения статус-кво. Оправиться от сокрушительного проигрыша годичной давности было непросто, но достаточно серьезная поддержка на местных выборах дает им надежду на изменение политической расстановки в свою пользу. Ведь озвученный ранее нарратив президента Зеленского о желании «сшить» страну не вполне отображается в реальной жизни: электоральные предпочтения украинцев на местных выборах вновь оголили проблему разделения по региональным признакам. Восток и юг Украины традиционно поддерживают пророссийские политические силы, а запад и частично центр – проевропейские.

Поэтому одним из основных приоритетов президента Зеленского на ближайшее время будет поиск балансов в сложившейся расстановке сил, а также политика «умиротворения» тех финансово-промышленных групп, которые не смогли получить свой кусок пирога в форме полноценного доступа к контролю над государственными активами.

При этом власти предстоит еще столкнуться с более серьезными вызовами экономического характера, которые лишь усугубляются пандемией как в Украине, так и во всем мире. Нужно понимать, что у предпринимателей, которые смогли сохранить свой бизнес после весеннего карантина, запас финансовой прочности исчерпался. А в случае падения промышленности можно ожидать сокращения рабочих мест и снижения ВВП.

Правительствами ведущих экономик мира были вложены миллиарды долларов в меры поддержки. Благодаря этому удалось восстановить производство в Германии, возобновить экономический потенциал Китая и снизить безработицу в США.

К сожалению, в Украине о таких финансовых возможностях можно только мечтать, поэтому внутренняя политическая стабильность и трезвое восприятие текущей ситуации крайне необходимы в столь изменчивое время.

☞ **Богдан Ференс** – основатель СД Платформы, кандидат политических наук, эксперт Института демократии и социального прогресса (ИДСП). Сфера исследовательских интересов: европейская интеграция, вопросы безопасности, миграция, транснационализация политических процессов.

Революция с «женским лицом»

Беларусь возглавила тренд на сильные женские образы, но медийный эффект не имеет ничего общего с политической победой

Ирина Соломатина

После событий 2010 года президентские выборы в Беларуси обычно ассоциируются с репрессиями против тех, кто проявляет недовольство действующей властью. Однако как в 2015, так и в 2020 году главной интригой выборов президента стали женщины.

Напомню, в 2015 году Татьяна Короткевич была зарегистрирована единым кандидатом от оппозиции, в этом году женщин стало больше – Светлана Тихановская и Анна Канопацкая. «Время женщин. Три штаба объединились против Лукашенко», «В истории еще не было, чтобы три женщины шли против диктатуры», «“Бабий бунт”. Принесет ли объединенный штаб гендерное равенство Беларуси?» – подобными заголовками пестрили СМИ, когда объединились штабы Светланы Тихановской и незарегистрированных кандидатов Валерия Цепкало и Виктора Бабарико.

В своих кампаниях кандидатки в президенты упоминали социальные проблемы исключительно в терминах заботы (о муже, детях и белорусах), в их риторике не было места ни феминистической, ни гендерной повесткам. Патриархатные мифы и гендерные предрассудки, которые остаются одними из элементов белорусского общественного консенсуса, не пошатнулись. Наоборот, Светлана Тихановская, Виктория Цепкало и Мария Колесникова, как и Татьяна Короткевич пять лет назад, борются в пользу мужчин, которые по тем или иным причинам не могут участвовать в политической гонке.

«Женское лицо» протестов – это прежде всего медийный эффект. Мало кого из представителей прессы интересует анализ и кампании штабов.

Образ Светланы Тихановской – домохозяйки, которая подчеркивала свой материнский опыт и любовь к мужу, должен был стать исчерпывающим аргументом, заменяющим развернутую программу. Такая «естественность» семейного уклада немедленно проецировалась на модель государства как большой семьи.

Женщины в белых одеждах с цветами, поющие колыбельные, смиренно стоящие бо-сиком или обнимающие бойцов ОМОНа и встающие перед ними на колени, – основное визуальное сопровождение антилукашенковской кампании 2020 года. Другими словами, «женское лицо» протестов – это прежде всего медийный эффект. Мало кого из представителей прессы интересует анализ и кампании штабов и протестов (с «женским лицом») не в событийном ряду, а в обсуждении проблем участия женщин в политике и гендерной

повестке в стране. Скорее всего, такой аспект не очень интересен и самим оппозиционерам. Ведь цель одна – смена власти и свободные повторные выборы с альтернативными кандидатами – мужьями и соратниками.

Важно отметить, что во время протестов женщин задерживали меньше, их не били и не пытали, как мужчин, что еще раз подтверждает гендерную разницу в дисциплинарных попытках, поддерживающую установленный Лукашенко порядок. Меньший размах пыток – это продолжение дискриминационно-опекательной модели государства по отношению к женщинам. Отсюда и желание некоторых воспользоваться «патриархальным укладом в головах силовиков». Сделать акцию исключительно с женщинами было безопасным вариантом: решалась задача с явкой тех, кто боится выходить на улицы, и тренд на сильные женские образы в мире закрывался. Факт попадания на обложки и в выпуски Guardian, New York Times, BBC «наших женщин в белом» выдавался за «правильный акцент». Но ведь попадание новости на первую полосу не имеет ничего общего с политической победой.

В 2020 году мы наблюдаем за историей политического транзита, который не обусловлен сменой политической повестки в терминах прав женщин или любой другой уязвимой группы

В Беларуси как новая, как и старая оппозиция остается заложницей власти, а гендерная повестка остается заложницей оппозиции и женщин, помогающих «своим» мужчинам реализовывать собственные политические амбиции. Женщины, приносящие себя в жертву во имя гетеропатриархатных ценностей, которые кажутся им такими светлыми, подставляют не только себя, но и других женщин. Собственно, Лукашенко транслирует эти же ценности, сравнивая себя с единственным «мужиком», способным выдержать груз гаранта Конституции.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов идейное наполнение женского активизма в «старой» оппозиции управлялось позицией доноров – как относительно содержания, так и выбора партнеров – и разнообразными компромиссами с верхушками партий. Последовавший за этим период давления на женщин-активисток подорвал их кооперацию и стремление действовать в пространстве публичной политики. До сих пор, кроме стремления к символическому лидерству и участию в электоральных циклах, у женщин-активисток отсутствуют внятные представления о собственных целях.

И да, в 2020 году мы наблюдаем за историей политического транзита, который не обусловлен сменой политической повестки в терминах прав женщин или любой другой уязвимой группы, главным событием которой стала беспрецедентная волна массовых задержаний и пыток.

Организованные женские акции в духе жертвенно-героического пафоса, особенно на уровне массовых действий, вряд ли способствует осмыслению произвола и продвижению женской повестки, как и ресурс солидарности подобных акций трудно конвертировать в выработку своей повестки. Проблемой является и отсутствие или фрагментарность долгосрочной самоорганизации, ведь цель стимулировать самоорганизацию женщин не стояла. Важно было «повысить явку на событие».

Но вопрос, какие есть возможности у женщин в современной Беларуси, чтобы выработать свои собственные цели и повестки, заявить о них и быть признанными самостоятельными субъектами политического перехода к столь желанному демократическому транзиту, остается без ответа.

И непонятно, до каких пор будут оставаться социально одобряемыми откровенно сексистские проекты в духе акции с распространением афиш в минском метро с текстами «Белорусские девушки, вы наши цветы победы», «Белорусские девушки, вы самые красивые». Девушек не признают субъектами политики, подобные комплименты, высказанные в отношении «женских лиц» белорусской революции, ничем не отличаются от высказывания Александра Лукашенко, что «призвание женщины – украшать мир» и в семье, и в парламенте. Менсплейнинг широко распространен в Беларуси, и такой стиль коммуникации отражает устоявшуюся ролевую асимметрию, которая отдает главенство и первенство мужчинам.

Государственная политика Беларуси в отношении женщин отличается крайне низкой чувствительностью к их потребностям, а темы ухудшения положения женщин выпадают из фокуса внимания медиа. В СМИ репрезентируют женский протест либо как невероятный пример женского активизма, либо как неадекватное поведенческое проявление, которое унижает как белорусских мужчин, «прячущихся за женщинами», так и самих женщин. Причем культивирование символов чистоты (белизны) и красоты (цветов) как неотъемлемой части новой национальной символики резонирует с последовательной аналогией между политическим произволом и семейным насилием.

☞ **Ирина Соломатина** (Irina Solomatina) – основательница проекта «Гендерный маршрут». Координирует проведение «Глобального медиа мониторинга» в Беларуси, членка региональной консультативной группы организаций гражданского общества «ООН-женщины» для Европы и Центральной Азии.

«Замороженный» конфликт неизбежно растает

Долгосрочные соглашения о прекращении огня не решают конфликты. Вопрос поколений всегда будет продлевать проблему.

Кристофер Лэнгтон

В конце холодной войны все три конфликта, вспыхнувшие в регионе Южного Кавказа: в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе – закончились соглашениями о прекращении огня. Эти конфликты были «заморожены» соглашениями о прекращении огня в рамках различных мандатов. Московское соглашение под наблюдением ООН в Абхазии; в Южной Осетии – Сочинское соглашение в рамках совместного соглашения России и Грузии; а в Нагорном Карабахе – Минское соглашение при посредничестве ОБСЕ. Все эти договоренности были нарушены. В случае Абхазии и Южной Осетии их фактически больше не существует после российско-грузинской пятидневной войны в августе 2008 года. В Нагорном Карабахе быстро улетучивается любая надежда, что Минские соглашения станут жизнеспособным инструментом, который приведет к миру.

Чем дольше действует режим прекращения огня, тем больше вероятность того, что его проигнорируют

История учит нас, что соглашения о прекращении огня не решают конфликты и сами по себе являются временными инструментами, которыми можно приостановить конфликт для поиска более долгосрочных решений. Чем дольше действует режим прекращения огня, тем больше вероятность того, что его проигнорируют. Внешние субъекты, которые должны наблюдать за соблюдением режима прекращения огня, переключаются на что-то другое и теряют интерес, к тому же перестают фокусироваться на том, чтобы перевести предварительное соглашение в более стабильную позицию. Тогда конфликт растягивается на несколько поколений, и новые поколения, не обремененные воспоминаниями об ужасах первоначального конфликта и подогреты националистическими стремлениями, возобновляют старую вражду. Конфликт и дальше будет меняться – не только проявления насилия, а и субъекты с разными идеалами, то есть подходами к исходным историческим проблемам – а это, в свою очередь, будет означать, что меняться будут и соглашения.

В грузино-абхазском конфликте легко проследить, как потеря времени и меньшее внимание от внешних субъектов к значениям происходящих изменений привели к возобновлению войны. Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил, подписанное в 1994 году для прекращения боевых действий, начавшихся в

1991 году, не менялось вплоть до 2008 года, когда Грузия и Россия вступили в войну, которая привела к неизбежной победе более сильного государства. К тому времени влияние ООН на конфликт стало практически незаметным, как и действия, предпринимаемые организацией. Изменился и характер руководства России и Грузии, и подход к конфликту: от взаимного общения он перешел к амбициозному национализму с обеих сторон. Такое же отсутствие столь необходимой адаптации соглашения к меняющимся обстоятельствам можно увидеть и в Сочинском соглашении, которое привело к прекращению огня в конфликте в Южной Осетии, и в соглашении при посредничестве ОБСЕ, которое привело к неясному прекращению боевых действий в Нагорном Карабахе в 1994 году.

Во всех случаях амбиции, демография и характер воюющих сторон изменились по сравнению с первоначальными конфликтами, как и внешние субъекты, ищущие решения. При этом условия соглашений остаются прежними, неадаптированными к новым реалиям, характерам и изменениям среди участников конфликта. Следовательно, нет такого понятия, как «замороженный» конфликт. «Лед» конфликта всегда будет неизбежно таять, как айсберг, что приведет к возвращению к активной фазе. Такова теперь печальная история конфликта в Нагорном Карабахе.

Несмотря на меняющуюся природу конфликта, государства, вовлеченные в урегулирование конфликтов, часто придерживаются старых практик

Растущие амбиции Анкары на Ближнем Востоке и Южном Кавказе – как раз тот случай, в котором ответственным за надзор за соглашением, в данном случае Минской группе, следует решительно отреагировать на изменения среди лидеров, а также на события в конфликтном регионе; понять, что это означает, и при необходимости внести изменения в подход к урегулированию конфликта, которые привели бы к перспективе компромисса. Возможности для компромисса в Нагорном Карабахе ограничены, так как более мощный игрок, то есть Турция, воспользовался тем, что международное сообщество сейчас ослаблено пандемией и другими факторами. В некотором смысле руководство Минской группы пока что оказалось в стороне, и решение пока не предвидится.

Недавнее соглашение о прекращении огня, которое было согласовано Баку и Ереваном при посредничестве Сергея Лаврова для создания гуманитарных коридоров в зоне конфликта, уже было существенно нарушено. Но создание гуманитарных коридоров в условиях конфликта является требованием международного права. В последнее время эту норму часто нарушали или игнорировали; и те стороны, которые ее нарушали, не подвергались наказанию, что означает, что со временем у «закона» становится все меньше силы. В современных конфликтах наблюдается тенденция, когда если не приверженность, то хотя бы историческое понимание международного гуманитарного права, международного права вооруженных конфликтов, теории «справедливой войны» св. Фомы Аквинского, Женевской конвенции и других норм, которые в совокупности служили

механизмами контроля за воюющими сторонами, часто игнорируют, хотя и не забывают. Одной из причин является растущее присутствие негосударственных субъектов на поле боя и трудности общения с ними в контексте правил и соглашений, которые они никогда не подписывали. Еще одна причина – склонность более сильных государств не подавать пример соблюдения правовых норм, что подрывает перспективы урегулирования конфликтов.

Проблемы конфликтов, в которых действуют долгосрочные неизменные соглашения о прекращении огня, всегда сложно решать – особенно проблему поколений. В конфликте на Донбассе те, кто в 2014 году были еще юношами, сейчас – мужчины, имеющие право на оружие, а учитывая их незавидные экономические перспективы, это увеличивает риск насилия, а не уменьшает его.

В «замороженных» конфликтах, которые все чаще «тают», реальность сурова – вопрос поколений всегда будет продлевать проблему

Однако в риторике украинской власти появляется определенная откровенность, которая дает хоть бы небольшое основание надеяться на то, что в урегулировании конфликта будут достигнуты значимые результаты. Простая идея, высказанная недавно представителем власти, что «Украина не может просто обвинять Россию в конфликте», – утверждение простое, но сильное, которое может принести пользу, если его развивать дальше. Это зависит от того, будет ли реакция Москвы на изменение риторики положительной. Риторика и действия всех сторон конфликта с его начала в 2014 году были конфронтационными и негативными, так что это изменение риторики может привести к прогрессу, но если вторая сторона не ответит тем же, прогресс будет недолгим. Чтобы этот небольшой «сдвиг» со стороны Киева что-то значил, Москва должна на него отреагировать.

В целом, несмотря на меняющуюся природу конфликта, государства, вовлеченные в урегулирование конфликтов, часто придерживаются старых практик. Что важно, при этом часто сосредотачиваются на подходе «сверху вниз», при котором коммуникация происходит между правительствами, а иногда на первый план выходит повестка внешних субъектов. С негосударственными участниками конфликта переговоры вести часто отказываются, боясь таким образом легитимизировать сепаратистское государство или организацию. Интересно, что государства ключевой целью называют демократизацию, даже когда речь идет о государствах, в которых нет развитой или развивающейся демократической культуры. Возможно, их настоящая цель – восстановить экономический потенциал для будущих поколений.

Для некоторых подход «сверху вниз» кажется естественным, но в так называемых замороженных конфликтах, которые все чаще «тают», реальность сурова – вопрос поколений всегда будет продлевать проблему. Это произошло в Грузии, Северной Ирландии и многих других местах. Мотивация молодых мужчин сражаться, «если вы не сражались раньше», очень сильна, а когда ее поддерживают внешние силы, конфликт всегда будет возрождаться за счет тех, кто готов идти в бой. Чтобы разрешить конфликт мирным путем

и предотвратить попадание молодежи в «ловушку поколений», приоритетом должен быть подход «снизу вверх».

Будущие поколения, включая новые политические элиты, их экономические перспективы, образование, статус и достоинство являются ключевыми аспектами урегулирования конфликта в XXI веке, когда старые нормы поведения во время конфликта уже не актуальны. Сильна и мотивация НЕ сражаться, если при этом можно потерять возможности для процветающего будущего.

Ⓢ **Кристофер Лэнгтон** (Christopher Langton) – британский военный эксперт, в настоящее время руководитель экспертной группы «Независимое исследование и анализ конфликтов» (Independent Conflict Research & Analysis/ICRA). Он прослужил 32 года в британской армии, был заместителем главы Миссии ООН по наблюдению в Грузии, военным атташе в России, странах Южного Кавказа и Центральной Азии.

Естественное расхождение

Россия и Запад перестали быть важными друг для друга. Отравление Навального – лишь предлог для разрыва отношений.

Федор Лукьянов

Спустя неполные две недели после того, как Германия официально стала единой, Норвежский Нобелевский комитет объявил о присуждении премии мира за 1990 год президенту СССР Михаилу Горбачеву. Формулировка гласила: «За ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества. В последние годы в отношениях между Востоком и Западом произошли весомые перемены».

Главным символом перемен стало именно германское объединение, так же как раздел Германии после Второй мировой надолго зафиксировал состояние холодной войны в Европе и мире. Отмечая 30-летие германского единства, мы оцениваем не только путь, пройденный за это время Москвой и Бонном/Берлином, но и итоги курса, который был задан Горбачевым. Немало признаков того, что этап, начатый тогда, завершился.

Чтобы понять то, что происходит сейчас, важно вспомнить уже относительно давние времена. Судьбоносным моментом для России (в ту пору СССР) и Германии (тогда Западной) стало формулирование в западногерманских политических кругах идеи «Восточной политики», которая затем стала основой работы федерального правительства Вилли Брандта.

Главное заключается в том, что в основе «Восточной политики» Германии находился вопрос безопасности. Конечно, и для потребителей, и для поставщиков были важны материальные выгоды от торговли газом, постоянно расширявшейся с начала 1970-х годов. Но никто даже не стал бы обсуждать этот сюжет, если бы проект не способствовал решению главной задачи – управлению военно-политическим противостоянием. Именно благодаря этому факту администрация США, с подозрением (как и теперь) относившаяся к строительству трубопроводов с востока на запад, в итоге все же соглашалась на расширение поставок. Европейские союзники, прежде всего ФРГ, убедительно объясняли Вашингтону (даже администрации Рональда Рейгана, считавшей СССР империей зла), что союзническим обязательствам ничто не грозит, а стабильность укрепляется. (Сегодня Соединенные Штаты, как честно признался Трамп на встрече с Путиным в Хельсинки, воспринимают газопровод прежде всего сквозь призму конкуренции за европейский рынок.)

Почему это существенно сегодня? Модель отношений России и Германии и после объединения (которое стало во многом продуктом «Восточной политики», во всяком случае, она сильно ему способствовала) принципиально не изменилась. Она была основана на принципах, работавших в эпоху противостояния, хотя прежнее противостояние закончилось. Само активное содействие Москвы в объединении Германии во многом объяснялось тем, что в Кремле ожидали продолжения и развития именно прежней взаимовыгодной линии.

Но после холодной войны разрушилась стройная схема, основанная на необходимости укреплять безопасность. Американские администрации постепенно теряли интерес к двусторонним договорам в сфере стратегической стабильности. Противостояние с Россией

больше не рассматривалось как стержень политики Соединенных Штатов, а любое ограничение свободы рук несвойственно американскому политическому подходу. Для Европейского союза, и Германии в частности, газовые проекты утрачивали смысл геополитического якоря. Они становились гораздо более коммерческими. А идея взаимозависимости как гаранта стабильности оспаривалась по двум направлениям. С одной стороны, появились новые страны (прежде всего Украина), заинтересованные в том, чтобы использовать свои транзитные возможности для давления на поставщиков и потребителей. С другой – после вхождения государств Восточной Европы в Евросоюзе появился диаметрально противоположный взгляд на российский газ. Эти государства рассматривали его не как залог спокойствия, а как инструмент враждебного воздействия и лоббизма.

Проблема нынешних отношений России и Запада – концептуальное исчерпание. Особенно это видно как раз на примере России и Германии.

Логично, что сейчас в центре самой острой полемики оказался газопровод. Дело не только во вложенных средствах и приложенных усилиях. Поставки топлива в Европу, прежде всего в Германию, на протяжении полувека составляли фундамент не только экономических, но и политических отношений. Эта модель сохранилась и в новое время, наступившее после 1991 года: Германия оставалась опорным партнером России в ЕС. Развитием этой модели служили и проекты разных «поток», обсуждаемые с начала XXI века. Если отвлечься от коммерческих интересов, то энергетическая инфраструктура играла системообразующую роль. Сначала она удерживала от чрезмерного обострения противостояния, а потом рассматривалась как материальный каркас для строительства «Большой Европы» (что бы в разное время под этим ни подразумевалось). А эта самая «Большая Европа» представлялась в качестве естественной и даже безальтернативной геополитической и геоэкономической перспективы европейского пространства.

Проблема нынешних отношений России и Запада – концептуальное исчерпание. Особенно это видно как раз на примере России и Германии. Опыт «Восточной политики» Вилли Брандта и его продолжателей, объединения Германии при Гельмуте Коле и инициатив в духе «сближения через переплетение» Герхарда Шредера и Франка-Вальтера Штайнмайера вроде бы должны создать незыблемый фундамент. Отсюда и искреннее изумление в России по поводу того, что стремительно исчезают «особые отношения», а Берлин становится чуть ли не заводилой кампании с требованием призвать Москву к ответу. Началось это уже довольно давно, но достигло кульминации в связи с отравлением Алексея Навального, который был препровожден в берлинскую клинику «Шарите».

Но если взглянуть на курс Германии в развитии, то удивляться изменениям на российском направлении оснований нет. В политике Германии сначала доминировал тот самый вопрос поддержания безопасности (прежде всего через продвижение примирительных идей «Восточной политики»), а затем преобладающим стал интерес Германии как флага ЕС к экспансии европейского проекта на восток. Безопасность в прежнем понимании более не актуальна, Россия, даже если захочет, не способна составить такую угрозу Западу, которую составлял СССР. А экспансия если и не закончена, то отложена в долгий ящик. У Евросоюза слишком много задач, связанных с внутренней трансформацией, а каким он выйдет из этого

процесса, никому не известно. Последнее для Берлина настолько важно, что ради достижения приемлемого состояния европейской интеграции он готов отодвинуть долго складывавшиеся отношения с Москвой. «Большая Европа» больше не является целью.

Параллельный процесс происходит на другом берегу Атлантики. Администрация Трампа завершает демонтаж военно-политических договоров 1970-х – 2010-х годов, которые в новых условиях Вашингтон считает ненужными. Вместе с ними исчезает и стержень российско-американских контактов всех этих десятилетий. Это не означает, что с повестки дня уходит вопрос ядерного сдерживания и возможности физического уничтожения друг друга. Но совместных мероприятий для снижения угрозы, кажется, больше не планируется – каждый ведет себя так, как считает нужным. Европа вроде бы этим очень озабочена, но, приватно возмущаясь действиями США, либо фактически их поддерживая (как в случае с РСМД), либо никак не противодействует.

На протяжении 30 лет после объединения Германия, объективно наиболее сильная и влиятельная страна Евросоюза, эмансипировалась из государства с ограниченным суверенитетом в доминирующую силу ЕС. И встал вопрос о том, каково представление Берлина о формах и пределах европейского проекта, лидером которого он стал. События 2010-х годов показали, что расширение этого проекта имеет границы. Нарастающие внутренние проблемы и проявившиеся внешние ограничители (неспокойный Ближний Восток и демонстрирующая жесткость Россия) заставили очертить более скромную сферу амбиций. Намного больше усилий стали прилагать к урегулированию конфликтов внутри Союза. Соответственно, изменилась и значимость энергетической темы. С коммерческой точки зрения и в контексте надежности поставок партнерство с Россией по-прежнему существенно. А вот политически оно стало скорее бременем: трения внутри Евросоюза из-за России осложняют Берлину выстраивание взаимоотношений с рядом партнеров по ЕС.

Мир вступил в другую эпоху, когда этический и ценностный плюрализм, как бы к этому ни относились в Европе, становится всеобщей реальностью

Накануне 30-летия объединения Германии, в котором решающую роль сыграло кремлевское руководство, отношения Берлина и Москвы достигли низшей точки взаимного понимания. Российская внешняя политика на западном направлении бьет мимо цели. Несколько упрощая, можно сказать, что в ней присутствует стремление активировать (зачастую одновременно) обе прежде путеводные темы – безопасность и взаимовыгодное партнерство как способ ее обеспечить. Москва то решает напомнить Европе и США, что представляет собой значимую силовую единицу, способную при необходимости эту силу применить. И относиться к ней надо с уважением. То предлагает сотрудничать и вместе извлекать дивиденды, используя российский экономический потенциал. Не работает ни та, ни другая линия.

Российская военная угроза воспринимается всерьез в основном в соседних странах бывшего советского блока. Они в силу возможностей стараются донести свои страхи до грандов. Но не в том смысле, что с Россией надо договориться о правилах игры, как того ожидает Москва. А как раз наоборот – с призывом дать русским максимальный отпор по всем фронтам. В крупных странах тема российской военной угрозы не вызывает такого живого отклика, хотя охотно используется как аргумент против расширения взаимодей-

ствия. Что же касается «гибридной» угрозы из России, о которой на Западе твердят не переставая, то из-за нее отношения заходят в тупик. Вне зависимости от того, реальная эта тема или мнимая, разыгрывается она в каком-то пространстве теней и полусвета. Это исключает возможности не только верифицируемых договоренностей, но даже сколько-нибудь аргументированной рациональной дискуссии.

Вариант взаимовыгодного сотрудничества, естественно, омрачается глубоким политическим недоверием, но в первую очередь упирается в восприятие России как страны с блеклыми экономическими перспективами. Здесь Россию невыгодно оттеняет Китай, который, несмотря на быстро ухудшающиеся сейчас политические отношения с США и Европой, выглядит крайне динамичным и перспективным экономическим субъектом. Россия как страна с богатыми ресурсами и достаточно крупным рынком, конечно, все равно вызывает потенциальный интерес. Однако отсутствие бурного развития, с одной стороны, и наличие растущих политических препятствий, с другой, не стимулирует желания этот интерес развивать и реализовывать.

Разговор России и Запада, важнейшим собеседником в котором является Германия, выглядит сейчас невероятно странно. Во-первых, в никуда завела тема ценностей, которая была несущей 30 лет назад. Тогда считалось, что вся Европа, включая Россию, формирует общее ценностное пространство, и ценности эти имеют под собой западную либеральную основу. Публичные претензии к России еще с 1990-х годов заключались прежде всего в том, что она отступает от этих ценностей, демонстрируя тем самым неготовность к подлинному сотрудничеству с Европой. Можно по-разному оценивать путь, пройденный российской политикой за 30 лет, но ясно, что она ушла от тех идейных рамок, которых от нее ожидали тогда. И не вернется в них даже не потому, что ее собственная эволюция необратима, а потому что сама эта ценностная модель выходит из употребления в качестве универсальной. Мир вступил в другую эпоху, когда этический и ценностный плюрализм, как бы к этому ни относились в Европе, становится всеобщей реальностью. И в основу межгосударственных отношений не может закладываться критерий выполнения партнером того или иного набора критериев ценностного рода.

В этом смысле Россия, по сути, хотела бы возвращения к периоду, когда внутреннее устройство государств не служило предметом обсуждения с внешними партнерами. В идеале это эпоха начала «Восточной политики», первая половина 1970-х годов, еще до Хельсинкского акта, закрепившего «третью корзину», то есть права и свободы, в качестве элемента международного общения. В те времена было невозможно представить себе, что дорогостоящий стратегически важный проект наподобие «Северного потока-2» оказался бы под угрозой из-за персональной истории диссидента. Даже если диссидент вызывал симпатии на Западе.

Во-вторых, российская сторона исходит из классических схем, согласно которым, что бы ни грохотало на поверхности, есть некий конфиденциальный политико-дипломатический процесс, в ходе которого и решаются реальные вопросы. Эта ностальгия по дипломатии лучших времен постоянно наталкивается, во-первых, на отсутствие конфиденциальности как категории, во-вторых, на тот факт, что никаких реальных вопросов за кулисами никто решать то ли не хочет, то ли не может. Выплескивание на всеобщее обозрение закрытых разговоров стало общепринятой практикой. Недавний пример – публикация изложения беседы президентов России и Франции в *Le Monde*. Возмущение Кремля понимания в Елисейском дворце или ведомстве федерального канцлера не находит. Прежде всего потому что для западных собеседников намного важнее выстраивать свой имидж для собственной публики, чем о чем-то договориться с Москвой. Наиболее во-

пиющее проявление атаки внутренней политики на внешнюю – неоднократно звучавшие требования демократов в США, чтобы Белый дом полностью обнародовал переговоры Трампа с Путиным, вплоть до попыток публично допросить переводчиков.

Сегодняшний диалог Запада с Россией в принципе не подразумевает договоренностей и взаимодействия. Обмен заявлениями по поводу ситуации с Алексеем Навальным являет собой спектакль, который разыгрывается даже не для зрителей, а для самих исполнителей с обеих сторон. Никакого результата здесь не может быть по определению. Сам факт того, что малопонятный и логически труднообъяснимый эпизод стал поводом для острого кризиса международного масштаба, является наглядной иллюстрацией состояния отношений России с ведущими западными державами. Иррациональность происходящего не позволяет рассчитывать на нахождение разумного и приемлемого для всех выхода из ситуации. И это не единственный случай такого рода.

Приоритеты России и Германии расходятся по объективным причинам, которые усугубляются субъективными факторами

На протяжении 30 лет после холодной войны отношения России и Запада продолжали (в режиме затухания) определяться шлейфом того, что было заложено в период противостояния и что хотели трансформировать в новую форму сотрудничества после него. Сейчас, однако, это закончилось, как завершилась и попытка приспособить международные институты, созданные во второй половине XX века, к реальности века XXI. Главное изменение – Россия и Запад перестали быть настолько важны друг для друга, как были в годы холодной войны, а по инерции и в течение какого-то времени после. Европа занимается собой. Соединенные Штаты – собой и противостоянием с Китаем. России необходимо переосмыслить приоритеты, чтобы выработать верную модель поведения в мире, центром которого является Азия, а наиболее значимым партнером – Китай.

Если совсем упростить картину российско-германских отношений в 2020 году, то получается следующее. Германия как главная страна Европы больше не считает приоритетом распространение европейской модели на восток. А Россия, долгое время рассматривавшая отношения с Европой как самоценные, перестает их так воспринимать, начав искать более тесных связей с Азией. Так что конкретные обстоятельства, вызывавшие нынешнее обострение, – повод, а не причина перемен. Приоритеты расходятся по объективным причинам, которые усугубляются субъективными факторами.

Это не означает, что обратного движения никогда не будет. Россия как опорная страна Евразии, европейская по своей культуре, и Германия как наиболее мощная страна Европы, которая неизбежно будет обретать в предстоящие годы новую идентичность, снова понадобятся друг другу. Но случится это тогда, когда оформится другая модель мирового устройства, имеющая мало общего с уходящим порядком второй половины прошлого – начала этого века, органичной и неотъемлемой частью которого была «Восточная политика», ушедшая вместе с ним.

☞ **Федор Лукьянов** (Fyodor Lukyanov) – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.

Успеть до пятницы

Пандемия напомнила: женщины выполняют больше неоплачиваемой работы, чем мужчины. Четырехдневная рабочая неделя могла бы сместить баланс.

Катерина Задоенко

Эта статья была отправлена в редакцию поздно ночью с нарушением всех возможных дедлайнов и могла не выйти в свет. Передо мной, как женой, матерью двоих детей, аспиранткой, консультанткой международной неправительственной организации, а также общественной активисткой, регулярно возникает

дилемма между коляской и ноутбуком.

Как свидетельствуют исследования, в большинстве семей именно на женщинах, в том числе и работающих, лежат основные обязанности по воспитанию и обучению детей, забота о престарелых родственниках, уход за больными, домашнее хозяйство и дополнительная большая эмоциональная работа.

Проблемы неравенства особенно напоминают о себе и сильнее влияют на женщин в период войн и кризисов. Сегодня, в условиях пандемии COVID-19, мировая экономика расплатилась с женщинами неравномерным экономическим и социальным влиянием. Во всем мире участились случаи домашнего насилия. Кроме того, правительства некоторых стран воспользовались кризисом для ограничения доступа женщин к услугам в сфере сексуального и репродуктивного здоровья.

Современные экономические, социальные и политические приоритеты правительств не отражают потребностей большинства населения. Людям необходим фундамент безопасности и доверия в обществе: более низкий уровень стресса, более высокий уровень удовлетворенности работой, лучший баланс между работой и личной жизнью.

Самое время обратить внимание на аргументы ведущих ученых и исследователей в пользу четырехдневной рабочей недели, озвученных на Всемирном экономическом форуме в Давосе еще в прошлом году. По мнению выступавших, при снижении продолжительности рабочего времени работники смогут лучше восстанавливаться, станут более креативными, их производительность и эффективность вырастут.

Исторический опыт подтверждает мысль о том, что роботизация, автоматизация и инновационные конструкторские решения неизбежно сократят количество рабочего времени и приведут нас к сокращению рабочей недели. По экспертным оценкам, такая реформа рынка труда благоприятно скажется на здоровье работников, позволит увеличить производительность, занятость и даже создать новые рабочие места, улучшит экологическую ситуацию.

На сегодняшний день максимальная продолжительность рабочей недели в Украине, как и в Польше, Греции и Чехии, составляет 40 часов, хотя в большинстве развивающихся стран этот показатель выше: 48 часов. По данным Международной организации труда, в странах с высоким уровнем доходов средняя продолжительность рабочей недели составляет 38 часов, а в странах с доходом выше среднего – 43 часа. По данным Eurostat, в Нидерландах трудятся всего 27 часов в неделю, в Дании и Норвегии – 33.

Рабочая неделя в Германии длится около 35 часов. При этом среди немецких компаний распространена практика сокращения длительности рабочего дня в случае появления финансовых проблем вместо увольнения сотрудников. Дольше всех работают в Европе англичане – 39 часов, в Китае и США работают по 46 часов неделю, в Таиланде и Индии – шестидневка, большинство работников трудятся до 48 часов в неделю, а в Южной Корее и Японии – по 50-55 часов.

Такая реформа рынка труда благоприятно скажется на здоровье работников, позволит увеличить производительность, занятость и даже создать новые рабочие места, улучшит экологическую ситуацию

В индустриально развитых странах рассматривается возможность сокращения рабочей недели для компенсации неблагоприятного воздействия пандемии Covid-19 на экономику. Так, крупнейший профсоюз Германии IG Metall, в который входят более 2,4 млн работников металлообрабатывающей и электротехнической отраслей, летом прошлого года предложил предприятиям-участникам сократить рабочую неделю до четырех дней. Также Федерация британских профсоюзов призывает сократить рабочую неделю до четырех дней и утверждает, что это позволит работникам делиться с окружающими создаваемыми технологиями, такими как машинное обучение и робототехника. Кроме того, в британских профсоюзах TUC считают, что четырехдневка уменьшит стресс от «жонглирования» работой и семейной жизнью и может улучшить гендерное равенство. Лейбористская партия в своем предвыборном манифесте 2019 года взяла на себя обязательство двигаться в направлении 32-часовой рабочей недели в течение десятилетия.

Во всем мире компании проводят эксперименты по уменьшению продолжительности трудовой недели. В частности, Microsoft, Shake Shack, Basecamp и Uniqlo уже переводят свой персонал на четырехдневную неделю при условии сохранения полной зарплаты. Первые результаты подтвердили, что качество работы и производительность труда выросли, персоналу стало интереснее работать, стрессов стало меньше.

Японское подразделение компании Microsoft по итогам тестирования четырехдневки заявило об увеличении производительности почти на 40%, уменьшении потребления электроэнергии почти на четверть, а также возможности экономии других ресурсов. Сотрудники компании сообщали об улучшении самочувствия и повышении своей продуктивности, персонал стал более креативным, стало значительно меньше пропусков, опозданий, перерывов и уходов на больничный.

Финансовая компания Новой Зеландии Perpetual Guardian, сократив рабочую неделю до 32-х часов для своих 250 офисных сотрудников, обнаружила, что персонал стал более мотивированным и креативным. Руководители компании отметили рост посещаемости сотрудниками, соблюдение тайминга и сокращение перерывов.

Аналитические центры и агитгруппы, такие как Autonomy, New Economics Foundation и 4-Day Week Campaign, давно указывали на социальные и экономические преимущества, связанные с сокращением рабочего дня, – от повышения производительности

и снижения уровня безработицы до сокращения углеродных выбросов. Помимо этих общих социальных благ, все три организации указывают на очевидные преимущества для одной конкретной группы: для женщин. Действительно, женщины являются одними из наиболее очевидных бенефициаров перехода на четырехдневную неделю, учитывая, что именно женщины «бедны во времени»: во всех европейских странах у мужчин больше ежедневного свободного времени, чем у женщин.

Кроме того, четырехдневную рабочую неделю можно рассматривать как один из способов увеличить число работающих женщин и удержать их как профессионалов в дальнейшем за счет более гибкого рабочего графика. Ведь нередко ситуация складывается так, что после рождения даже здоровых детей некоторые женщины вынуждены уйти с работы. А те, кто продолжает работать, работают меньшее количество часов, расставляя приоритеты в пользу материнства и домашних забот. Короткую рабочую неделю также можно рассматривать как возможность снижения финансовых затрат по уходу за детьми, увеличивая при этом время, которое родители могут проводить вместе.

Женщины являются одними из наиболее очевидных бенефициаров перехода на четырехдневную неделю. Во всех европейских странах у мужчин больше ежедневного свободного времени, чем у женщин.

«Именно рабочая четырехдневка может иметь глубокий гендерный эффект» – к таким выводам пришел главный офис британской компании Welcome Trust, насчитывающей в своих рядах 800 сотрудников и имеющей инвестиционный портфель более \$30 млрд. Компания является одним из крупнейших в мире спонсоров научных исследований. Руководство организации считает, что рабочая неделя, состоящая из четырех дней, позволяет женщинам-сотрудницам, у которых есть дети, полноценно проводить с ними день и в то же время оставаться наравне с коллегами-мужчинами. Несмотря на это заключение, руководство Welcome Trust решило отказаться от четырехдневной рабочей недели через три месяца после введения нового графика, ссылаясь на операционные сложности в реализации нововведения.

Таким образом, выигрыш от четырехдневной рабочей недели для женщин очевиден: улучшение финансового положения, возможность профессионального роста и развития, социальная защищенность, более прочный брак, хорошее здоровье и более высокая удовлетворенность жизнью. И все это в балансе, а не «на растяжке».

В Украине идея о четырехдневке начала активно обсуждаться после соответствующего предложения Международной организации труда в 2014 году. Разговоры ведутся уже несколько лет, однако автоматизация и цифровизация труда, обновленная инфраструктура, усовершенствование систем обучения и переквалификация персонала с фокусом на новые потребности, высокая налоговая нагрузка и прочие недостающие факторы в нашей экономике не позволяют ожидать такое нововведение в ближайшее время.

О глобальном переходе на новую модель организации рабочего времени пока еще рано говорить. Некоторые экономисты считают, что идея четырехдневки применима не

во всех странах, не во всех отраслях экономики, не на всех предприятиях. Так, например, для сферы услуг и профессий, связанных с применением физической силы (охранники, водители, дворники, курьеры) четырехдневка кажется маловероятной. Уменьшается время для реализации возможностей, которые могут способствовать продвижению карьеры работника в долгосрочной перспективе. Повышается вероятность возникновения дефицита кадров в тех отраслях, где работа ведется круглосуточно.

О глобальном переходе на новую модель организации рабочего времени пока еще рано говорить

Я искренне поддерживаю идеи социальной справедливости и гендерного равенства и считаю, что нам необходимо менять не только отношение общества, но и законы, которые позволяли бы большинству активных женщин чувствовать себя социально защищенными, профессионально реализовываться и иметь семью и детей. Сокращение рабочей недели для женщин стало бы одним из решений проблем гендерного неравенства.

📍 **Катерина Задоенко** (Kateryna Zadoienko) - аспирантка Национальной Академии государственного управления при президенте Украины, консультантка по гендерному мейнстримингу международной организации миграции, координаторка инициативы Женское лобби в Украине.

По старому кругу

«Грузинская мечта» остается у власти на третий срок. Почему Саакашвили не удалось взять реванш?

Торнике Шарашенидзе

У Грузии был шанс во второй раз сменить правительство конституционным путем и тем самым сделать огромный шаг на пути становления европейской демократии. Но, наверное, этот шанс изначально был призрачным и теоретическим. Оппозиция была слишком разрознена, а на стороне правящей партии были не только административный ресурс, но и капитал ее лидера, миллиардера Бидзины Иванишвили.

Восемь лет назад Иванишвили удалось победить на выборах Михаила Саакашвили и, как видно, уходить он не собирается. По итогам парламентских выборов, прошедших 31 октября, его партия «Грузинская мечта» остается у власти на третий срок. Такого не удалось ни такому успешному реформатору, как Михаил Саакашвили, ни такому политику мирового масштаба, как Эдуард Шеварднадзе.

Оппозиция так и не вынесла уроки из прошлых поражений

Главным конкурентом Иванишвили все еще остается Саакашвили, который не скрывает своих намерений в случае возврата к власти устроить олигарху разбор полетов в своем фирменном стиле. И это не просто слова, бывший президент «выжил» после тяжелого поражения в 2012 году и дважды «воскрес» благодаря своему влиянию и связям в Украине. С ним придется считаться и впредь.

Как ни странно, фактор Саакашвили играет на руку миллиардеру. Пока у граждан Грузии выбор стоит между Мишей и Бидзиной, большинство будет голосовать за последнего. Да, при Иванишвили не проводятся реформы, обесценилась национальная валюта, но при этом его режим не так brutalен, как при Саакашвили. Саакашвили вытащил Грузию из болота и превратил ее в функционирующее государство, но при этом жестоко притеснял оппонентов. Многие боятся, что если он вернется в Грузию как победитель, то развернет репрессии.

Важно отметить, что в грузинском обществе уже давно назрел запрос не третью силу. Многие политические партии, как и раньше, пытаются занять эту нишу. Из них в первую очередь нужно выделить партию бывших сподвижников Саакашвили «Европейская Грузия». Но, как подтвердили прошедшие выборы, ни им, никому другому не удалось удовлетворить этот общественный запрос.

Создается впечатление, что оппозиция так и не вынесла уроки из прошлых поражений. Как в 2012 году, так и в 2016 и 2018 годах они все еще называют Иванишвили «агентом Кремля», несмотря на то что такая пропаганда уже давно не работает. Во-первых, она остается на уровне спекуляции, ведь при Иванишвили Грузия получила безвизовый

режим и режим свободной торговли с ЕС. Во-вторых, простых людей интересуют прежде всего такие вопросы, как рабочие места и здравоохранение. Это стало особенно явно, когда рейтинг «Грузинской мечты» благодаря успешной борьбе с пандемией весной вырос, а осенью, когда ситуация ухудшилась, упал.

Еще одной проблемой для оппозиции стала разрозненность. Малые оппозиционные партии критиковали Саакашвили не меньше, чем Иванишвили. Такая атмосфера явно не сыграла в пользу оппозиции. В 2012 году, когда оппозиция выиграла парламентские выборы, она была единой и за ней стоял огромный капитал Иванишвили.

Правящая партия явно приписала себе больше голосов, чем получила бы в честной борьбе, но все равно значительно опередила всех остальных

Такое отсутствие единства сыграло на руку как власти, так и Саакашвили. Последний сознательно пошел на поляризацию политического процесса, чтобы убедить недовольных властью избирателей в том, что его персона является единственной альтернативой правящей партии. В итоге ряд малых, но амбициозных партий не смогли преодолеть даже однопроцентный барьер, а преодолевшие будут иметь по четыре-пять мандатов. При этом «Единое национальное движение» Саакашвили получит до 40 мандатов. Проблема здесь в том, что бывший президент явно рассчитывал на победу над Иванишвили, а не только над остальной оппозицией.

Парламентские выборы 2020 года явно были далеки от совершенства. Имело место множество случаев подкупа и запугивания избирателей. Но при этом и миссия наблюдателей ОБСЕ, и посольство США в Грузии признали выборы легитимными. Правящая партия явно приписала себе больше голосов, чем получила бы в честной борьбе, но все равно значительно опередила остальных. По официальным данным, у нее больше 48% от пропорциональных мандатов, а вместе с мажоритарными этого более чем достаточно для формирования правительства. По результатам параллельного подсчета у нее почти 46%. Разница не такая уж и большая.

Раз заменить Иванишвили на Саакашвили вряд ли получится, остается одно: активная поддержка новых политических сил в стране

Оппозиция на второй же день вышла на улицы, не признавая результаты выборов. Ее лидеры грозят бойкотом парламента, несмотря на призывы западных партнеров к сотрудничеству. Такой сценарий точно не пойдет на пользу грузинской демократии. В 2008 году оппозиция уже бойкотировала парламент, тем самым создав вакуум в политике, который спустя четыре года был заполнен Иванишвили.

Новому правительству будет непросто. Пандемия сильно ударила по экономике, и Грузию ждет кризис. Если власти не справятся с этими вызовами, то все может закончиться

досрочными выборами, и оппозиция может получить второй шанс довольно скоро. Иванишвили тоже не вечен – ему рано или поздно придется пойти навстречу требованиям Запада, который не хочет, чтобы Грузия превратилась в типичный постсоветский гибридный режим.

И вот тут подходим к важному вопросу: придет ли время, когда Запад и США займутся Грузией серьезно? Если президентом США станет Байден, наверное, стоит ожидать некоего ужесточения позиции по вопросам демократии. Но раз заменить Иванишвили на Саакашвили вряд ли получится, остается одно: активная поддержка новых политических сил в стране. И это нужно сделать быстрее, иначе политическая жизнь будет крутиться по старому кругу.

Ⓢ **Торнике Шарашенидзе** (Tornike Sharashenidze) – политолог, профессор и руководитель Школы международных отношений Грузинского института общественных дел. Бывший аналитик Совета национальной безопасности Грузии и помощник по внешней политике премьер-министра Грузии.

